

Основы фразеологии

Анатолий Баранов

Науча. Флинта

Наука. Флинта

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский

ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИИ

Краткий курс

Учебное пособие

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 811.161.1'373(0758)
ББК 81.2Рус-3-923
Б24

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института лингвистики РГГУ
и Ученым советом Института русского языка РАН*

Рецензенты:
проф., д-р филол. наук *М.А. Кронгауз*,
д-р филол. наук *Е.В. Урысон*

Баранов А.Н.

Б24 Основы фразеологии (краткий курс) [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2014. — 312 с.

ISBN 978-5-9765-1567-3

В книге рассматриваются фундаментальные проблемы фразеологии: категория идиоматичности и идиомы, специфика фразеологизмов как особой части лексикона, классификация фразеологизмов, особенности семантики и стилистики фразеологизмов, связь актуального значения фразеологизма с внутренней формой, способы экспликации внутренней формы в толковании идиомы, синтаксическое поведение фразеологизмов, особенности фразеологии различных языков и различных авторов, связь фразеологии с культурой народа и проблемы ее перевода. В качестве теоретической основы используются положения современной лингвистической и лексической семантики, лексикографии и теории дискурса. Отдельная глава посвящена истории развития фразеологии как науки.

Книга адресована специалистам по фразеологии, лексической семантике и лексикографии, а также студентам-филологам.

УДК 811.161.1'373(0758)
ББК 81.2Рус-3-923

ISBN 978-5-9765-1567-3

© Баранов А.Н., Добровольский Д.О., 2013
© Издательство «ФЛИНТА», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. История фразеологии: направления исследований	7
Глава 2. Основные понятия теории фразеологии	43
Глава 3. Классификация фразеологизмов	67
Глава 4. Семантические отношения во фразеологии	99
Глава 5. Внутренняя форма фразеологизмов	130
Глава 6. Фразеография — словарное описание фразеологизмов	151
Глава 7. Стилистические особенности фразеологии	161
Глава 8. Авторская фразеология	188
Глава 9. Сопоставительная фразеология и проблемы перевода	205
Глава 10. Национально-культурная специфика фразеологии	222
Заключение: фразеология как лингвистическая дисциплина и ее перспективы	237
ЛИТЕРАТУРА	239
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	255
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	257
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	261
УКАЗАТЕЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	265

ВВЕДЕНИЕ

Термин фразеология (греч. *phrasis* — ‘выражение’ и *lógos* — ‘слово, учение’) имеет несколько пониманий. Во-первых, это лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания — фразеологизмы. Во-вторых, совокупность фразеологизмов того или иного языка также называется его фразеологией. В-третьих, под фразеологией понимают особенности функционирования лексики в дискурсе отдельных социальных групп и политических направлений (например, говорят: *революционная фразеология, марксистская фразеология, нацистская фразеология*). В последнем случае слово *фразеология* используется не как термин и поэтому здесь не рассматривается.

Фразеология как учебная дисциплина входит в курс лексикологии изучаемых языков: и русского, и иностранных. В ряде случаев фразеология читается в виде спецкурса. В настоящее время имеется несколько учебников по фразеологии русского, немецкого, английского, французского и некоторых других языков. По большей части эти учебники были созданы в 60–80-х годах XX в. Российских учебников, которые отражали бы современный уровень знаний, достигнутых в лингвистической теории, на настоящий момент нет. Ситуация усугубляется еще и тем, что отечественная фразеология переживает не самый лучший период своего развития, хотя как самостоятельная лингвистическая дисциплина она зародилась именно в России в середине XX в.

Отметим также, что ориентация существующих учебников и пособий по фразеологии на конкретный язык ограничивает возможность рассмотрения общетеоретических проблем, возникающих при исследовании разных языков. Ощущается необходимость краткого введения во фразеологическую науку, предполагающего рассмотрение фразеологии в контексте современной лингвистической теории — и прежде всего в контексте новейших семантических концепций. Широкий взгляд на теоретические и прикладные проблемы современного языкознания необходим для понимания места фразеологии в системе языка.

Цель этой книги — познакомить студентов с предметом фразеологии как науки, а также с основными методами исследования фразеологических единиц. Этого можно достичь, представив в ясном виде основы научного подхода к изучению и описанию фразеологии, а также проиллюстрировав теоретические положения примерами из русского и других языков.

Данный курс является общетеоретическим — это **курс общей фразеологии**. Основное внимание обращается на представление и объяснение категориального аппарата фразеологии, таких важнейших понятий, как семантическая переинтерпретация и непрозрачность (составляющих категории идиоматичности), устойчивость, внутренняя форма и актуальное значение. К основам фразеологической теории относится и типология (классификация) фразеологизмов, представление об образной составляющей в семантике фразеологизмов и характере ее влияния на актуальное значение.

Широко распространенные семантические отношения — синонимия, антонимия, многозначность и др. — реализуются во фразеологической системе специфическим образом, не так, как в обычной лексике. Их описанию посвящена отдельная глава данной книги. Рассматривается также и стилистика фразеологии, в частности возможности стилистической дифференциации идиом с использованием системы стилистических помет — собственно стилевых, дискурсивных, временных и пр.

В современной фразеологии особое внимание уделяется культурной специфике фразеологических единиц разных языков, а также функционированию идиом в конкретных употреблениях — прежде всего в художественном тексте. Этим тенденциям посвящены отдельные главы книги. Не обойдена вниманием и проблема межъязыковой эквивалентности фразеологизмов, а также способов их перевода на другие языки. Кроме того, обсуждаются особенности словарного описания фразеологии.

Кратко очерчена история изучения отдельных аспектов фразеологии — синтаксического поведения идиом, их вариативности, происхождения, психолингвистических факторов функционирования идиоматики и др.

Каждая глава заканчивается небольшим списком рекомендованных книг и статей с кратким указанием обсуждаемых тем, что должно помочь ориентации читателя. Кроме того, предлагается на-

бор упражнений, помогающих выработать практические навыки анализа фразеологического материала.

Последовательность глав учебника задается внутренней логикой изложения, однако при чтении данного курса могут быть выбраны различные методики подачи материала. Бóльшая часть глав относительно автономна, что позволяет варьировать порядок обсуждения тем.

Данная работа выполнена в рамках исследований, проводившихся по грантам РГНФ № 12-34-10413, № 12-04-12054 и программы стратегического развития РГГУ.

Авторы выражают искреннюю признательность Н. Шибасовой за эффективную помощь в подготовке рукописи.

ИСТОРИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фразеология представляет собой лингвистическую дисциплину, основы которой в существенной степени были заложены в отечественной филологической традиции. М.В. Ломоносов, разрабатывая концепцию словаря русского литературного языка, указывал на то, что в нем должны найти отражение «российские пословия», «фразесы» и «идиоматизмы». Идеи о необходимости изучения «слитных речений» в разное время высказывали также И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, И.И. Срезневский и Ф.Ф. Фортунатов. На известную идиоматичность определенных словосочетаний русского языка указывал А.А. Шахматов в рамках своей синтаксической теории. Ряд теоретических соображений в пользу выделения фразеологии в отдельную область лингвистических исследований обнаруживается в трудах Е.Д. Поливанова, который отмечал, что фразеология занимает «по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии» [Поливанов 1968: 207].

Первая научная классификация русских фразеологизмов, предложенная В.В. Виноградовым, основывалась, однако, не столько на отечественной традиции, сколько на идеях Ш. Балли. Этот период принято считать началом формирования фразеологии как автономной лингвистической дисциплины. Вслед за работами В.В. Виноградова 40–50-х годов XX в. началось широкое исследование фразеологического материала различных языков народов СССР, а затем и языков Европы — в первую очередь германских, романских и славянских.

В 80-х годах XX в. центр исследований по фразеологии стал постепенно перемещаться из России (точнее, из СССР) в Западную Европу. Об этом свидетельствует проведение регулярных международных конференций «Еврофраз», а также вышедшая в 2007 г. фундаментальная энциклопедия «Фразеология» [HSK Phr] и публикуемый издательством Mouton de Gruyter ежегодник «Yearbook

of Phraseology». Интересно, что англосаксонская лингвистика традиционно не уделяла и до сих пор не уделяет должного внимания фразеологии¹. В США фразеология до сих пор остается достаточно экзотической дисциплиной. Можно предположить, что это связано с сильным влиянием бихевиоризма и генеративизма.

Если проанализировать развитие фразеологии с начала ее возникновения в середине XX в. и до сегодняшнего времени, то выделяются следующие основные сферы исследовательских интересов:

- классификация фразеологических единиц;
- варьирование фразеологических единиц;
- описание семантики фразеологизмов;
- структурно-синтаксические особенности фразеологизмов;
- происхождение фразеологизмов;
- психолингвистические аспекты функционирования идиом;
- словарное описание фразеологии;
- сопоставительная фразеология;
- фразеология как феномен культуры.

1. Классификация фразеологических единиц

В основе концепции В.В. Виноградова лежала классификация фразеологизмов, предусматривавшая выделение трех типов единиц: фразеологических сращений, фразеологических единств и фразеологических сочетаний [Виноградов 1946; 1977]². Концепция В.В. Виноградова на долгие годы определила развитие советской фразеологии в русистике. Отчасти она была заимствована и за рубежом.

Альтернативная классификация была предложена И.Е. Аничковым. Она была основана преимущественно на структурных параметрах (а не на мотивационных, как у В.В. Виноградова). В его

¹ Ср., однако, [Makkaï 1972; Cowie 1998; Moon 1998; Wray 2002]. Несколько больше внимания в американской традиции уделялось паремиологии, ср. регулярно издаваемый в Вермонте В. Мидером альманах «Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship».

² Подробнее о классификации В.В. Виноградова и ее последующем развитии см. главу 3.

структурной классификации выделялось три типа словосочетаний: 1) словосочетания, состоящие из одного полнозначного и одного неполнозначного слова (*to look at, to laugh at, an attempt at, at home, at liberty*); 2) сочетание двух полнозначных слов (*a bad headache, a sheet of paper, to want badly*); 3) словосочетание трех и более полнозначных слов, имеющих структуру предложения, а также сочетание нескольких предложений [Аничков 1997а: 105]. Очевидно, что в последний класс предложенной классификации попадают целые фрагменты текста. Тем самым фразеология в понимании И.Е. Аничкова выходит за пределы лексикона и приобретает совершенно иные границы, становясь рядоположенной лингвистике текста. По неструктурным критериям, т.е. по другому основанию, классификация предполагала выделение двух других классов фразеологизмов: 1) коллокации (фразеологические сочетания в понимании В.В. Виноградова) и 2) идиомы, пословицы и речевые формулы в современном понимании. Отметим, что эта классификация во многом предвосхитила важнейшее разграничение фразеологических единиц на идиомы и коллокации.

В научной литературе 60–70-х годов XX в. тема классификации во фразеологии была необычайно популярна. Предлагались разнообразные типологии, часто ориентированные на материал других языков (см., в частности, исследования Н.М. Амосовой, А.В. Кунина, И.И. Чернышевой и др.).

Иной подход, существенно более широкий по охвату фразеологических феноменов, представлен в работах В.Л. Архангельского [Архангельский 1964]. В рамках этой концепции к фразеологии относятся все устойчивые словосочетания (в терминологии В.Л. Архангельского «фраземы» и «устойчивые фразы»). Фраземы имеют структуру словосочетания, а устойчивые фразы — структуру предложения. В.Л. Архангельский предлагает различные классификации фразеологизмов по различным основаниям, в том числе по синтаксической функции [Архангельский 1964: 185 и далее]. В основе базовой таксономии В.Л. Архангельского лежат идеи Л. Ельмслева о типах отношений между языковыми единицами: интердепенденция (взаимозависимость), детерминация (односторонняя зависимость) и констелляция (свободная связь). В результате выделяются фразеологизмы различных типов. В частности, фразеологизмы, основанные на интердепенденции (*шурь-мурь, денно и ночью*);

фразеологизмы, основанные на детерминации (*бить баклуши, исчадие ада, попасть впросак*) и некоторые другие [Архангельский 1964: 180–191].

Выделенные группы далее разделяются на множество различных подгрупп. Цель такого деления фразеологизмов на группы чисто классификационная. Выделяемые группы с интуитивной точки зрения не всегда гомогенны, т.е. непонятно, какие лингвистические феномены лежат в основе той или иной выделяемой группы. Так, объединение в одной из групп весьма разнородных идиом (*скалить зубы* ‘смеяться’, *понуришь голову* ‘опечалиться’) и коллокаций (*топорная работа, трескучий мороз, зло берет*) семантически плохо мотивировано. Впрочем, в рамках структурного подхода 60–70-х годов такой способ описания выглядит вполне органично.

Существенной особенностью концепции В.Л. Архангельского является выделение группы грамматических фразеологизмов — «семантически опустошенных ФЕ»: *то есть, как будто, по мере того как, не взирая на, не то чтобы не... а, едва ли не, вовсе не* и др. [Архангельский 1964: 67].

Классификация фразеологизмов, основанная преимущественно на семантических параметрах, была предложена в ряде работ М.М. Копыленко и З.Д. Поповой. Исходя из вполне разумного предположения о том, что между абсолютно свободными словосочетаниями и жестко фиксированными и непрозрачными словосочетаниями существует множество переходных случаев, авторы строят подробную классификацию. Излишняя дробность классификации и произвольность ее параметров приводят к тому, что многие классы вызывают впечатление искусственного и немотивированного построения. В основе разделения словосочетаний на группы лежат особенности семантики слов, входящих в соответствующее выражение. Основные типы значений полнозначных слов (служебные исключались) — это «денотативные» (Д) и «коннотативные» (К). Под первыми, по-видимому, понимаются прямые значения и значения, полученные в результате тропеических преобразований, а ко вторым относятся случаи типа *куриный* в сочетании *куриная память* или *лавочка* в сочетании *по пьяной лавочке*. Вероятно, коннотативные значения интерпретируются как уникальные для данного слова в конкретном фиксированном словосочетании. Внутри денотативных значений выделяются два подкласса, а внутри коннота-

тивных — три. Все словосочетания, состоящие из двух (максимум трех) слов классифицируются в соответствии с принадлежностью их составляющих к Д- или К-типу. Например, *дети учатся* — это словосочетание Д1Д1, т.е. оба компонента употреблены в своих прямых значениях. С другой стороны, выражение *шерочка с машерочкой* попадает в группу КЗКЗ, поскольку состоит из двух уникальных компонентов.

Странным образом авторы, с одной стороны, относят к фразеологии и словосочетания типа Д1Д1, т.е. свободные словосочетания без каких бы то ни было признаков идиоматичности или устойчивости, а с другой стороны — исключают из сферы фразеологии любые словосочетания, состоящие из более чем трех однозначных слов. Не считаются фразеологизмами также пословицы, поговорки, речевые формулы, имеющие структуру предложения.

Как и во многих предшествующих случаях, выделенные группы фразеологизмов не отвечают интуиции. Возникает впечатление, что классификации делаются ради самих классификаций.

Д.Н. Шмелев, разбирая в своем учебнике по лексике русского языка имеющиеся классификации фразеологизмов, формулирует свой собственный подход к фразеологии. Основное свойство фразеологизмов, отличающее их от свободных словосочетаний, он видит в их связанности. Так, связанность может быть парадигматической, в том смысле, что фразеологизм заполняет определенную клетку в той или иной таксономии и с этой точки зрения оказывается целостной номинативной единицей языка (ср. *белый гриб* в противопоставлении другим названиям грибов — как однословным, так и неоднословным, *львиный зев* в ряду прочих названий цветов, *двоюродный брат* в системе терминов родства). Синтагматическая связанность — это аналог детерминации, по В.Л. Архангельскому: «один из компонентов словосочетания невозможен вне определенного лексического окружения» [Шмелев 1977: 313]. Этот тип связанности реализуется в таких выражениях, как *вменить в вину* / *в заслугу* / *в обязанность*, *смежить глаза* / *очи* / *веки*, *слёзно просить* / *молить* / *умолять*, *закадычный друг*. Третий тип — это деривационная связанность. Она характеризует значения слов в словосочетании, возникшие в результате различных семантических преобразований, в том числе тропеических. Сюда относятся, например, выражения *снег идет*, *глубокая осень* / *ночь* / *старость*.

Классификация фразеологизмов возникает как производное от классификации типов связанности. Поскольку в одной и той же форме могут быть представлены различные типы связанности, то итоговых классов оказывается семь [Шмелев 1977: 319].

По представленным примерам заметно, что многие проводимые разграничения неочевидны. Так, например, не вполне ясно, чем отличаются попавшие в разные классы выражения *смотреть сквозь пальцы* и *замолвить словечко*. С современной точки зрения и то и другое идиома, хотя в выражении *замолвить словечко* присутствует уникальный компонент, а в выражении *смотреть сквозь пальцы* — нет. С другой стороны, непонятно, почему в один класс попадают выражения *плыть по течению* и *железная дорога*. Как кажется, важнее разграничить, условно говоря, *львиный зев* и *белый гриб*. Дело в том, что *львиный зев* представляет собой результат полной переинтерпретации выражения, а *белый гриб* — нет (переосмыслен только компонент *белый*). Интуитивно это хорошо ощущается носителями языка. Неудивительно, что и эта классификация не получила практического распространения. Отметим, что Д.Н. Шмелев ввел термин «фразеосхема», который относился автором к продуктивным синтаксическим конструкциям русского языка. Выделение класса фразеосхем оказалось очень важным для современной теории фразеологии (см. подробнее главу 3).

В советской и российской лингвистике предлагались как модифицированные варианты классификации В.В. Виноградова, так и оригинальные концепции, которые, как правило, разграничивали типы фразеологизмов по чисто структурным критериям, не имеющим интуитивно ясного обоснования, и тем самым не в полной мере отвечали на вопрос о специфике фразеологизмов как особого слоя лексики естественного языка.

Оригинальные теоретические концепции возникали у отечественных исследователей, работавших с материалом германских и романских языков. Так, И.И. Чернышева выработала подход, который лег в основу научного описания немецкой фразеологии в русском и зарубежном языкознании [Чернышева 1970; Černyševa 1980]. Базовые параметры ее классификации — это наличие семантической переинтерпретации, серийность-уникальность сочетаемости и образование форм по фиксированной схеме. Применение указанных параметров позволило сформировать четыре класса

фразеологизмов (в терминологии автора — «устойчивых словесных комплексов»):

1) собственно фразеологизмы, которые далее делятся на несколько групп;

2) фразеологизованные словосочетания (серийные образования типа рус. *зло / тоска / досада берет*, нем. *blinde Tasche / Tür, blindes Fenster* — букв. «слепой карман, слепая дверь, слепое окно», где *blind* реализует значение ‘фальшивый, непрорезанный до конца’);

3) образования по модели; например, нем. *X hin X her*, что соответствует русской уступительной конструкции *X X-ом (праздник праздником, а завтра все-таки на работу идти)*;

4) лексикализованные неоднословные наименования (типа *Ближний Восток*).

Советская фразеология в 1950—1970-е годы явно опережала развитие этой дисциплины за рубежом. Многие идеи, высказанные в это время советскими лингвистами, были заимствованы и развиты в англо- и прежде всего в немецкоязычных странах. Хороший пример такого рода представляет собой развитие немецкой фразеологии (в первую очередь в Германии и Швейцарии), опиравшейся на опыт советских исследователей³. Для немецкой традиции было характерно признание множественности оснований классификации, тем самым выбор классификации определяется задачами, стоящими перед исследователем. Например, в авторитетной монографии В. Фляйшера излагаются различные классификации фразеологизмов, в том числе по морфосинтаксическим параметрам (субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные фразеологизмы), по коммуникативным параметрам (номинативные и коммуникативные фразеологизмы⁴) и пр. Во многом эта работа и другие немецкоязычные исследования фразеологии опирались на идеи И.И. Чернышевой.

Широкая классификация устойчивых словосочетаний, явно выходящая за рамки традиционного понимания фразеологии, представлена в известном учебнике Х. Бургера. Он выделяет три основных класса фразеологизмов. Первый класс — «референци-

³ Ср. [Burger 1973; Häusermann 1977; Jaksche et al. 1981; Fleischer 1997 (первое издание 1982); Burger et al. 1982].

⁴ Ср. понятие речевой формулы в главе 3.

альные фразеологизмы» (любые фразеологизмы, которым может быть сопоставлен хоть какой-то референт, в том числе и ситуация, ср. *schwarzes Brett, jmdn. übers Ohr hauen, Morgenstund hat Gold im Mund*). Второй класс — «структурные фразеологизмы», соответствующие грамматическим фразеологизмам в нашей терминологии, — *in Bezug auf, sowohl... als auch...* (см. подробнее главу 3). Третий класс — «коммуникативные фразеологизмы», или «клишированные формулы» (*Routineformeln*), включающие речевые формулы в нашем понимании (*guten Morgen*), а также широкий спектр непереосмысленных словосочетаний, выполняющих метатекстовые функции (*ich meine*). Далее каждый из этих классов подразделяется на более частные группы. Так, «референциальные фразеологизмы» подразделяются на «номинативные» и «пропозициональные». К первым относятся идиомы, «частичные идиомы» (*Teilidiome*, т.е. идиомы с компонентами в прямом значении; например, *бежать сломя голову*, где глагол *бежать* использован в своем прямом значении) и коллокации, ко вторым — пословицы, поговорки, идиомы предикативной структуры (типа *денег куры не клюют у кого-л.*; ср. нем. *jmds. Thron wackelt*) и «общие места» (*man lebt ja nur einmal*) [Burger 1998: 36–40].

Оригинальная концепция фразеологии предложена И.А. Мельчуком в рамках модели «Смысл — Текст». По формальным критериям в этой теории выделяются внутрисловные фраземы (= морфологические фраземы, например, глагол *забывать*, значение которого не образовано по регулярным правилам из *за + бывать*), которые противопоставлены фраземам-словосочетаниям (фразеологизмам в традиционном понимании) и синтаксическим фраземам (*Ему не до тебя*). Содержательная классификация предусматривает разделение всего множества фразеологизмов на два больших подмножества — семантические и прагматические фраземы. Под последними понимаются выражения типа *Руки вверх!* (см. категорию ситуативных клише в главе 3). Группа семантических фразем подразделяется на три класса: идиомы, коллокации и квазиидиомы, восходящие к классификации В.В. Виноградова (сращения, сочетания и единства).

Главная идея концепции И.А. Мельчука состоит в том, что к классу идиом относятся только такие фразеологизмы, которые не допускают никаких регулярных синтаксических преобразований — пассивизации, образования относительного придаточного

предложения, построения специального вопроса к компонентам фразеологизма и т.п. Типичные примеры идиом в рассматриваемом понимании *to kick the bucket* и его русский аналог *откинуть копыта*. Соответственно, все семантически членимые фразеологизмы, допускающие те или иные трансформации, попадают в класс коллокаций. Например, выражения *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу* являются коллокациями, поскольку можно сказать *Кашу, которую ты заварил, придется расхлебывать мне*, а также сформулировать вопрос *Какую кашу ты опять заварил?* Сюда же относятся выражения типа *разбить сердце (кому-л. / чье-л.)*. Ср. возможность пассивизации *Мое сердце было разбито*. Таким образом, в состав коллокаций попадают и фразеологизмы типа *жгучий брюнет*, *принимать меры*, *проливной дождь*, и фразеологизмы *заваривать кашу*, *разбить сердце*. Такое решение противоречит интуиции. Дело в том, что выражения *заваривать кашу* и *разбить сердце* полностью переинтерпретированы, т.е. все слова, которые входят в их состав, употреблены в переносных значениях. В то время как *жгучий брюнет*, *принимать меры*, *проливной дождь* — явные коллокации, поскольку слова *брюнет*, *меры* и *дождь* реализуют в них свои прямые значения. Возможно, в рамках формальной модели «Смысл–Текст» такое решение оказывается разумным и необходимым, однако вне этой концепции оно воспринимается как немотивированное.

Что касается группы квазиидиом, то к ним относятся выражения типа англ. *shopping center* и рус. *торговый центр*. Поскольку значение этих выражений не выводится в точности из значений составляющих их компонентов (ср. ‘группа магазинов разного типа, собранных на отдельном участке и построенных как единое целое, образующих тем самым центр торговой деятельности’ [Иорданская, Мельчук 2007: 242]), то они считаются частью фразеологии. Если следовать этому принципу, то практически все неоднословные номинации и описания ситуаций следует относить к квазиидиомам. Действительно, даже фраза *пить чай* не описывает все компоненты традиционной ситуации чаепития, называя лишь некоторые из них. Например, в русской традиции чаепития часто используются сахар и лимон. На вопрос *Что делали вечером?* естественно ответить *Пили чай*, а вовсе не *Пили чай с сахаром* или *Пили чай с лимоном*.

Выделяется еще один параметр классификации: сторона языкового знака, затрагиваемая фразеологизацией. Соответственно, вы-

деляются фраземы по означаемому (обычные фразеологизмы), по означающему (супплетивные формы выражения грамматических значений) и по синтактике (синтактические фраземы — *by and large* ‘в общем и целом’, *far from* во фразе типа *He far from solved the problem* ‘Он никоим образом не решил эту задачу’ и т.п.). Если учесть все значения параметров классификации, предлагаемых И.А. Мельчуком, то общее количество типов фразеологизмов теоретически будет равно 54 [Иорданская, Мельчук 2007: 302]. Отметим, что именно в классификации фразеологических единиц И.А. Мельчук видит основную задачу теории фразеологии [Иорданская, Мельчук 2007: 315]).

Распространение фразеологии на все уровни языковой системы и на все типы нерегулярности (что приводит к столь дробной классификации рассматриваемых феноменов) объясняется тем, что идиоматичность подменяется в этой концепции категорией фразеологизации. Понятно, что идиоматичность действительно охватывает все уровни языка и все области нерегулярного (см. подробнее главу 2). А фразеология в общепринятом понимании — это часть лексикона. Неясно, каковы теоретические основания отождествления фразеологии и идиоматичности.

В целом очевидно, что создатели модели «Смысл—Текст», расширяя саму область фразеологии, стараются при этом минимизировать сферу нерегулярного в ней, приписав фразеологически связанным значениям слов толкования в словаре и сделав язык как бы более регулярным. Так, согласно И.А. Мельчуку, во фразеологизме *to pull strings* ‘использовать личные связи для достижения чего-либо’ = букв. «подергать за веревочки» у существительного *strings* (‘веревочки’) выделяется значение ‘личные связи, используемые для достижения чего-либо’, а глагол *to pull* рассматривается как реализация лексической функции Real [Иорданская, Мельчук 2007: 284]. Это позволяет каждый раз порождать соответствующее выражение по уникальным правилам, приписанным глаголу *to pull* и существительному *strings*. Аналогичные решения принимались и в трансформационной порождающей грамматике при семантической интерпретации идиом, порождаемых синтаксическим компонентом [Bar-Hillel 1955].

Концентрация внимания исследователей на проблемах классификации в начальный период развития фразеологии вполне понят-

на: обоснование, определение и уточнение предмета исследования новой дисциплины требовало формирования ее онтологии — общего понятийного представления об объектах анализа и границах исследуемого феномена. Когда некоторое общепринятое понимание между исследователями было достигнуто, интерес к классификациям во фразеологии заметно снизился. Центр внимания исследователей переместился в сторону изучения семантики, прагматики и синтаксиса фразеологизмов. Стало активно развиваться словарное направление (см. главу 6). Иными словами, область интересов переместилась в сторону инструментария анализа фразеологизмов и инвентаризации конкретного языкового материала. Ниже, в главе 3, обсуждаются основные классы фразеологизмов, которые соответствуют общепринятой практике.

2. Варьирование фразеологических единиц

Варьирование фразеологизмов — одна из наиболее популярных областей исследования во фразеологии. Понятно, что из-за неоднозначности фразеологизма потенциал варьирования формы фразеологической единицы существенно шире, чем у слова. Проблема осложняется еще и тем, что варьирование отдельных компонентов может быть настолько велико, что границы фразеологизма размываются. Так, выражение *бросать / кидать / швырять деньги на ветер* из-за значительного варьирования глагольного компонента может рассматриваться и как сочетание идиомы *деньги на ветер* с глаголом определенного семантического класса, и как единая глагольная идиома, допускающая варьирование. Кроме того, в данной устойчивой последовательности слов варьировать может и существительное: *деньги* могут заменяться на *слова*, что накладывает дополнительные ограничения на варьирование глаголов. Так, плохо сказать *швырять / кидать слова на ветер*, что подтверждается данными НКРЯ: с глаголом *швырять* примеров нет вообще, а с глаголом *кидать* — лишь один пример⁵. При этом более употребительной является форма с отрицанием *не бросать слов на ветер* (по

⁵ Здесь и далее все количественные оценки по корпусам текстов действительны, естественно, на момент проведения соответствующего исследования.

НКРЯ *не бросать слов на ветер* — 46 контекстов, а *бросать слова на ветер* — 3⁶). Замена существительного ведет к настолько значительному изменению значения всего словосочетания, что естественнее рассматривать выражения *бросать* / *кидать* / *швырять деньги на ветер* и *не бросать слов на ветер* как две разных идиомы.

На рассмотренном примере видно, что проблема варьирования не является чисто схоластической, а оказывается весьма существенной для лексикографии. Если варьирование приводит к значительному изменению семантики, то такие случаи необходимо рассматривать как разные фразеологизмы. В словаре они должны представляться в разных словарных статьях с разным набором стилистических помет, толкований и т.д. Если же варьирование не приводит к изменению семантики, то нет оснований разделять варьируемые формы на разные фразеологизмы.

Основная направленность исследований в данной области — формальная классификация случаев варьирования. Первые классификации такого рода появились еще в 60-е годы [Архангельский 1964; Проблемы устойчивости 1968]. На материале русского языка известны классификации А.И. Молоткова [Молотков 1977: 69—89], Е.И. Дибровой [Диброва 1979], В.П. Жукова [Жуков 1986], Н.М. Шанского [Шанский 1996], на материале английского языка — классификация А.В. Кунина [Кунин 1970: 160—193].

В большинстве классификаций выделяется варьирование на разных уровнях языковой системы: в сфере фонетики и/или орфографии, в области морфологии, синтаксиса и лексики. Морфологическое варьирование предполагает такие изменения, как варьирование по числу, падежу, виду, реже роду и пр. (*с боку припёка* и *с боку припёку*). Фонетико-орфографическое варьирование может быть проиллюстрировано следующим примером: *сесть в калошу* — *сесть в галошу*. Под варьированием синтаксической структуры чаще всего понималось варьирование порядка слов.

Наиболее богато лексическое варьирование. Оно проявляется в замене компонентов фразеологизма (*брать за горло* — *брать за*

⁶ Интересно, что даже при отсутствии эксплицитного отрицания при глаголе *бросать* контекст в целом оказывается отрицательно поляризованным. Ср.: *Дикторы о Хрущеве не сказали ни слова, но само это полное упоминание столь обязательно упоминаемой личности было признаком того, что Би-би-си бросает слова на ветер не зря* [В. Войнович. Монументальная пропаганда].

жабры; витать в облаках — парить в облаках), в расширении (*зарубите на носу — зарубите себе на носу*) и усечении компонентного состава (*ни в зуб ногой — ни в зуб; мягко стелет, да жестко спать — мягко стелет*). Иногда выделяется и словообразовательное варьирование, которое следует рассматривать как вид лексического (или морфологического) варьирования.

Довольно подробно классификация разнообразных типов варьирования представлена в словаре «Фразеологизмы в русской речи» [Мелерович, Мокиенко 1997]. Все преобразования делятся авторами на два типа: семантические и структурно-семантические.

В первом случае к варьированию относятся любые изменения значения, например «двойная актуализация» или «буквализация значения» идиомы. «Под двойной актуализацией понимается совмещение фразеологического значения оборота и его образной основы и/или внутренней формы» [Мелерович, Мокиенко 1997: 20]. Насколько можно судить, примером двойной актуализации может служить следующий контекст из статьи Викт. Ерофеева: *К тому же он чертовски работоспособен и трудолюбив. Он долго шлифует свой труд, как океан шлифует камни, но не спешите ему сочувствовать — его камень не драгоценный! Это галька, которая **канет в Лету** без промедления, без всплеска.* Идиома *кануть в Лету* ‘бесследно исчезнуть’ в приведенном примере реализует не только свое актуальное значение, но и отсылает к внутренней форме. *Лета* — это река забвения в греческой мифологии, и образ гальки, падающей в воду без всплеска, вызывает в памяти читателя образ реки. Тем самым в данном контексте идиома одновременно актуализует два плана⁷.

Под структурно-семантическими преобразованиями авторы понимают «смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы ФЕ» [Мелерович, Мокиенко 1997: 23]. Примерами преобразований данного типа могут служить расширение компонентного состава фразеологизма (*держат камень за пазухой* → *держат за пазу-*

⁷ Авторы рассматриваемого словаря относят этот пример к «буквализации значения» и «расширению компонентного состава».

хой ядерный камень), замена компонента (*яблоку негде упасть* → *банану негде упасть*), сокращение компонентного состава (*седьмая вода на киселе* → *седьмая вода*). Кроме того, сюда относятся изменения в расположении компонентов (например, инверсия; ср. *стреляный воробей* → *воробей стреляный*), разнообразные синтаксические и морфологические преобразования (ср., например, *козел отпущения* → *коза отпущения*; *комар носа не подточит* → *комар носа не подточил*); вычленение в контексте отдельных компонентов идиомы, народная этимологизация (*не так страшен черт, как его малюют* → *не так страшен черт, как его малютка*), контаминация идиом, создание окказиональных фразеологизмов на базе существующих идиом или литературных сюжетов (*а король-то голый* → *крикнуть королю, что он голый*).

В имеющихся классификациях варьирования, как правило, смешиваются формальная техника преобразования и возникающий семантический эффект. Так, замена компонента может приводить к разнообразным семантическим последствиям. В результате могут возникать как узуальные варианты, так и окказиональные единицы, как синонимы, так и антонимы, как конверсивы, так и каузативы. Ср., например, *не оставить камня на камне* → *каменя на камне не осталось* (узуальный декаузатив), с одной стороны, и *белая ворона* → *белый ворон* (окказиональная идиома со сходной семантикой) или *дым коромыслом* → *дом коромыслом* (окказиональная идиома с семантикой, отличающейся от исходной). Иными словами, важно различать варьирование внутри одной идиомы и модификации, приводящие к возникновению новых выражений. Последние не являются вариантами в точном смысле, поскольку сфера варьирования касается только одной и той же единицы лексикона. Далее, выражения, получившиеся в результате модификаций, могут быть как узуальными, так и окказиональными. Эти возможности также следует различать. Кроме того, одна и та же техника формального варьирования может приводить к принципиально разным семантическим результатам.

3. Описание семантики фразеологизмов

Своеобразие семантики фразеологизмов было тем фактором, который способствовал возникновению фразеологии как авто-

номной лингвистической дисциплины. Тем не менее семантика фразеологических единиц до сих пор остается недостаточно изученной областью фразеологической системы. Более того, существует устойчивое мнение, что значение фразеологизмов настолько диффузно, что не поддается семантическому анализу в рамках существующих семантических теорий. Так, А.М. Бабкин отмечает, что «в отличие от слова, идиома по своей природе семантически диффузна, ее смысловые обертоны почти не отчленимы, в той или иной степени они присутствуют при любом употреблении идиомы. Попытки словарей вычленить то или иное смысловое отклонение в идиоме обычно приобретает искусственный характер» [Бабкин 1981: 11]. Показательно, что в фундаментальной монографии В.Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке» [Архангельский 1964] отсутствует глава, посвященная семантике фразеологизмов. Однако в некоторых учебных изданиях соответствующие разделы есть. Так, в учебном пособии В.П. Жукова обсуждаются основные семантические отношения внутри системы фразеологизмов [Жуков 1986: 133–202].

Основное направление изучения семантики фразеологических единиц — это выявление связей между внутренней формой и актуальным значением, или, в другой терминологии, между «фразеологическим значением и формой его выражения» [Мелерович, Мокиенко 2008: 167]. Методы обнаружения такой связи не являются общепринятыми: разные ученые предлагают свои способы анализа — от «фразеологической идентификации» [Кунин 1970] и «фразеологической аппликации» [Жуков 1973] до «вариационного анализа» [Архангельский 1966]. Далеко не всегда предлагаемые способы действительно направлены на описание плана содержания фразеологизмов. Так, «фразеологическая идентификация» преследует цель определить, является словосочетание фразеологизмом или нет [Кунин 1970: 47–48], а «вариационный метод» направлен на изучение отношений между компонентами фразеологизма, включая возможности их варьирования «в конкретных актах коммуникации в определенный хронологический период» [Архангельский 1964: 5]. Очевидно, что использование подобных методов анализа лишь косвенно связано с исследованием значения фразеологизмов.

По большей части остается вне сферы внимания исследователей изучение самого актуального значения, а также системных отношений между значениями фразеологизмов: полисемии, синонимии и антонимии. Постановка собственно семантических задач в традиционных работах, как правило, ограничивалась довольно общими замечаниями. Проблема синонимических отношений и полисемии если и поднималась, то на уровне отдельных примеров, ср. [Молотков 1977: 112–125].

В некоторых работах содержатся тонкие наблюдения о семантике фразеологизмов, а также о влиянии модификаций формы на значение (см., например, [Мелерович, Мокиенко 2008]), однако теоретических обобщений явно недостаточно.

Попытка изучения семантики фразеологизмов с использованием когнитивных категорий и аппарата теории речевых актов принята В.Н. Телией в монографии «Русская фразеология» [Телия 1996]. В рамках предлагаемой концепции идиомы, связанные с выражением эмотивности, т.е. отношения говорящего к обозначаемому, передают «“свертки” иллокутивных сил» [Телия 1996: 181], позволяющих выразить смыслы одобрения, презрения, пренебрежения и т.д. Так, выражение *Я бьюсь как рыба об лед* является речевым актом жалобы, а *Ты чужими руками жар загребаеть* — осуждения. По-видимому, такая семантика появляется в особых формах употребления — в «Я-Ты-Он-грамматике». Действительно, смысл жалобы передается идиомой *биться как рыба об лед* только в том случае, если говорящий произносит ее в первом лице. Так, предложение *Она всю жизнь билась как рыба об лед* идею жалобы не выражает [Телия 1996: 212–213]. Отметим, что данная информация, по-видимому, не является словарной и должна вычисляться по регулярным правилам на основе лексического значения и конкретной ситуации общения, причем это распространяется и на обычную лексику. Например, высказывание *Меня обманули* также может рассматриваться как жалоба, в то время как *Его обманули* жалобой не является, но зато может выражать злорадство, сочувствие и другие эмоции (впрочем, не относящиеся к сфере иллокутивной семантики). Существенно, что В.Н. Телия обращает внимание на необходимость описания семантики фразеологизмов как результата взаимодействия сложного комплекса феноменов прагматического, когнитивного и собственно семантического характера [Телия 1996].

Главной проблемой описания семантики фразеологизмов остается разработка семантического метаязыка, позволяющего отразить вклад внутренней формы в актуальное значение (см. главу 5). Единственным исключением в отношении метаязыка можно считать исследование одной группы фразеологизмов — коллокаций. Эта группа была довольно четко выделена не только из-за особенностей своей структуры и семантики, но и благодаря созданию мощного аппарата описания — лексических функций [Жолковский, Мельчук 1967]. В современной фразеологии этот раздел занимает одно из центральных мест и привлекает внимание не только собственно специалистов по фразеологии, но и прикладных лингвистов, занимающихся созданием компьютерных моделей функционирования языковой системы либо разрабатывающих средства компьютерной поддержки лексикографических проектов.

4. Структурно-синтаксические особенности фразеологизмов

Для американской лингвистики, помимо изучения психолингвистических аспектов функционирования фразеологии (см. раздел 6 данной главы), характерен интерес к синтаксической стороне поведения идиом, в том числе в связи с развитием трансформационной порождающей грамматики. В период «Стандартной теории», отраженной в работе Н. Хомского «Аспекты теории синтаксиса», быстро выяснилось, что фразеологизмы не охватываются порождающими правилами из-за их некомпозиционности и трансформационной дефектности. В качестве решения было предложено задать все фразеологические единицы списком, а также указать в словарном компоненте для каждой идиомы типы синтаксических трансформаций, которые она допускает [Weinreich 1969]. Позже возникло предположение, что существует определенная зависимость степени трансформационной дефектности от степени устойчивости (frozeness) идиомы [Fraser 1970], однако, как показали дальнейшие исследования, прямая зависимость такого рода отсутствует.

В «Теории принципов и параметров» обработка идиом предполагает ряд дополнительных синтаксических преобразований, таких как возвращение к предшествующему этапу порождения

(re-analysis). Такая возможность необходима для тех случаев, когда стандартные синтаксические правила не работают должным образом и возникает подозрение, что анализируемая фраза идиоматична. В целом в разных версиях порождающей грамматики основное внимание исследователей обращалось на специфическое поведение разных идиом по отношению к различным трансформациям. В свою очередь, это приводило к ревизии некоторых базовых положений трансформационализма. Подробнее о фразеологии в порождающей грамматике см. [Kuiper 2007].

В противоположность американской традиции европейское представление о синтаксисе идиом в первую очередь связывается с теорией валентности; ср. [Wotjak, Heine 2007]. Основная идея заключается в том, что в отличие от свободных словосочетаний какие-то валентности глагола в идиоме уже заполнены термами. Так, глагол *отдать* имеет обязательную валентность на прямое дополнение: *отдать долг, отдать прочитанную книгу*. В составе идиомы *отдать концы* эта валентность заполнена. Тем самым у идиомы остается только субъектная валентность. Существенно, что в идиомах могут таким образом фиксироваться и необязательные валентности. Например, глагол *ходить* не имеет валентности образа действия, которая, однако, появляется в идиоме *ходить ходуном*. Строго говоря, *ходуном* в данном случае функционирует как обязательный сирконстант. В ряде случаев у глагола в идиоме может появляться валентность, которая отсутствует в неидиоматичном употреблении⁸. Так, глагол *сыграть* вообще не имеет валентности *куда-л.*, но она появляется с фиксированным актантом (термом) в идиоме *сыграть в ящик*. Такая свобода в валентностном оформлении объясняется тем, что синтаксические валентности в идиомах необязательно имеют в семантическом представлении ролевые аналоги. Так, идиома *сыграть в ящик* означает 'умереть'. Семантическое разложение этого значения не предусматривает наличия места (если не эксплицировать в толковании внутренней формы).

В ряде случаев появление у идиомы валентности, новой для соответствующего глагола, может объясняться значением этой идиомы: появление валентности *чью-л. / кого-л.* в идиоме *лить воду на мельницу* объясняется не особенностями модели управления глаго-

⁸ Близкие идеи высказывались также в [Жуков 1986: 271–273].

ла *лечь*, а значением идиомы ‘способствовать’. А значение глагола *способствовать* содержит семантическую валентность адресата: *способствовать кому-л.*

Фразеологизмы, хотя и сопоставимы со словом по лексической семантике, синтаксически ведут себя как словосочетания, при этом фразеологическая связанность этих словосочетаний проявляется в разнообразных и трудно предсказуемых ограничениях на использование синтаксических трансформаций. Это направление исследований фразеологизмов практически не представлено в отечественной традиции, хотя в американской лингвистике оно всегда было центральным.

Структурно-синтаксические особенности фразеологизмов изучаются также в рамках «Грамматики конструкций», основные идеи которой были сформулированы Ч. Филлмором в конце 80-х годов XX в. [Fillmore 1990; Fillmore et al. 1988]. Основной постулат этой теории сводится к тому, что подавляющая часть выражений естественного языка образована по не вполне регулярным правилам. Все те сочетания слов, значение которых не сводится к простой сумме их составляющих, относятся к конструкциям. Такие формы следует описывать, не делая разграничений между лексиконом и грамматикой. Соответственно, вся фразеология оказывается частью множества конструкций. Очевидным плюсом этого подхода следует считать унификацию средств метаязыка — исследовательского инструментария, который используется для описания речевых форм. Кроме того, при таком подходе многие явления, которые считались периферийными, например слабоидиоматичные выражения типа *платье как платье* в значении ‘обычное, нормальное платье’, *дом как дом* в значении ‘обычный, нормальный дом’, оказываются центральными для грамматической теории. Сфера фразеологии, традиционно оказывавшаяся на задворках науки о языке, также попадает в фокус внимания теоретических построений. Признавая позитивные стороны «Грамматики конструкций», нельзя не отметить, что лексикализация многих грамматических явлений приводит к неоправданному усложнению аппарата описания: пытаясь описать все существующие устойчивые или относительно устойчивые словосочетания в терминах грамматических правил, лингвист неизбежно увеличивает количество этих правил до необозримых пределов. Данный подход оправдан только по отношению к фразеологизмам-конструкциям

праздник не в праздник, тоже мне литератор, где уж нам рекорды ставить (см. подробнее главу 3).

«Грамматика конструкций» — одно из наиболее популярных направлений в современной американской и западноевропейской лингвистике. Этим отчасти объясняется повышение интереса к фразеологии в последние десятилетия.

5. Происхождение фразеологизмов

Русская фразеология — как и фразеологические системы других языков — неоднородна по происхождению. Так, в XVIII—XIX вв. в русский язык попало много заимствований из французского и немецкого языков. Например, идиома *вернемся к нашим баранам* ‘вернемся к теме разговора, беседы, дискуссии и т.п., обсуждавшейся ранее и являющейся основной’ представляет собой кальку с французского выражения *revenons à nos moutons* из фарса «Адвокат Пьер Патлен» (ок. 1470). Эти слова принадлежат одному из персонажей пьесы — судье, который постоянно напоминает участникам тяжбы о необходимости вернуться к предмету спора: к овцам, предположительно украденным. Другая русская идиома *[чувствовать себя] не в своей тарелке* со значениями ‘чувствовать свое несоответствие ситуации’ и ‘плохо себя чувствовать физически или психически’ также заимствована из французского языка, где она представляет собой слабо фразеологизированное сочетание с семантикой ‘быть не в настроении’. Слово *assiette* омонимично: ‘тарелка’ vs. ‘положение’, ‘состояние’, ‘настроение’ и т.д. При калькировании было выбрано основное (в данном случае не вполне подходящее) значение.

Точной калькой из немецкого языка является фразеологизм *Железный канцлер*, обозначающий Бисмарка; ср. нем. *der Eiserne Kanzler*. Также из немецкого произошло устаревшее выражение *на свой кошт* в значении ‘за свой счет’; ср. нем. *auf eigene Kosten*: *Да он же их и похоронил и ограду поставил на свой кошт* [И.С. Тургенев. Бригадир]; *Отправила она его, выходит, погулять в Израиль на свой кошт* [С. Каледин. Записки гробокопателя].

Для многих идиом точное происхождение установить не удастся. Например, выражение *строить воздушные замки*, по одной

этимологической версии, было заимствовано из немецкого, по другой — из французского языка. Имеются гипотезы, что оно калькировано из древних языков. Также и идиома *брать быка за рога* обнаруживает близкие аналоги в других языках: фр. *prendre le taureau par les cornes*, нем. *den Stier bei den Hörnern packen*, англ. *to take the bull by the horns*. В справочных изданиях по этимологии высказывается предположение, что языком-источником заимствования мог быть французский, однако установить это с уверенностью не представляется возможным.

Не следует смешивать происхождение фразеологизма и прозрачность образа, фиксированного в его плане содержания. Для понимания мотивации актуального значения внутренней формой не обязательно знать происхождение фразеологизма. Так, идиома *брать быка за рога* мотивирована для любого носителя русского языка — вне зависимости от того, знает ли он ее происхождение. В то же время прозрачность образа не гарантирует ясной мотивации значения. Так, идиома *до лампочки*, используемая для выражения смысла безразличия, обладает вполне прозрачным образом, однако очевидной мотивации идеи безразличия в лампочке нет. Можно лишь сопоставить концепт безразличия с указанием на произвольно выбранный удаленный объект, в качестве примера которого в рассматриваемом случае выбрана лампочка. Однако такая мотивация довольно абстрактна.

Многие идиомы заимствованы из конкретных текстовых источников, значимых для русской культуры. Это в первую очередь Библия. Так, идиома *бог дал, бог взял* является воспроизведением слов Иова: «И сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» [Книга Иова 1: 21]. Фразеологизм *манна небесная* — ‘что-то очень желанное’ восходит к ветхозаветному преданию о пище, которая выпадала с неба в пустыне и насытила голодавший народ. Идиома *путеводная звезда* отсылает к новозаветному сюжету о звезде, указавшей волхвам путь к месту рождения Иисуса. Библейским по происхождению является и выражение *Земля обетованная* — земля, которую Бог обещал евреям, выводя их из египетского плена.

Книжная идиома *содом и гоморра*, обладающая в современном языке двумя значениями: (1) ‘громкий шум, быстрые и хаотичные

действия многих лиц, беспорядок и т.п.' и (2) 'разврат, неконтролируемые сексуальные отношения между многими людьми', также имеет своим источником библейский текст. Жители Содомы и Гоморры были известны своим распутством, и эти города были уничтожены за грехи их жителей землетрясением и огненным дождем. А выражение *каждой твари по паре* ('представители всех разновидностей чего-л.') происходит из библейского предания о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Идиома *иерихонская труба* используется в современном языке по отношению к громкому звуку или голосу, уподобляющемуся звуку трубы, который, согласно библейскому преданию, разрушил стены Иерихона.

Многие идиомы заимствованы из литературных произведений. Например, идиома *на деревню дедушке* используется в рассказе А.П. Чехова «Ванька», выражение *глуп как сивый мерин* обнаруживается в пьесе «Ревизор» Н.В. Гоголя, хотя отмечается бытование этого фразеологизма в просторечии и до времени появления пьесы. Некоторые идиомы, не будучи точными цитатами из литературных произведений, возникают в результате обобщенной интерпретации тех или иных эпизодов сюжета. Ср., например, идиому *свадебный генерал* из рассказа А.П. Чехова «Свадьба с генералом», а также идиому *сражаться с ветряными мельницами*, возникшую на основе эпизода сражения Дон Кихота с ветряными мельницами, которых он принял за злых великанов, из знаменитого романа М. Сервантеса.

Происхождение фразеологизмов с самого начала возникновения фразеологии как автономной дисциплины находилось в центре внимания исследователей, причем изучение происхождения сопровождалось выявлением обычаев и ритуалов, характерных для культуры соответствующих народов, поскольку во фразеологизмах часто сохраняются следы традиционной культуры. Так, в идиоме *перемывать косточки* отражается обряд «вторичного захоронения», представленный среди народов славянского ареала. По представлениям славян, останки умерших через определенное время следовало выкапывать и перемывать кости чистой водой или вином. Позже это было переосмыслено как обсуждение различных качеств и поступков человека.

Исследования в области происхождения фразеологизмов были начаты достаточно давно. В отечественной традиции следует в пер-

вую очередь упомянуть известный словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое» [Михельсон 1902—1903]. Этимологические исследования фразеологизмов были продолжены В.В. Виноградовым [1994], Б.А. Лариным [1977] и А.М. Бабкиным [1970: 106—215]. Происхождение фразеологизмов изучается также в рамках сопоставительного анализа славянских языков; см. работы Н.И. Толстого, В.М. Мокиенко, их коллег и учеников. Среди специальных изданий, посвященных этимологии фразеологизмов, следует упомянуть историко-этимологический словарь [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001].

6. Психолингвистические аспекты функционирования идиом

Психолингвистическое направление в изучении фразеологии представлено прежде всего в американской и итальянской психолингвистике. Некоторые исследования фразеологизмов проводились и российскими психолингвистами. Подход, используемый в психолингвистических работах, по большей части основывается на положениях когнитивной психологии и носит экспериментальный характер. Основная цель исследований в этой области — доказательство или опровержение популярных гипотез о сущности образа, лежащего в основе актуального значения идиомы, а также о соотношении между актуальным значением и образом. Так, в одной из серий экспериментов было показано, что при понимании распространенных идиом носитель языка не обращается к их дословной интерпретации, а имеет «непосредственный доступ» (*direct access*) к их актуальному значению. Таким образом, была экспериментально подтверждена гипотеза, известная как *lexical representation hypothesis* или *direct access view* [Gibbs 1980; 1986], согласно которой обращение к дословному пониманию идиоматического выражения не является необходимой предпосылкой для правильной интерпретации его актуального значения (ср. эксперименты, описанные в работах [Swinney, Cutler 1979; Gibbs 1986; Needham 1992; Galinsky, Glucksberg 2000]).

В другой серии экспериментов было продемонстрировано, что редкие, малоупотребительные идиомы требуют при обработке ког-

нитивной системой (processing) в процессе восприятия больше времени, чем распространенные, общеизвестные идиомы [Schweigert 1986; 1991; Schweigert, Moates 1988]. Было показано также, что непосредственный доступ к актуальному значению характерен именно для употребительных идиом. Если идиома малоизвестна, для ее понимания может потребоваться обращение к буквальному значению словосочетания с последующим поиском релевантного следствия из метафоры, что, естественно, замедляет процесс обработки.

Эксперименты, описанные в [Gibbs, Nayak, Bolton, Keppel 1989; Gibbs, Nayak 1989; Gibbs, Nayak, Cutting 1989; Gibbs 1990; 1995; Titone, Connine 1999], доказывают, что компоненты семантически членимых идиом ощущаются носителями языка как самостоятельные лексемы, даже если соответствующие метафорические значения никогда не реализуются за пределами идиомы. Это положение можно проиллюстрировать с помощью русской идиомы *за деревьями не видеть леса*. Носители языка понимают, что *деревья* означают в составе данного выражения ‘незначительные детали’, а *лес* — ‘целое, суть’. Хотя ни *деревья*, ни *лес* сами по себе не имеют таких переносных значений, идиома *за деревьями не видеть леса* воспринимается как состоящая из относительно самостоятельных (хотя и «совместимых»⁹, по Дж. Лакоффу, т.е. образующих единый образ) метафор, иными словами, как семантически членимое выражение.

Внимание психолингвистов привлекла и теория Дж. Лакоффа о концептуальных метафорах — «концептуально-метафорическая гипотеза», проверке которой были посвящены эксперименты Р. Гиббса и его коллег [Gibbs 1993; Gibbs, O'Brien 1990]. Согласно этой гипотезе, образная мотивация идиом основывается не на конкретных визуальных представлениях, вызванных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на концептуальных метафорах типа СОЗНАНИЕ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ; ВЕРХ — ЭТО ХОРОШО; НИЗ — ЭТО ПЛОХО; ЯРОСТЬ — ЭТО ЖАРА; ЛЮБОВЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и т.п. [Лакофф 2004]. Согласно Р. Гиббсу, английские идиомы *to spill the beans* и *to let the cat out of the bag* обладают идентичной образной составляющей. Интерпретация и той и другой идиомы основана на

⁹ Ср. категорию совместимости метафор в [Лакофф, Джонсон 2008: 71–73].

одновременной активации двух концептуальных метафор: сознание — это вместилище и идеи — это предметные сущности (MIND IS A CONTAINER & IDEAS ARE PHYSICAL ENTITIES). Предположительно, в пользу подобной интерпретации говорят результаты проведенных экспериментов, основанных на методе прямого опроса. Оказалось, что носители английского языка интерпретируют *beans* ‘бобы’ и *cat* ‘кошку’ как идеи, причем до момента обнародования они находятся в каком-то вместилище, независимо от того, представлено ли обозначение этого вместилища в поверхностной структуре идиомы.

Этот подход подвергается сомнению в других исследованиях, показавших, что идиомы вызывают в сознании образы, которые базируются исключительно на прямых значениях компонентов соответствующих идиоматических выражений. Эти образы не зависят ни от метафорических моделей, ни от актуального значения идиомы. Более того, они могут вступать в явные противоречия с актуальным значением. Этот подход основан на так называемой гипотезе интерференции (*interference hypothesis*), или конфигурационной гипотезе (*configuration hypothesis*). Ср. [Cacciari, Tabossi 1988; Cacciari, Glucksberg 1991; 1995; Cacciari, Rumiati, Glucksberg 1992].

Так, в последней из названных работ описывается эксперимент на свободные ассоциации. Стимулом послужила идиома *to break the ice* (ср. близкое русское выражение *растопить лёд (в отношениях с кем-л.)*). В качестве ответа испытуемые описали, например, следующую ассоциацию: «Эскимос в меховой шапке с ледорубом в руках отбивает куски льда, окружающего его со всех сторон». Этот ментальный образ обнаруживает корреляции с прямыми значениями компонентов *to break* и *ice*, но никак не связан ни со значением этой идиомы ‘устранить чувство недоверия, отчужденности в отношениях между участниками ситуации’, ни с метафорической моделью отсутствия эмоционального контакта — это холод. Отметим, впрочем, со своей стороны, что в идиоме *to break the ice* можно усмотреть еще одну метафорическую модель, а именно препятствие в отношениях между людьми — это предметная сущность. В этом случае прослеживается определенная связь между реакциями испытуемых и концептуальной метафорой. Базовая идея, лежащая в основе концепции К. Каччари и ее коллег, состоит в том, что буквальные значения компонентов никогда не подавляются полностью актуальным значением идиомы.

Важные результаты были получены Б. Кизар и Б.М. Блай, показавшими, что буквальные значения слов в лексической структуре идиом могут соотноситься с разными образами. Так, ориентируясь на результаты имеющихся экспериментов, авторы отмечают, что идиомы разных языков с идентичной лексической структурой могут отсылать к разным образам и, соответственно, обладать различной внутренней формой. Так, английское выражение *to keep someone at arm's length* означает 'держать кого-л. на расстоянии', но аналогичное по лексической структуре выражение на иврите *beheseg yad* 'at hand's reach' указывает на близкое расстояние, отсутствие дистанции [Keysar, Bly 1999]. Ср. также русские идиомы *под рукой* и *рукой подать*. Основная идея авторов состоит в том, что только знание актуального значения идиомы дает возможность носителю языка правильно восстановить образ.

Изучение результатов психолингвистических экспериментов на ассоциации, возникающие в связи с употреблением идиом, показывает, что индивидуальные ассоциативные образы — это не то же самое, что внутренняя форма или образная составляющая плана содержания идиомы. Следовательно, на основании психологических феноменов нельзя делать выводы о сущности лингвистических категорий. Иными словами, с помощью подобных экспериментов нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезы о структуре плана содержания идиомы.

В психосемантике — направлении, развиваемом В.В. Петренко и его коллегами, — фразеологизмы изучались в экспериментах, предполагающих построение «субъективных семантических пространств» [Петренко 1983; Петренко, Нистратов, Романова 1989]. В качестве ориентиров семантического пространства выступали «ролевые позиции», представляющие обобщенные образы людей в оппозициях по тем или иным качествам (романтик — обыватель, неудачник — деловой человек, мой друг — мой враг и т.д.). Испытуемый должен был по семибальной шкале оценить верность утверждения с использованием фразеологизма относительно каждой ролевой позиции¹⁰. Оценки испытуемых отображались в матрицу, одна сторона которой формировалась ролевыми позициями, а вторая —

¹⁰ В эксперименте использовались только те фразеологизмы, которые характеризуют качества человека.

фразеологизмами. Использование факторного анализа позволяло выявить корреляции между ролевыми позициями и тенденциями к использованию соответствующих фразеологизмов. В результате формировалась классификация фразеологизмов, привязанная к некоторым обобщенным семантическим характеристикам. Например, по фактору «самостоятельность — несамостоятельность» выделялись фразеологизмы *жить своим умом*, *гнуть свою линию* — с одной стороны, и идиомы *держаться за бабулю юбку*, *плакаться в жилетку* — с другой [Петренко, Нистратов, Романова 1989: 31].

Проведенные эксперименты показали, что получаемая семантическая классификация фразеологизмов во многом совпадает с результатами собственно лингвистического семантического анализа. Однако не во всем: например, в класс идиом, описывающих «положительное, целесообразное и активное» поведение, наряду с идиомами *держат свое слово*, *жить своим умом*, *держат себя в узде*, попала и идиома *уходить в себя* [Петренко, Нистратов, Романова 1989: 35], значение которой, скорее, связано с психическими проблемами человека, его нежеланием открывать другим свой эмоциональный мир. Понятно, что подобные результаты противоречат интуиции носителей языка и определяются выбранной математической моделью обработки данных.

Результаты исследования семантики фразеологизмов, полученные в психосемантике, могут рассматриваться как дополнительное — внешнее по отношению к лингвистике — доказательство правильности результатов собственно лингвистического семантического анализа, однако ни в коей мере не могут его заменить.

7. Словарное описание фразеологии

Составители общих словарей литературного языка традиционно включали и включают фразеологию в словарные статьи отдельных лексем. Так, известный словарь русского языка [Ожегов, Шведова 1992], кроме 72 500 слов, включает также 7500 фразеологических выражений, которые помещаются в примерах, а также в соответствующей фразеологической зоне словарной статьи. Один из первых академических словарей — «Словарь Академии Российской» — также содержит значительное количество устойчивых сло-

восочетаний фразеологического характера. Ср., например, идиомы *адамово яблоко*, *идти на дух* ‘каяться в грехах перед священником’, *переводить духи* ‘переносить, пересказывать слышанные где-нибудь речи другому’, а также коллокации *положить границы* (*Он честолюбиво своему не полагает границ*), *идти на гребле* ‘плыть водою на судне посредством весел’ [САР].

Первыми собственно фразеологическими словарными источниками в русской лексикографической традиции были словари пословиц, поговорок и крылатых слов. Такими источниками являются, например, словари И.М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи» [Снегирев 1848] и В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1879], а также сборник С.В. Максимова «Крылатые слова» [Максимов 1891]. В целом первые составители фразеологических словарей не пытались четко дифференцировать различные типы устойчивых словосочетаний. Так, в словник словаря М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое» [Михельсон 1902—1903], кроме иностранных слов, попали идиомы, пословицы, крылатые слова, коллокации и пр.

Значительные словарные проекты в русской фразеологии начинаются существенно позже и относятся к середине 60-х годов XX в. Это объясняется выделением фразеологии в самостоятельную научную дисциплину. К этому периоду относится проект «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова (1-е изд. 1967) [ФСРЯ], идеи которого сформулировал и обосновал в начале 60-х годов А.М. Бабкин [Бабкин 1964]. В дальнейшем (в 90-х годах) интересы лексикографов перемещаются, во-первых, в сферу культурологии (ср. в первую очередь [БФС]) и, во-вторых, в область описания семантики идиом на основе корпусов текстов с учетом особенностей их употребления и сочетаемости (см. [ФОС]). Особо следует упомянуть многолетний проект полной инвентаризации идиом современного русского языка, итогом которого явился «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» [Тезаурус], а также развитие двуязычной фразеографии, особенно словарь С.И. Лубенской [Лубенская 2004] (подробнее см. главу 6).

Несмотря на то что фразеология как самостоятельная дисциплина оформилась лишь во второй половине XX в., в западноевропейской словарной традиции (как и в русской) соответствующие

справочные издания появились существенно раньше. Описывались в основном пословицы и крылатые слова. Так, для английского языка первые словари пословиц появились в середине XVII в. Одно из первых изданий такого рода — «Собрание английских пословиц» Дж. Рея [Ray 1670]; более пестрым по составу был словарь «Паремиография» Джеймса Хауелла [Howell 1659]. Последний включал несколько сотен английских фразеологизмов (далеко не только пословиц) часто с переводом на другие языки.

В немецкой лексикографии первые опыты фиксации фразеологии относятся к XVIII в. и связаны в первую очередь с преподаванием латыни. Так, словари [Serz 1797] и [Meiner 1821] включают немецкие идиомы и пословицы с переводом на латинский язык. Ср. также одноязычные словари [Schellhorn 1797; Sailer 1810; Körte 1837; Eiselein 1840]. Самым известным и крупным собранием немецких пословиц и идиом (последние получали специальную помету — звездочку) считается словарь К.Ф.В. Вандера «Немецкий пословичный лексикон» [Wander 1867–1880].

Приблизительно в то же время появляются фразеологические словари других европейских языков. Ср. [Oudin 1640] для французского и [Pescetti 1598] для итальянского языков.

Современное состояние западной фразеографии характеризуется не столько попытками разработки новых способов описания семантики фразеологизмов, сколько расширением привлекаемого материала (как с точки зрения полноты языковых данных, так и с точки зрения охвата областей бытования языка) и состава описываемых фразеологических единиц. Ср. [ODCIE 1], [ODCIE 2], [LDOEI] — для английского языка; [Friederich 1966], [Görner 1979], [Röhrich 1973], [Schemann 1991; 1993], [Duden 11] — для немецкого.

8. Сопоставительная фразеология

Сопоставительная фразеология в точном смысле начала активно развиваться с середины 60-х годов XX в. Хотя ранее такого направления не существовало, отдельные факты сопоставительного характера обсуждались в рамках сравнительно-исторических исследований, а также в словарях, авторы которых пытались описать

происхождение фразеологизмов, а также их соответствия в других языках. Типичным примером такого рода является уже упоминавшийся словарь М.И. Михельсона [1902—1903]. Так, при описании выражения *бочка Данаид*, использовавшегося в значении «непроизводительный труд» (ср. современную идиому *бездонная бочка*), приводятся французские, немецкие и греческие эквиваленты.

Сопоставительная фразеология в современном понимании — это особое направление исследований, ориентированное на выявление сходств и различий между фразеологизмами различных языков. В данном направлении можно выделить два относительно самостоятельных подхода: в первом случае исследуются близкородственные языки, а для второго степень генетического родства несущественна. Кроме того, как отдельное условие сопоставительного анализа могут использоваться параметры типологической или ареальной близости. Первое направление представлено, например, работой В.М. Мокиенко «Славянская фразеология» [Мокиенко 1980]. Исследование фразеологии близкородственных языков предполагает этимологический анализ сопоставляемых единиц.

Типологический анализ фразеологических систем отдельных языков — это второе направление исследований; ср. [Dobrovolskij 1988; Abraham 1989; Добровольский 1990a]. Оказывается, например, что морфологический тип языка влияет на особенности организации фразеологии. Так, степень аналитизма языка проявляется в степени регулярности фразеологической системы. При прочих равных условиях языки с развитым аналитизмом (типа английского) проявляют бóльшую склонность к образованию фразеологических конверсивов и каузативов, к использованию грамматикализованных, т.е. семантически опустошенных глаголов (ср. англ. *make, do, get, go, come, take*) в составе фразеологизмов. В то же время языки с ярко выраженными флективными характеристиками гораздо чаще образуют (в структурном смысле) идиомы с уникальными компонентами, с присутствием разнообразных грамматических аномалий, с дефектами парадигм и т.п. См. по этому поводу подробнее [Добровольский 1990a].

Объектом исследований сопоставительной фразеологии является, в принципе, весь спектр формальных и семантических характеристик фразеологизмов. Однако реально большая часть работ посвящена обсуждению типов эквивалентности фразеологизмов

сопоставляемых языков. Ср. различные подходы в [Райхштейн 1980; Арсентьева 1993; Mellado Blanco 2007; Korhonen 2007].

Исследования в области сопоставительной фразеологии активно развиваются, что определяется их практической значимостью: результаты сопоставления фразеологических систем находят применение в преподавании иностранных языков, в двуязычной лексикографии, а также в теории и практике перевода. Некоторые аспекты сопоставительной фразеологии, актуальные для этих направлений, рассматриваются подробнее ниже (см. главу 9).

9. Фразеология как феномен культуры

Традиционно фразеология рассматривается как «хранилище народной мудрости». Этот постулат отчасти справедлив по отношению к пословичному фонду: в пословицах описываются «рекомендуемые» способы поведения в разных проблемных ситуациях. Часто эти рекомендации противоречат друг другу, ср. *без труда не вытащишь и рыбку из пруда* и *работа не волк — в лес не убежит* или *семь раз отмерь — один отрежь* и *куй железо, пока горячо*. Однако фразеология в целом не дает оснований рассматривать ее как концептуальную модель «народной мудрости». Так, идиомы *раз плюнуть*, *водить за нос*, *нужен как рыбе зонтик*, *как ни крути*, *малой кровью*, *джентльменский набор*, *сменить пластинку*, *чувство локтя*, *хоть пруд пруди* не содержат никаких обобщающих сентенций, которые можно было бы интерпретировать как составляющие «народной мудрости». Даже идиомы со структурой предложения типа *поезд ушел*; *опять двадцать пять*; *без меня меня женили*; *одна нога здесь, другая — там*; *волка ноги кормят*, при том что они могут включать элементы обобщения, трудно соотнести с идеями, характерными для «мудрости русского народа». В самом деле, странно было бы из идиомы *волка ноги кормят* делать вывод об особой значимости идеи быстроты перемещения для русской картины мира.

Однако сама постановка задачи исследования фразеологии с культурологических позиций вполне правомерна, если речь идет о связи образной составляющей фразеологических единиц и их происхождения с феноменами культуры.

Одно из наиболее заметных явлений последнего времени — серия работ В.Н. Телии и ее последователей (ср. прежде всего [Телия 1996; БФС; Фразеология в контексте культуры 1999; Культурные слои 2004]). Для этих исследований характерно отношение к фразеологизмам не столько как к элементам языковой системы, сколько как к «знакам языка культуры», отражающим особенности лингвоспецифической картины мира и, соответственно, особенности менталитета народа. В основе созданного в рамках этой концепции «Большого фразеологического словаря русского языка» лежит постулат о том, что «естественный язык и культура — разные знаковые системы, между предметными областями которых нет прямой корреляции» [БФС: 776].

Такое отношение к фразеологии отразилось в словарной интерпретации идиом в БФС. Так, толкование идиомы *от фонаря* ‘без всякого основания, без понимания существа дела’ сопровождается следующим культурологическим комментарием: «Образ фразеол. восходит к архетипическим противопоставлениям “верх — низ”, “далеко — близко”, которые воплощены в образе **фонаря** — осветительного прибора, находящегося над землей как пространством человеческой жизнедеятельности, вне телесной досягаемости, “высоко” и “далеко” от места осуществления кем-л. тех или иных действий. <...> Фразеол. в целом соотносится с совокупностью пространственного и вещного кодов культуры» [БФС: 501].

Очевидно, что БФС не является чисто лингвистическим словарем, а цель теории, которая лежит в его основе, состоит не в том, чтобы описать и объяснить особенности синтаксической, семантической и прагматической природы фразеологизмов, а, скорее, в придании фразеологическим исследованиям культурологической направленности, т.е. в переводе фразеологии в иную, нетрадиционную для лингвистики исследовательскую парадигму. В таком подходе при описании конкретных фразеологических единиц выделяются «базовые для “археологии” культуры архетипические оппозиции <...> такие, как ‘верх’ — ‘низ’, ‘правый’ — ‘левый’, ‘свой — чужой’, ‘чистый’ — ‘грязный’ и под.» [БФС: 781].

Культурный аспект функционирования фразеологических единиц иногда рассматривается как «культурная коннотация» фразеологизма. Согласно М.Л. Ковшовой, культурная коннотация фразеологизма *с легкой руки* включает идею олицетворения

(персонализации): часть тела человека — рука — осознается как самостоятельно функционирующая сущность. Кроме того, в мифологизированном сознании рука наделяется излечивающей силой. Культурно значимой оказывается и оппозиция «тяжелый — легкий» [Гудков, Ковшова 2007].

Исследование культурной составляющей фразеологической системы позволяет избежать некоторых сбоев в понимании между представителями различных языковых культур. Так, по наблюдению Н.Г. Брагиной, идиома *не судьба (кому-л. сделать что-л.)* может восприниматься носителями другой культуры как что-то противоречащее их представлениям о мире: судьба слишком важный и глобальный концепт, чтобы мотивировать мелкие бытовые неурядицы жизни человека, ср. *Не судьба мне сегодня чаю попить; Не судьба мне сегодня в библиотеку попасть*. Не следует, однако, думать, что дело здесь в легкомысленном отношении русского человека к судьбе или, наоборот, в его особом смирении перед высшими силами. Скорее, это изолированный факт лексической системы, который без регулярных соответствий такого рода ничего не значит.

Совершенно другое понимание культурно-специфических аспектов фразеологии представлено в работах Э. Пириайнен и ее коллег. В работах [Piirainen 2004; Dobrovolskij, Piirainen 1997; 2005; 2009] показано, что культура действительно играет существенную роль в возникновении идиом того или иного языка. Например, символически нагруженные компоненты со значением ‘хлеб’ присутствуют в огромном количестве идиом языков, носители которых принадлежат христианской культуре. Это не случайно, поскольку хлеб — один из основных библейских символов. В сопоставимом значении ‘основной ресурс жизнеобеспечения’ в японском языке, например, используется концепт рис. Интересно, что современные литературные языки европейского ареала обнаруживают в своих фразеологических системах гораздо больше общего, чем различного. Это объясняется общностью истории и единым культурным пространством. С другой стороны, диалекты (особенно бесписьменные) существенно отличаются от соответствующих литературных языков своей системой фразеологических образов. Дело в том, что фразеология диалекта опирается не на богатую литературную традицию, которая во многом оказывается общей для всех европейских языков, а на культуру закрытого локального социума со своей

традиционной системой ценностей и системой образов, связанных с архаичным бытом этого социума.

* * *

Выделенные направления развития фразеологической науки тесно взаимосвязаны, поскольку описывают один и тот же объект. Примером сочетания различных направлений — в частности, сопоставительного и культурологического — может служить работа В.Г. Гака по сопоставительному анализу русских и французских фразеологизмов, восходящих к тексту Библии [Гак 1997]. Как оказывается, между русскими и французскими библейскими фразеологизмами существует важное различие. Если русские выражения *ничтоже сумняшеся, не видеть бревна в собственном глазу, яко тать в нощи* фактически представляют собой цитаты из Библии, то французские фразеологизмы библейского происхождения чаще ориентированы не на конкретную фразу Библии, а на сюжет. Так, фразеологизм *être frère du côté d'Adame* букв. «быть братом со стороны Адама» (ср. близкую по значению русскую идиому *седьмая вода на киселе*) соотносится не с конкретной библейской цитатой, а с сюжетом об Адаме как о первом человеке. Разумеется, и в русском языке такие фразеологизмы имеются, однако их существенно меньше. Это связано с культурно и исторически обусловленными особенностями бытования текста Библии в русском и французском обществе: если в России широкое распространение получил церковнославянский текст Библии, а позднее — синодальный перевод, то во Франции одновременно использовались несколько конкурирующих переводов.

Задание 1. Какие задачи стоят перед фразеологией на современном этапе ее развития?

Задание 2. Установите по тексту данной главы основные этапы развития фразеологии. Охарактеризуйте их по объекту и методам исследования.

Задание 3. Определите критерии выделения идиом в книге [Иорданская, Мельчук 2007: 215—217].

Задание 4. Какие аспекты фразеологии определяются как культурно специфичные в [Телия 1996: 214–238]?

Задание 5. Охарактеризуйте различные классификации фразеологических единиц, представленные в данной главе.

Задание 6. Приведите примеры различных типов варьирования структуры идиом. В каких случаях замена компонента приводит к образованию варианта, а в каких — к появлению нового (часто окказионального) выражения? Ср. *дом коромыслом* (от *дым коромыслом*), с одной стороны, и *рухнуть с дуба* (от *упасть с дуба*) — с другой.

Задание 7. Определите по имеющимся словарным изданиям происхождение следующих идиом: *разводить антимонии, ради прекрасных глаз, днем с огнем / фонарем не сыщешь, на веки вечные, между молотом и наковальней*. Сопоставьте существующие этимологические версии.

Рекомендованная литература

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д, 1964. С. 8–54 [история развития русской фразеологии с Ломоносова до 60-х годов XX века]; С. 55–81 [фразеология как лингвистическая дисциплина и то, что изучает фразеология].

Бабкин А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. Л., 1970. С. 8–105 [описывается структурное сходство между фразеологизмом и словом, а также семантические отношения между фразеологизмами, преимущественно синонимия].

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Изд. 3-е. М., 2005. С. 1–10 [обоснование словарного подхода к описанию сведений о происхождении русских фразеологизмов].

Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 5 [сопоставляется русская библейская фразеология с французской и выявляется специфика, связанная с культурными особенностями бытования текстов Библии в русском и французском обществе].

- Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986. С. 159—165 [парадигматические и синтагматические отношения во фразеологии]; С. 166—177 [варьирование фразеологизмов]; С. 178—202 [синонимия и многозначность во фразеологии]; С. 269—281 [особенности управления глагольных идиом].
- Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977. С. 207—216 [характеристика фразеологической системы русского языка].
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 11—83 [рассматривается предмет фразеологии и ее история]; С. 238—269 [обсуждается отражение национального менталитета во фразеологической системе].
- Burger H., Dobrovol'skij D., Kühn P., Norrick N.R. Phraseology: Subject area, terminology and research topics // HSK Phr. Vol. 1. Berlin; New York, 2007. P. 10—19 [обсуждаются предмет и задачи фразеологии, а также терминология этой дисциплины].
- Dobrovol'skij D., Filipenko T. Russian phraseology // HSK Phr. Vol. 2. Berlin; New York, 2007. P. 714—727 [историография основных направлений русской фразеологии].

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Выделение класса фразеологизмов в лексической системе языка — не случайная прихоть исследователя. Функционирование языка во многом обеспечивается взаимодействием между двумя относительно автономными системами — грамматикой и словарем. В грамматике хранятся регулярные правила построения языковых выражений, а в словаре — единицы, из которых строятся эти выражения. Баланс между системами поддерживается принципом экономии: теоретически можно себе представить такую мощную грамматику, которая включает в себя все единицы языка, каждый раз порождаемые по уникальным правилам. Однако такая система потребовала бы гигантских ресурсов памяти и была бы, соответственно, неэкономной. Аналогично можно себе представить словарь, включающий все реализации грамматических правил. Очевидно, что и такой вариант функционирования языка нереалистичен.

Для большинства феноменов языка почти всегда можно определить, являются ли они единицами лексикона или частью грамматики: понятно, что обычно предложение каждый раз порождается по регулярным грамматическим правилам, а слова, из которых оно состоит, уникальны и являются единицами лексикона. Однако между грамматикой и словарем есть промежуточная зона. В эту зону попадают неоднословные выражения, которые по структуре должны были бы относиться к «ведению» грамматики, но порождаются уникальными правилами. Принцип экономии требует помещения таких форм в словарь. Именно эти выражения и образуют фразеологическую систему.

В чем сущность уникальности, нерегулярности правил, по которым формируются фразеологизмы? Современная лингвистика отвечает на этот вопрос так: уникальность правил обеспечивается идиоматичностью, а принцип экономии приводит к устойчивости соответствующих выражений. Рассмотрим эти базовые категории последовательно.

1. Идиоматичность

Слово *нос* в предложениях *Он почесал нос* и *Он стоял на носу корабля* используется в разных значениях. В первом случае имеется в виду прямое, номинативное значение ‘выступающая часть лица человека, служащая для дыхания и обоняния’, а во втором — переносное, образовавшееся в результате метафорического переосмысления первого. Во втором употреблении слово *нос* использовано идиоматично. Этот вид идиоматичности называется **переинтерпретацией значения**. Сущность идиоматичности такого рода состоит в том, что на основе одного значения некоторой языковой формы создается другое значение этой языковой формы. Изменение значения происходит по определенному принципу. В приведенном примере это принцип тропеического преобразования¹¹.

Второй вид идиоматичности — это непрозрачность, которая возникает в трех типах случаев: во-первых, когда невозможно на синхронном уровне (без обращения к этимологии) определить, как значение целого возникает из значения его компонентов (ср. *дуба дать* в значении ‘умереть’); во-вторых, при наличии в языковой форме уникальных компонентов, значения которых в общем случае непонятны носителям современного языка (например, слово *баклуши* в идиоме *бить баклуши* и слово *охулки* в выражении *охулки на руку не класть*) и, в-третьих, при систематической редукции некоторого неидиоматического выражения, приводящей к нарушению грамматической структуры (ср. *от и до, как только так сразу*). Таким образом, **непрозрачность** некоторого выражения — это такое свойство этого выражения, которое препятствует «вычислению» его актуального значения из-за отсутствия правила, позволяющего выявить это значение; из-за отсутствия одного или нескольких компонентов этого выраже-

¹¹ В формальных терминах переинтерпретация определяется следующим образом: **переинтерпретация** значения ‘А’ выражения А как значения ‘В’ — это операция, приводящая к трансформации ‘А’ в ‘В’ по принципу **Р**. Чаще всего в качестве принципа **Р** выступает метонимический сдвиг или метафорическое переосмысление.

ния в лексической системе данного языка или из-за неясности грамматической формы¹².

Третий вид идиоматичности — это **усложнение способа указания на денотат**. Так, в русском языке есть слово *Америка* и выражение *Новый Свет*, есть глагол *обманывать*, а есть идиома *вешать лапшу на уши*. По-русски можно сказать *опоздать*, но можно и сказать *прийти к шапочному разбору*. Во всех этих случаях мы имеем дело с усложнением способа указания на денотат, т.е. на ту сущность или ситуацию, которую описывает данное выражение. Следовательно, этот вид идиоматичности определен на множестве пар лексических единиц, каждая из которых состоит из более простого, стандартного наименования некоторой сущности и более сложного.

Следует подчеркнуть, что данный вид идиоматичности является выражением более общего принципа иконичности, согласно которому более сложное по форме выражение и семантически устроено более сложно. Иными словами, идиомы, будучи более сложными образованиями с формальной точки зрения (они состоят из нескольких слов), оказываются и более сложными в плане содержания, если их сравнивать с близкими по семантике словами.

Таким образом, идиоматичность сводится к трем базовым факторам — **переинтерпретации (i), непрозрачности (ii) и усложнению способа указания на денотат (iii)**. Иными словами, выражение является идиоматичным, если в нем обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация.

Рассмотрим несколько примеров. Выражение *пускать козла в огород* ‘доверить кому-л. контроль над определенной сферой деятельности, при том что это лицо способно причинить в этой сфере деятельности серьезный вред и будет использовать свое положение в личных интересах’ идиоматично по основанию (i) — принципом переинтерпретации в данном случае оказывается метафора: ситуация неоправданного и неразумного допуска к ресурсу некоторого лица передается с помощью метафоры козел в огороде. Действительно, появление в огороде животного, питающегося овощами, травами и т.п., способно нанести огороду большой вред. Выражение

¹² Ср. характеристики «фракционированного» знака, а также критерий «забвения значений» компонентов фразеологизма у Ш. Балли [1955: 161 и далее]. Фразеологическая концепция Ш. Балли подробно обсуждается Б.А. Лариним [1977].

ничтоже сумняшеся идиоматично по основанию (ii)¹³. Дело в том, что в современном русском языке лексемы *ничтоже* и *сумняшеся* отсутствуют как самостоятельные слова. Таким образом, это выражение идиоматично из-за отсутствия его компонентов в лексиконе современного языка. В случае идиом *выписывать мыслете* или *точить лясы* непрозрачность связана с «несловарностью» компонентов *мыслете* и *лясы*.

С другой стороны, фразеологизм *наговорить сорок бочек [арестантов]* не обнаруживает уникальных компонентов. Тем не менее он идиоматичен из-за своей непрозрачности (также по основанию ii), поскольку в современном языке невозможно вычислить значение этой идиомы по ее отдельным компонентам: нет правила, позволяющего расшифровать семантическую связь между лексической структурой выражения и его результирующим значением.

Свойство непрозрачности прямо связано со знаниями, общими для членов языкового сообщества. Действительно, знания конкретного человека здесь малосущественны. Для ученых-этимологов многие непрозрачные идиомы оказываются мотивированными исторически, но это не означает, что для них соответствующие выражения становятся свободными словосочетаниями. Языковая практика социума оказывается в этом случае более важной.

Во многих фразеологизмах свойство непрозрачности сочетается с переинтерпретацией. Так, выражение *точить лясы* не только непрозрачно, но и переинтерпретировано: некое очевидно физическое действие осмысливается как речевая деятельность. Другое дело, что принцип переинтерпретации неясен и поэтому уникален для каждой из таких идиом. Ср. также выражение *до морковкиных заговен*, в котором форма *морковкиных* переинтерпретирована, причем так, что нет возможности установить, какой в этом случае использовался принцип переинтерпретации. Можно говорить лишь в самом общем плане, что слово *морковкиных* в идиоме *до морковкиных заговен* относится к неопределенному (и весьма отдаленному) моменту в будущем. Таким образом, компонент *морковкиных* до известной степени непрозрачен, а слово *заговен* во-

¹³ На самом деле ситуация несколько более сложна: выражения, которым свойственна переинтерпретация, могут обладать и определенной долей непрозрачности (см. ниже).

обще отсутствует в лексической системе современного русского языка.

Третий фактор идиоматичности — усложнение способа указания на денотат — также может реализоваться как сам по себе, так и в сочетании с другими факторами. Идиома *иметь место быть* идиоматична лишь по этому основанию, поскольку имеются два более простых и стандартных способа высказать ту же самую мысль: *иметь место* или *быть*. А идиомы *арана заправлять* и *забивать баки*, являясь несомненно более сложным способом указания на денотат (ср. синонимичные глаголы *лгать*, *обманывать*), одновременно семантически переинтерпретированы и непрозрачны.

Следует иметь в виду, что выделенные факторы идиоматичности универсальны и характеризуют не только фразеологию, но и язык в целом. Так, большинство живых метафор усложнены и переинтерпретированы; ср. метафору *голова раскалывается* и не-метафорическое выражение *голова болит*. Что касается фактора непрозрачности, то и его действие, естественно, не ограничивается сферой фразеологии. Многие стертые метафоры, стоящие за лексическими значениями, непрозрачны и в этом смысле идиоматичны, ср. *рехнуться* (в смысле ‘потерять рассудок’), *перекинуться* (в смысле ‘умереть’).

Рассмотрим последовательно некоторые типы переинтерпретации, непрозрачности и усложнения способа указания на денотат¹⁴.

ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Переинтерпретация в точном смысле. Типичный случай переинтерпретации такого рода — идиома *железный занавес*, которая в публицистике используется в значении ‘изоляция СССР (или стран Варшавского Договора) от остального мира с целью недопущения внешнего идеологического, политического, экономического и культурного воздействия на ее граждан’¹⁵. Эта идиома возникла в результате переосмысления терминологического словосочетания *железный занавес*, относящегося к сфере театра.

¹⁴ Более подробно см. [Баранов, Добровольский 2008: 33–50].

¹⁵ Данная идиома представляет собой кальку устойчивого выражения, использовавшегося в разное время в политическом дискурсе многих европейских языков. В советском политическом языке оно связывается с известной Фултонской речью У. Черчилля.

В театре — это сделанное из металла приспособление, используемое для защиты от пожара. Иными словами, выражение *железный занавес* в значении ‘противопожарное устройство’ было переосмыслено в другом значении — в смысле политической и культурной изоляции. Существенно, что буквальному значению переосмысленного выражения соответствует реальный денотат (экстенционал).

К типу собственно переинтерпретаций относятся, в частности, идиомы *под дулом автомата*, *верхушка айсберга*, *открыть Америку*, *окончен бал*, *банка с пауками*, *перевернуть вверх дном (что-л.)*, *вылить ведро помоев (на кого-л.)*, *охота на ведьм*, *лакмусовая бумажка*, *ходить на задних лапках (перед кем-л.)*, *брать быка за рога*; англ. *to throw in the towel / sponge* ‘капитулировать, отказаться от дальнейшей борьбы, усилий и т.п.’, *[to be caught] between a rock and a hard place* (ср. рус. *между двух огней, между молотом и наковальней*), *to have cold feet* ‘испытывать сильный страх, бояться’; нем. *auf eigenen Beinen stehen* (ср. рус. *крепко стоять на ногах*), *(jmdm.) platzt der Kragen* (ср. рус. *(чье-л.) терпение лопнуло*), *sich in die Haare geraten* ‘ругаться’, *(jmdn.) aufs Kreuz legen* (ср. рус. *положить на лопатки (кого-л.)*), *(jmdn.) hinters Licht führen* ‘обманывать’, *[sich] kein Blatt vor den Mund nehmen* (ср. рус. *резать правду-матку*), *den Nagel auf den Kopf treffen* (ср. рус. *попасть в точку*). Если говорить о сфере лексики в целом, то к этому типу идиоматичности относится широкий класс употреблений слов в непрямых значениях, в частности метафоры, метонимии и пр.

Интенциональная переинтерпретация. В отличие от предшествующего случая, при интенциональной переинтерпретации экстенционал, или денотат, исходного выражения отсутствует. Примером такого рода является идиома *сушить мозги* ‘бессмысленными долгими или неуместными размышлениями, рассказами, претензиями, нравоучениями, враньем и т.п., приводить других людей (или самого себя) в негативное психическое состояние, характеризующееся заторможенностью и затрудненностью мышления, отрицательными эмоциями и т.п.’. Экстенционал выражения *сушить мозги* в буквальном прочтении отсутствует, поскольку мозг человека в нормальной ситуации не подлежит прямому физическому воздействию. Внутренняя форма ‘как бы лишая необходимой жидкости орган, отвечающий, согласно обыденным представлениям, за

рациональное мышление' мотивирует актуальное значение, но не описывает никакого реального положения дел.

К классу интенциональных переинтерпретаций относятся также выражения типа *адская машина* (в значении 'бомба'), *буря в стакане воды*, *глаз-алмаз*, *показать небо в алмазах (кому-л.)*, *ходячий анекдот*, *кровавая баня*, *лезть в бутылку*; англ. *to send (someone) away with a flea in his / her ear* букв. «отослать кого-л. прочь с блохой в ухе», 'дать резкий отпор (кому-л.)'; нем. *Haare auf den Zähnen haben* букв. «иметь волосы на зубах», 'быть острым на язык, зубастым', *die Beine in die Hand nehmen* (ср. рус. *взять ноги в руки*), *Bauklötze staunen* букв. «удивляться строительными блоками», 'сильно удивляться', (*jmdm.*) *einen Bären aufbinden* букв. «привязать медведя (к кому-л.)», 'рассказывать небылицы (кому-л.)'; *lügen, dass sich die Balken biegen* букв. «врать так, что гнутся балки», 'сильно врать'.

Референциальная переинтерпретация. Данный тип переинтерпретации характеризует выражения типа *гений всех времен и народов* в значении 'Сталин'. Сущность этого типа переинтерпретации состоит в том, что сужается потенциальный экстенционал выражения (то, что может обозначаться данной идиомой) — вплоть до одного уникального референта. Ср. также идиомы *самый человеческий человек* (В.И. Ленин), *матерый человечище* (Л.Н. Толстой), *ум, честь и совесть нашей эпохи* (КПСС), *Северная Пальмира* (Санкт-Петербург).

В зависимости от типа денотата референциальная переинтерпретация может приводить к единичности и уникальности (см. выше), а также к спецификации, не порождающей уникальности. Таковы случаи сужения референции типа *светлое будущее*, когда значение интерпретируется в рамках конкретной идеологической концепции, т.е. *светлое будущее* осмысливается исключительно как 'коммунизм': *Мать, инвалид детства, обманув медкомиссию, добровольцем прошла войну от Сталинграда до Вены. Потом, убрав в комок ордена и медали, со всей страной строила светлое будущее* [Корпус Публ.]. В рамках идеи прогресса *светлое будущее* может пониматься более широко, теряя при этом статус идиоматического выражения. Здесь же могут рассматриваться примеры типа *маленький человек* (*Двести лет назад обращение к маленькому человеку и обыденному событию было открытием, поворотом, актом справед-*

ливости [Корпус Публ.]), отсылающие к определенной литературоведческой и культурной традиции.

Процесс референциальной переинтерпретации характерен и для образования терминов. Ср. словосочетания типа *новая история, гражданское право, компонентный анализ, формальная логика* и др. Иными словами, термин *новая история* вовсе не означает какой-то истории, которая случилась сравнительно недавно, а относится к достаточно строго фиксированному временному периоду и противопоставлен *новейшей истории, древней истории, истории Средних веков* и пр. *Гражданское право* — это не право гражданина, а соответствующий раздел юриспруденции, противопоставленный *уголовному праву*. Аналогично *компонентный анализ* — это не любой анализ по компонентам, составляющим, а конкретное направление в семантике. *Формальная логика* — это не логика, учитывающая форму, а логика, построенная на определенных в данной сфере принципах.

Идиоматичность цитации. Идиоматичность рассматриваемого типа возникает на базе выражений, которые принято называть «крылатыми словами», и отсылает к соответствующему культурно значимому тексту. Таким образом, одновременно актуализуются два слоя в плане содержания, и это обеспечивает идиоматичность результирующего выражения. Так, идиома *шел в комнату, попал в другую*, с одной стороны, используется Софьей — одним из персонажей пьесы «Горе от ума» — с целью обмана. В соответствующем эпизоде Фамусов (отец Софьи), обнаружив Молчалина около комнаты своей дочери, возмущенно спрашивает: «Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?», на что Софья, пытаясь оправдать себя и Молчалина, с деланным недоумением отвечает: «Я гнева вашего никак не растолкую, / Он в доме здесь живет, великая напасть! / *Шел в комнату, попал в другую*». С другой стороны, буквальное прочтение выражения указывает на ошибку: говорящий объясняет, почему человек оказался не в том месте, где ему следовало бы быть. Прагматика «неуклюжести оправдания», определяемая ситуацией, накладывается на дословное прочтение и дает дополнительный эффект иронии (часто самоиронии) и шутки. Сочетание буквального понимания и знания ситуации в исходном тексте и порождает идиоматичность. Еще одним признаком идиоматичности оказывается прагматический эффект шутки, который возникает не в исходном

тексте, а в последующих цитациях. Этот эффект является следствием интертекстуальности. Шуточность выражения позволяет избежать серьезных объяснений истинных причин каких-то двусмысленных ситуаций.

По той же модели возникает идиоматичность у выражений типа *ключ от квартиры, где деньги лежат* (исходно цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» *Может быть, вам дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?*). Цитатность выражений рассматриваемого типа делает их идиомами.

Идиоматичность цитации типична не только для русского языка, она характерна для всех языков с развитой литературной традицией. В некоторых случаях идиоматичность цитации осложняется дополнительными факторами, например эвфемизацией. Так, немецкий фразеологизм *Götz von Berlichingen*, формально совпадающий с названием известной драмы Гёте «Гётц фон Берлихинген», отсылает к контексту употребления в этой пьесе (в первой версии 3-го акта) грубой идиомы *Er kann mich am Arsch lecken* ‘пусть поцелует меня в задницу’. Современные носители немецкого языка используют этот фразеологизм в значении ‘отвяжись; отстань от меня’. Таким образом, говорящий, вместо произнесения грубой идиомы, указывает на литературный источник, в котором она употреблялась. Понятно, что это требует еще и наличия общего культурного фона в языковом сообществе.

Целый ряд идиом из группы референциальной переинтерпретации, рассмотренной выше, также обладает идиоматичностью цитации. Например, известно, что идиома *матерый человечище* представляет собой номинацию, использованную Лениным по отношению к Л. Толстому. Горький в очерке о Ленине приводит его слова: «Какая глыба, а? Какой *матерый человечище*! Вот это, ба-тенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было». Эта номинация стала широко известной благодаря школьной традиции преподавания литературы в советское время, из-за чего сейчас она используется в основном иронически.

Псевдоисчерпание. Псевдоисчерпание лежит в основе идиоматичности выражений *ни сват ни брат; ни кола ни двора*. Процедура псевдоисчерпания основывается на том, что перечисляются некоторые элементы какого-то общего множества, которые не исчер-

пывают его, но интерпретируются, как если бы все элементы множества были реально перечислены. Так, в идиоме *ни сват ни брат* актуальное значение ‘человек, в отношении которого говорящий не имеет никаких обязательств, затрагивающих личную сферу самого говорящего’, не исчерпывается отношениями *быть сватом* и *быть братом*. Аналогично идиома *ни кола ни двора*, по крайней мере, с синхронной точки зрения не исчерпывает потенциальных объектов владения. В выборе элементов, представляющих соответствующее общее множество, может участвовать фактор осложнения формы (рифмирование, звуковое подобие и т.п. — подробнее см. ниже). Данный способ идиоматического кодирования смысла используется и в других языках и не обязательно привязан к собственно идиомам. Так, в китайском слове *дасяо* (大小) ‘размер’ указание на значение осуществляется с помощью двух морфем: *да* ‘большой’ и *сяо* ‘маленький’, т.е. сфера размера обозначается двумя крайними точками — экстремумами.

Близки к псевдоисчерпанию случаи типа *вынь да положь* и *выкрасить и выбросить*. Здесь для указания на смысл используется перечисление действий, возможных в соответствующей ситуации. Так, например, настойчивое требование в идиоме *вынь да положь* передается последовательностью действий, характерных для ситуации требования определенного типа. Идея невозможности использования чего-либо выражается в идиоме *выкрасить и выбросить* за счет опущения срединного компонента в стандартной последовательности действий (нечто вроде «выкрасить — использовать — выбросить»).

Традиционно идиоматичность связывается с мотивированностью, т.е. со способностью носителей языка восстановить семантические отношения между исходными значениями компонентов идиоматического выражения и его результирующим значением. Как правило, это связано с метафорическими преобразованиями. Так, идиома *не оставить камня на камне* хорошо мотивирована, поскольку метафора физического разрушения какого-то строения легко переосмысливается как результат интеллектуального воздействия; ср. *не оставить камня на камне от аргументов противника*. В основе данного эффекта лежит принцип переинтерпретации. Однако для создания идиоматичности используются и другие средства — непрозрачность и усложнение способа указания на денотат (см. ниже). Отметим, что понятие мотивированности носит, скорее,

психологический характер и не может использоваться для определения идиоматичности. Мотивированность и ее связь с понятием внутренней формы будет рассмотрена в главе 5. В целом следует иметь в виду, что мотивированность отражает аспект восприятия выражения носителем языка, в то время как в данной главе обсуждаются «техники», которые используются языком для создания идиоматичных форм.

НЕПРОЗРАЧНОСТЬ

Второй фактор идиоматичности — непрозрачность. Хотя во многих случаях непрозрачность и переинтерпретация не исключают друг друга, категорию непрозрачности следует рассмотреть отдельно. Как было сказано ранее, непрозрачность связана либо с отсутствием стандартных правил вывода, либо с отсутствием в словаре данного языка одного или нескольких компонентов идиомы. Ниже рассматриваются три типа непрозрачности: два первых связаны с использованием нестандартных правил вывода, а третье — с наличием уникальных компонентов.

Непрозрачность выводимости обычно описывалась в других терминах как неаддитивность сложения смыслов¹⁶. Разумеется, непрозрачность выводимости относится далеко не ко всем случаям неаддитивного сложения смыслов. Дело в том, что формирование семантики большинства языковых выражений требует неаддитивных правил сочетаемости значений слов, составляющих эти выражения; см. [Балли 1955; Гак 1972; Апресян 1974]. Тем самым непрозрачность выводимости относится только к нестандартным правилам сочетания значений слов.

Понятно, что непрозрачность выводимости — типичное следствие переинтерпретации. Весьма часто переинтерпретация осуществляется по уникальным правилам. Так, идиома *брать быка за рога*, приводившаяся ранее в качестве иллюстрации переинтерпретации в точном смысле, одновременно служит примером непрозрачности выводимости, поскольку можно считать, что нет стандартных правил, позволяющих вывести актуальное значение выражения по значениям составляющих. Заметим, что переинтерпретированные

¹⁶ Ср. [Мельчук 1960], где неаддитивность сложения смыслов приравнивается к идиоматичности.

выражения далеко не всегда обладают свойством непрозрачности. В целом ряде случаев для «вычисления» актуального значения могут быть привлечены знания об имплицатурах дискурса и о типичных метафорических моделях типа жизнь — это игра, событие — это движение, жизнь — это путь, решение проблемы — это путь и т.п. В этом смысле выражения *стоять на пути (у кого-л.)*, *пойти (каким-л.) путем* оказываются переинтерпретированными, но прозрачными.

Непрозрачность выводимости представляет собой самостоятельный фактор идиоматичности, хотя и тесно связанный с переинтерпретацией. Существует достаточно много идиом, которые — по крайней мере на синхронном уровне — не могут рассматриваться как результат переинтерпретации, даже если диахронически в их основе лежит некоторое метафорическое преобразование. Ср., например, *дать дуба* ‘умереть’, *шнурки в стакане* ‘родители дома’, *груз 200* ‘останки погибших солдат, перевозимые самолетом’.

Непрозрачность редуцированной формы характеризуется тем, что какое-то полное и вполне прозрачное выражение редуцируется до его отдельных фрагментов. Пропущенные составляющие семантически, однако, не исчезают, и тем самым при понимании данного выражения требуются какие-то дополнительные усилия. Это приводит к непрозрачности и одновременно усложняет способ указания на денотат (подробнее см. ниже).

Очень часто идиоматичность данного типа возникает из-за усечения полной формы устойчивого выражения. Так, идиома *пуститься во все тяжкие* образована в результате редукции более полного выражения *пуститься во все тяжкие грехи*. В полной форме это выражение практически никогда не употребляется. Идиома *себе дороже* образована в результате опущения глагольного компонента словосочетания, которое можно реконструировать как *себе дороже обойдется / будет / встанет*. Ср. также сходные случаи *все путем* (видимо, от *все идет правильным путем*), *на все сто* (от формы *на все сто процентов*). Интересно, что близкая по форме немецкая идиома *auf hundert sein* «быть на сто» означает, тем не менее, нечто совсем иное — ‘быть вне себя’: *Brenner hat noch ein weiteres Mittel parat, um seine Mannschaft anzuspornen. “Wenn sie unkonzentriert spielen, bin ich in drei Sekunden auf hundert”* [Rhein-Zeitung, 10.04.1999] «У Бреннера есть ещё одно средство прищипорить свою команду.

“Когда они не сконцентрированы во время игры, я тут же *выхожу из себя*”». Здесь мы тоже имеем дело с непрозрачностью редуцированной формы, но полная форма, стоящая за этой идиомой, иная, чем для русского выражения *на все сто*. Судя по всему, значение полной формы имеет вид ‘на сто градусов’, а не ‘на сто процентов’, как в русском.

Если в качестве исходного словосочетания выступает идиома, то при усечении идиоматичность выражения усиливается, ср. идиому *по полной*, возникшую на основе выражения *по полной программе*.

К данному случаю примыкают примеры идиом, которые, по сути, представляют собой шаблоны с опущенными компонентами¹⁷. Восстановление этих компонентов приводит к потере идиоматичности. Например, сложный союз *как только X (так) сразу Y* (во фразах типа **Как только** уважаемый гость из дальнего зарубежья приезжает в Россию, его **сразу** кормят-поят и куда-нибудь ведут или везут. [Московский комсомолец]) становится фразеологизмом *как только так сразу*; ср. следующие примеры:

а. В принципе я согласен, что парламентарии такой великой страны, как наша, должны иметь не меньше, чем британские лорды или американские сенаторы. И пусть имеют — но не сегодня, а на следующий день. На следующий день после того, как российский избиратель догонит по зарплате американского. *Как только — так сразу!* [Московский комсомолец]; **б.** Ой толкового Президента мы в этот раз поимели. Он ведь *как только, так сразу* и сообразил — в России надо менять инвестиционный климат. [Корпус Публ.]

Ср. также аналогичные фразеологизмы *от X до Y* → *от и до* (*Я пытался придумать, как бы привлечь ее внимание, и в то же время прикидывал, как это я с ней проживу всю жизнь — от и до!* [Корпус РусПроз.]), *подумать только об X* → *подумать только!* (— *Вы это слышали? Наша Сарочка вышла замуж за портного. — Подумать только! Теперь будет богатой женщиной* [Корпус РусПроз.]).

Данный тип идиоматичности типичен для китайского языка. В китайских грамматиках он называется морфемной контракцией

¹⁷ Более точно следует говорить о пропозициональных формах с опущенными обязательными валентностями.

(кит. *jiancheng* «сокращенная номинация»). Так, выражение *san ting yi shi* ‘увеселительные заведения’ букв. «три зала одна комната» возникло как результат объединения нескольких номинаций: *geting* ‘зал караоке’, *wuting* ‘танцевальный зал’, *youxiting* ‘зал игровых автоматов’, *taiqiuh* ‘бильярдная’. Непрозрачность редуцированной формы в китайском языке часто выступает в сочетании с другими приемами осложнения выражения смысла, например в сочетании с омофонией. Так, фразеологизм *wai sheng da denglong — zhao jiu* букв. «для племянника зажечь фонарь — светить дяде» используется в значении ‘всё по-старому’. Мотивация актуального значения этого выражения связана с тем, что вторая часть этого фразеологизма *zhao jiu* при произнесении допускает два понимания: ‘светить дяде’ и ‘по-старому’ (на письме эти формы различаются, поскольку передаются разными иероглифами). Говорящий часто произносит только первую часть этого выражения *wai sheng da denglong*, что в еще большей степени осложняет выражение смысла, редуцируя исходную форму¹⁸.

Суть другого типа непрозрачности — **компонентной непрозрачности** — заключается в том, что в выражении присутствуют лексические элементы, которые не фиксированы в лексиконе. По этому критерию идиоматичными оказываются такие формы, как *не видно ни зги* (*зги* — непрозрачный компонент), *се́мо и овамо* (*се́мо*, *овамо* — непрозрачные компоненты), *ничтоже сумняшеся* (и *ничтоже* и *сумняшеся* — непрозрачные компоненты). Ср. также компонентную непрозрачность в идиомах европейских языков: англ. *dribs and drabs* ‘бессмысленные мелочи’, *tweedledum and tweedledee* ‘пара вещей, не отличающихся друг от друга ничем существенным’, нем. *Krethi und Plethi* ‘всякий сброд’, *in Saus und Braus* ‘в роскоши и неге’, нидерл. *tegen heug en meug* ‘против воли’, *met hutje en mutje* ‘со всеми пожитками’.

Разумеется, за идеей отсутствия в лексиконе, «несловарностью» компонента¹⁹ стоят различные причины, определяющие сте-

¹⁸ Китайские примеры и их переводы из [Антонян 2008].

¹⁹ Понятно, что под словарем в данном случае имеется в виду ментальный лексикон, а не реальные справочные издания. В последних соответствующие словарные статьи часто появляются, но в них указывается на уникальность данного элемента — на его сочетаемость с конкретным словом. Так, в Малом академическом словаре [МАС] в словарной статье на слово *преткновение* сразу дается отсылка к идиоме *камень преткновения*.

пень непрозрачности. Так, словоформа *лясы* в идиоме *точить лясы* абсолютно непрозрачна, в то время как словоформа *путеводная* в идиомах *путеводная звезда* и *путеводная нить* непрозрачна по основанию нефиксированности в словаре, но выводима благодаря семантической мотивированности²⁰. Таким образом, степень непрозрачности уникального компонента может быть различна. Ср. также такие выражения, как нем. (*jmdm.*) *die Leviten lesen* букв. «читать Левитикус (кому-л.)»²¹, «читать нотации (кому-л.)», *einen Rochus haben (auf jmdn.)*²² «иметь зуб (на кого-л.)», *sein Scherflein beitragen (zu etw.)* (*Scherflein* от средневерхненемецкого *scher(p)f* «разменная монета») «внести свою лепту (во что-л.)», с одной стороны, и *jmd. hat den Drehwurm* букв. «(у кого-л.) крутящий червь»²³, «(кого-л.) мутит, тошнит», (*jmdm.*) *reißt der Geduldsfaden* (*Geduldsfaden* — от *Geduld* «терпение» и *Faden* «нить»), «(у кого-л.) терпение лопнуло», *ins Fettnäpchen treten* букв. «наступить в горшочек с жиром»²⁴, «совершить нечаянную оплошность» — с другой.

В группе выражений с компонентной непрозрачностью оказываются не только словосочетания с уникальными компонентами, возникшими историческим путем в результате естественного развития языка, но и выражения с нестандартными морфологическими образованиями типа *на полном серьёзе* (*Один из местных «вероучителей» на полном серьёзе доказывал, что «в Коране записано», будто бы чеченцы произошли от ветхозаветного Ноя* [Корпус Публ.]), *по*

²⁰ В [МАС] у слова *путеводный* выделяются значения «указывающий путь, направление, ведущий куда-л., к чему-л.», «направляющий, руководящий». Судя по приводимым примерам, это устаревшие значения, отсутствующие в современном языке.

²¹ Происхождение идиомы имеет отношение к обычаю ордена Бенедиктинцев зачитывать во время богослужения Левитикус — религиозный текст, содержащий правила поведения для священников. За чтением текста нередко следовали проповеди для предостережения и порицания духовенства.

²² *Rochus* от идиш *rochus, rauches* «злость, гнев» < иврит *roḡēz*.

²³ *Drehwurm* — словообразовательная конструкция из *drehen* «крутить» и *Wurm* «червь» (от народного названия личинки ленточного червя, поражающей мозг домашних животных; ср. русское народное обозначение этой болезни животных — вертячка).

²⁴ *Fettnäpchen* — конструкция из *Fett* «жир» и *Näpchen* «миска» (от старинного обычая ставить *Fettnäpchen* перед входной дверью для смазки сапог).

*утрянке / утряху (Сегодня **по утряху** никак встать не мог, голова как бревно. Подлечился остатками портовешка — только после этого стал предметы различать [Корпус РусПроз.]).*

Перейдем к последнему фактору идиоматичности — усложнению способа указания на денотат.

УСЛОЖНЕНИЕ СПОСОБА УКАЗАНИЯ НА ДЕНОТАТ

Усложнение способа указания на денотат проявляется в двух вариантах: в расширении формы и в ее редукции. Изменение формы проявляется в том, что стандартная номинация заменяется нестандартной. Говоря об усложнении номинации, уместно вспомнить известный пример немецкого логика Г. Фреге, иллюстрирующий понятие дескрипции — использование выражений *утренняя звезда* и *вечерняя звезда* по отношению к одному и тому же денотату — Венере. Поскольку планета Венера имеет в естественном языке стандартное обозначение *Венера*, то любая развернутая дескрипция (номинация) может рассматриваться как усложненная и в каком-то смысле более идиоматичная. По этой логике многие случаи переинтерпретации приводят к усложнению дескрипции. Так, идиомы со значением ‘умереть’ — *отбросить коньки, дать дуба, протянуть ноги, сыграть в ящик* — представляют собой более сложный способ указания на денотат, чем обычный глагол *умереть*.

Понятно, что данный параметр идиоматичности не свойственен идиомам, которые не имеют лексикализованного однословного эквивалента. Ср. выражения типа *сойти с ума, купить коша в мешке, выпустить джинна из бутылки, выпустить пар*, нем. *der lachende Dritte* букв. «смеющийся третий» ‘сторона, получающая выгоду из конфликта двух других сторон и при этом не участвующая непосредственно в этом конфликте’. Данные выражения могут быть идиоматичны по параметру непрозрачности и по параметру переинтерпретации.

Как уже было сказано ранее, непрозрачность часто связана с переинтерпретацией (ср. *дать дуба, лыка не вязать*). Усложнение формы также часто сопровождается и непрозрачностью выводимости, и переинтерпретацией. В широком понимании любая идиома представляет собой случай усложнения способа указания на денотат, если имеется более простой способ выразить тот же смысл.

Разберем некоторые примеры усложнения способа указания на денотат. Один из довольно распространенных способов — это использование в лексическом составе идиомы **квазисинонимов** и **редупликаций**. Ср. идиомы с квазисинонимами *всем и каждому, все и вся, иметь место быть, всего ничего* и идиомы с редупликацией *хоть криком кричи, на веки вечные, во веки веков, век вековать, ходунуном ходить*.

С семантической точки зрения усложнение дескрипции рассматриваемого типа дает интенсификацию значения. Расширение формы дает «наращение» содержания, что соответствует принципу иконичности. Понятно, что усложнение дескрипции данного типа не ведет к непрозрачности: наоборот, результирующее значение становится даже более прозрачным. Вряд ли разумно рассматривать эти выражения и как результат действия переинтерпретации, поскольку ни один из их компонентов не подвергается тропеическим преобразованиям.

Еще один распространенный способ усложнения способа указания на денотат — это **уподобление формы**. Имеются в виду случаи рифмования компонентов идиомы, аллитераций различного рода и т.п., ср. *глаз-алмаз; куда ни кинь, всюду — клин; наш пострел везде поспел; ни сват ни брат*. Аллитерации особенно характерны для германских языков, ср. немецкие идиомы *mit Kind und Kegel* ‘со всеми членами семьи; в полном составе’, *Land und Leute* ‘страна и люди’, английские *spic and span* ‘с иголки’, *safe and sound* ‘живой и невредимый’.

* * *

Рассмотренные выше случаи идиоматичности довольно хорошо распределялись по трем основным факторам: переинтерпретации, непрозрачности и способу указания на денотат. Есть, однако, и более сложные примеры идиоматизации, которые в разных своих проявлениях тяготеют то к одному, то к другому фактору. В качестве примера такого типа разберем случай так называемой онимизации.

Под **онимизацией** понимается переход имен нарицательных в имена собственные или структурное преобразование имен нарицательных в имена собственные, приводящее к приобретению ими

тех или иных семантических свойств имен собственных. Типичные примеры идиом, возникших в результате онимизации — это выражения *Софья / Степанида Властьевна* ('советская власть'), *Манька Величкина* ('мания величия'); *Голим Голимыч* ('неуспех'). Сходный эффект наблюдается и в некоторых случаях перехода имен собственных одушевленных существей в имена собственные неодушевленных существей: *иван-да-марья* (название растения).

Укажем основные особенности этого проявления идиоматичности. Во-первых, онимизация чаще всего связана с языковой игрой. Хотя одушевление неодушевленного (персонификация) представляет собой типичный прием метафоризации, все-таки использование полной формы имени собственного — имени и патронима — по отношению к абстрактной сущности необычно. Излишняя уважительность порождает в данном случае комический эффект. Во-вторых, онимизация довольно продуктивна и регулярна. Причем регулярна в двух смыслах: из-за регулярности персонификации как способа метафорического осмысления и из-за наличия правила образования отдельной группы выражений, входящих в состав обсуждаемой группы идиом. Выражение *Голим Голимыч* возникло по общему правилу: «слово, обозначающее проблему, неуспех или отсутствие ресурса → слово, обозначающее проблему, неуспех или отсутствие ресурса, переосмысленное как имя лица + отчество, образованное от первого слова или напоминающее его». По этой модели образована, например, форма *Облом Обломыч*: *Приезжаем на вокзал, и начинается Облом Обломыч. Та гостиница, в которую мы хотели поселиться, оказывается закрытой, в остальных цены, ну мягко говоря, кусаются* [РечОб. Инт.]; *Подруга на меня сердилась две недели — вместо того, чтоб попить холоденького пивка после баньки, она вкушала облом обломыча!* [РечОб. Инт.].

Разумеется, онимизация не исчерпывается моделью «имя + патроним». Ср. *Дед Мороз, ванька мокрый, иван-да-марья* и др.

Еще одна специфическая особенность онимизации состоит в том, что в выражениях, возникших в результате онимизации, реализуются разные факторы идиоматичности. Так, идиома *Лиса Патрикеевна*, используемая по отношению к лисе, представляет собой усложнение способа указания на денотат, а форма *Софья / Степанида Властьевна* соединяет черты переинтерпретации (власть в образе властной женщины) и усложнения способа указания на денотат (по сравнению с выражением *советская власть*, все ком-

поненты которого употреблены в своих прямых значениях). С другой стороны, наименование *иван-да-марья* для обычного носителя русского языка, конечно, проще латинского названия *Melampyrum nemorosum* и представляет собой результат переосмысления внешнего вида цветов этого растения: золотисто-желтые цветы на фоне сине-фиолетовых кроющих листьев осмысляются как сочетание мужского и женского начала.

Такая негомогенность единиц, входящих в класс онимизаций, заставляет предположить, что внутри этой группы находятся различные подклассы, объединяемые только общей идеей преобразования имени нарицательного в имя собственное (вид метафоры персонификации). Действительно, количество фразеологизмов, возникших в результате онимизации, относительно невелико, но их семантика весьма разнообразна. Здесь можно упомянуть, по крайней мере, следующие семантические группы:

- имена фольклорных персонажей (*Дед Мороз; Михайло Иванович; Лиса Патрикеевна*);
- названий растений (*ванька мокрый; иван-да-марья*)
- шуточные названия напитков (*Александр Третий* — винтаж тройного одеколона с одеколоном «Саша» — как протест против монополии советского государства на спиртные напитки, особенно при отсутствии денег; *Кровавая Мэри* — вполне современный коктейль, состоящий из водки и томатного сока);
- отсутствие ресурса (*голый Вася, Голим Голимыч*);
- некоторые феномены сферы болезни и смерти (*Кондратий хватил, кондрашкахватила*).

Онимизация является активным процессом образования новых форм в современной разговорной речи.

* * *

Закljučая обсуждение категории идиоматичности, подчеркнем, что идиоматичность нельзя рассматривать как достаточное условие отнесения языкового выражения к классу идиом. Действительно, идиоматичность присуща не только идиомам, но и сочетаниям морфем, однословным метафорам, окказиональным употреблением языка, языковой игре и т.п. В противопоставлении внутренней и

внешней речи (в понимании Л.С. Выготского) внутренняя речь характеризуется существенно более высокой степенью идиоматичности, чем внешняя: «Во внутренней речи мы всегда можем выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием. И разумеется, при этом значение этого единого названия для сложных мыслей, ощущений и рассуждений окажется непереводаемым на язык внешней речи, окажется несоизмеримым с обычным значением того же самого слова» [Выготский 1999: 316].

2. Устойчивость как лингвистическая категория

Кроме идиоматичности, любой фразеологизм должен обладать устойчивостью. В устойчивости выделяется **структурный** аспект и аспект **узуальный** (социальный — по В.Г. Гаку [1977]). Первый характеризует выражение с точки зрения его внутреннего устройства (ограничения на трансформируемость, дефектность парадигмы и пр.). Узуальный аспект относится к восприятию и воспроизведению выражения в языковом сообществе. Так, выражение *сыграть в ящик* в значении 'умереть' является идиомой не только потому, что оно переинтерпретировано и не вполне прозрачно, но и потому, что оно устойчиво со структурной точки зрения и постоянно воспроизводится носителями языка именно в такой форме (и тем самым узуально). Фактор устойчивости оказывается одним из конституирующих для фразеологизмов. Если нет устойчивости, то нет и фразеологизма. Ср. идиоматичное, но неустойчивое выражение *дедоватый дядя*, встречающееся у Саши Соколова и окказионально образованное по аналогии с *внучатым племянником*. Понятно, что выражение *дедоватый дядя* не является фразеологизмом.

Узуальный аспект устойчивости проявляется в регулярном воспроизведении некоторого словосочетания носителями языка. Структурный аспект устойчивости не является обязательным. Если узуализация отсутствует, то бессмысленно говорить об устойчивости со структурной или какой-либо другой точки зрения. Так, фразеологизмы *принимать решение*, *приводить пример* структурно ничем не отличаются от свободных словосочетаний, являясь при этом устойчивыми выражениями, которые не могут порождаться по продуктивным правилам и должны фиксировать-

ся в словаре. С другой стороны, факторы структурной устойчивости — дефектность парадигмы, рифма, ограничения на способность к трансформированию и пр. — в сочетании с узуализацией усиливают ее.

По-видимому, в рамках лингвистики невозможно с определенностью выявить истинные причины формирования устойчивых оборотов. Чаще всего причины устойчивости носят экстралингвистический характер. Здесь могут оказаться важными культурная значимость текста-источника (ср. многочисленные идиомы-библейзмы, идиомы, пришедшие в русский язык из «Горя от ума» А.С. Грибоедова, «Двенадцати стульев» и «Золотого тельника» И. Ильфа и Е. Петрова, идиомы из произведений У. Шекспира в английском языке и пр.); культурно-исторический контекст (ср. наличие большого количества французских заимствований в русской идиоматике); повышение престижности и/или расширение сферы функционирования определенных подъязыков, в том числе жаргонов (ср. широкое использование в постсоветское время языковых выражений из сферы лагерного жаргона). Многие причины узуализации остаются, однако, абсолютно непонятными, ср. относительно новые идиомы *дать в бубен (кому-л.)*, *крыша поехала (у кого-л.)*, *есть как не в себя*, *выносить мозг (кому-л.)*. Доля собственно лингвистических факторов узуализации, по-видимому, крайне мала.

Как и идиоматичность, устойчивость можно представить в виде отдельных параметров. Эти параметры носят структурный характер, т.е. являются вспомогательными для возникновения устойчивости или ее поддержания в речевом употреблении.

Ограничения на образование вариантов. Свобода варьирования компонентов для разных идиом различна. Так, в выражении *висеть на волоске* варьироваться может как компонент *висеть* (ср. *держаться на волоске*), так и компонент *волоске* (ср. *висеть / держаться на ниточке*). С другой стороны, в идиоме *мчаться / нестись / скакать... во весь опор* варьируется только глагольный компонент, но количество «заменяющих» слов довольно велико. Разумеется, есть случаи полного отсутствия вариантов, ср. *собаку съест*.

Следует подчеркнуть, что абсолютную фиксированность компонентного состава выражения нельзя рассматривать как необхо-

димый критерий его отнесения к классу идиом. Однако значительная свобода варьирования элементов заставляет подозревать, что словосочетание может быть описано как свободное. Так, вряд ли целесообразно рассматривать сочетание *нести чушь* как идиому, поскольку *нести* вполне допускает многочисленные замены на *пороть*, *говорить*, *писать*, а *чушь* легко заменяется на *ерунду*, *фигню*, *хрень*, *ахинею*, *галиматью*, *бред*²⁵. Кроме того, слово *чушь*, как и все прочие слова данного синонимического ряда, употребляется и автономно: *Что за чушь / бред / ерунда / фигня* и т.д.

Морфологическая дефектность идиомы. Идиомы часто обнаруживают ограничения в образовании различных грамматических форм. Так, для ряда глагольных идиом характерно отсутствие форм первого лица, ср. *выносить сор из избы* — **Я выношу сор из избы*²⁶. Заметим, что эти ограничения могут ослабляться в специфических контекстах, ср., например, контекст цитации *Он обвиняет меня в том, что я выношу сор из избы*. Все грамматические формы, кроме императива (и форм, функционально аналогичных императиву), запрещены для идиомы *не бери в голову*. Так, не очень хорошо сказать *Он ничего не брал в голову*. Для именных идиом и для именных компонентов глагольных идиом типичны запреты на регулярное образование числа, ср. *Физика — его ахиллесова пята* и **Физика и химия — его ахиллесовы пяты*; при отнесении идиомы *не ударить в грязь лицом* к нескольким субъектам смысловое согласование по числу невозможно, ср. **Они не ударили лицами в грязь*.

Синтаксическая проницаемость. Свободные словосочетания допускают проведение различных синтаксических трансформаций, видоизменяющих их синтаксическую форму или окружение. К числу таких трансформаций относится, например, введение определения к существительному (*читать книгу* → *читать интересную книгу*), введение отрицания в глагольное словосочетание (*строить дом* → *не строить дом*), образование придаточного определительного, относящегося к одному из компонентов словосочетания (*строить дом* → *строить дом, который должен понравиться всем*), образование пассива (*студент купил словарь* → *словарь был куплен студентом*). Многие

²⁵ Ср., однако, невозможность **пороть бред*.

²⁶ Этот тип дефектности можно объяснить с точки зрения фактора «иллюзивного самоубийства» [Вендлер 1985].

идиомы оказываются непрозрачными для этих трансформаций, ср. вешать лапшу на уши → **вешать лапшу на свои / чужие уши, *вешать длинную лапшу на уши* (введение определения); *не лаптем щи хлебать* → **не лаптем щи хлебать, которые сварил Иван Иванович* (образование придаточного определительного); *наострить лыжи* → **не наострить лыжи* (введение отрицания); *ломать голову* (над чем-л.) → **голова ломается* (над чем-л.) (образование декаузатива).

* * *

Рассмотренные базовые категории фразеологии — идиоматичность (с факторами переинтерпретации, непрозрачности и усложнения способа указания на денотат) и устойчивость — задают параметры классификации фразеологизмов, которая рассматривается в следующей главе.

Задание 1. Чем определяется идиоматичность приводимых ниже выражений: переинтерпретацией, непрозрачностью или усложнением способа указания на денотат? *Ни шатко ни валко; мафусаиловы веки; старая калоша; висеть на люстрах; черная дыра; шерочка с машерочкой; ни на йоту; туманный Альбион.*

Задание 2. Определите тип переинтерпретации в следующих выражениях: *взлететь на воздух* (в значении ‘взорваться’); *от мала до велика*; *ни ложки ни плошки*; *только за смертью посылать*; *наше всё*; *кремлевский мечтатель*; *дядюшка Джо*; *лед тронулся*; *каша в голове*; *ярмарка тицеславия*; *ни сесть ни встать*.

Задание 3. Определите тип непрозрачности следующих выражений: *от сих до сих*; *не пришей кобыле хвост*; *для блезира*; *по полной*; *цацки-пецки*; *печки-лавочки*; *не жук на палочке*; *подбить бабки*; *на всякий пожарный*; *на все сто*, *наобум Лазаря*; *загнать за можай*; *куда Макар телят не гонял*; *на полусогнутых*.

Задание 4. Установите тип усложнения способа указания на денотат в следующих выражениях: *ревмя реветь*; *сплошь и рядом*; *мал мала меньше*; *полночь за полночь*; *хоть пруд пруди*.

Задание 5. Определите, какой фактор идиоматичности — переинтерпретация, усложнение способа указания на денотат или их комбинация — представлен в следующих идиомах, образованных в результате онимизации: *Облом Обломыч, ванька-встанька, голый Вася, ваньку валять, Манька Величкина, любопытная Варвара, Вася Пупкин*.

Рекомендованная литература

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 106, 161—163, 206 [исследование факторов идиоматичности на материале французского языка].
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. С. 27—65 [подробно обсуждаются типы идиоматичности и устойчивости, а также критерии выделения идиом].
- Ларин Б.А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологических материалов // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125—149 [исторические основания факторов идиоматичности].
- Мельчук И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73—79 [в статье излагается понимание категорий устойчивости и идиоматичности в рамках модели «Смысл — Текст»].

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Наиболее известная классификация фразеологизмов в русской традиции связана с именем В.В. Виноградова. В 1940-е годы им была предложена классификация фразеологизмов, основанная на идеях швейцарского лингвиста Ш. Балли [Балли 1955]. По Виноградову, выделяются три основных типа фразеологических единиц: 1) фразеологические сращения (устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой, — *точить лясы, ничтоже сумняшеся*); 2) фразеологические единства (устойчивые сочетания слов с прозрачной внутренней формой — *подливать масла в огонь, вынь да положь*); и 3) фразеологические сочетания (выражения, в которых одно из слов употреблено в прямом значении, а второе — во фразеологически связанном, ср. *корень зла, принимать меры, одержать победу, радость обуяла*) [Виноградов 1946; 1977]. Пословицы и поговорки в классификации В.В. Виноградова в явном виде не упоминаются и тем самым не выделяются в особые классы. Судя по примерам, приводимым В.В. Виноградовым, поговорки типа *как бы не так* попадают в класс фразеологических сращений, а поговорки типа *час от часу не легче* входят в класс фразеологических единств.

В последующем эта классификация была дополнена Н.М. Шанским, который выделил еще один тип фразеологических единиц — фразеологические выражения, определяемые как «устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [Шанский 1964: 201]. Фразеологические выражения подразделяются на два типа: «фразеологические выражения коммуникативного характера» (*хрен редьки не слаще, человек — это звучит гордо*²⁷) и «фразеологические выражения номинативного характера» (*высшее учебное заведение, трудовые успехи*).

²⁷ Примеры Н.М. Шанского [1964].

Выделение фразеологических выражений как отдельного класса фразеологизмов не вполне правомерно. Действительно, к выражениям коммуникативного характера отнесены, с одной стороны, пословицы (*хрен редьки не слаще*), а с другой — крылатые слова со структурой предложения (*человек — это звучит гордо*). С семантической, прагматической и стилистической точек зрения это совершенно разные языковые феномены. Кроме того, определение, данное Н.М. Шанским, к пословицам неприменимо, поскольку паремии типа *хрен редьки не слаще* явно переинтерпретированы семантически, т.е. значение этих выражений не складывается из прямых значений составляющих их слов. Что касается выражений номинативного характера, то интуитивно они не входят в состав фразеологии, хотя определенная устойчивость им свойственна. Отметим также, что по данному выше определению фразеологическими выражениями являются и такие частотные сочетания слов в их прямых значениях, как *звонить по телефону* (более 300 употреблений в НКРЯ), *хорошая погода* (более 500 употреблений в НКРЯ), *громко кричать* (более 200 употреблений в НКРЯ).

Последующее развитие фразеологии — как в России, так и за рубежом — показало, что классификация фразеологизмов в известном смысле вторична и определяется конкретными задачами исследования. Исследование семантики и синтаксиса фразеологизмов, их словарное описание, изучение авторской фразеологии, а также анализ функционирования фразеологизмов в речи на материале больших корпусов — все это способствовало возникновению классификации, которая по сути более проста, семантически мотивирована и практически ориентирована. В силу этого она с незначительными модификациями используется в разных научных школах. Существенно, что такая классификация отвечает интуитивным представлениям исследователей о сущности различных феноменов, которые входят во фразеологическую систему языка. Классификация такого типа предлагается ниже. С одной стороны, она учитывает устоявшуюся традицию, с другой — дополнена некоторыми разрядами фразеологизмов, которые не столь традиционны, но хорошо согласуются с интуицией.

В этой классификации различаются шесть основных типов фразеологизмов:

- идиомы (*шишка на ровном месте; работать спустя рукава; выпустить джинна из бутылки; не мытьем, так катаньем; сойти с ума; хоть ты тресни*);
- коллокации (*зло берет; зерно истины; принять решение; поставить вопрос; встретить отпор; закоренелый преступник*);
- пословицы (*цыплят по осени считают; без труда не вытащишь и рыбку из пруда; не подмажешь — не поедешь; волков бояться — в лес не ходить; назвался груздем — полезай в кузов*);
- грамматические фразеологизмы (*во что бы то ни стало; по крайней мере; по меньшей мере; едва не; хотя бы; потому что; из-за того, что; вследствие того, что*);
- фразеологизмы-конструкции (*X — он и в Африке X; не X, а X-ище; всем X-ам X*);
- ситуативные клише (*спокойной ночи; руки вверх!; по газонам не ходить*).

Традиционно выделяемые поговорки — выражения типа *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*; *не лаптем щи хлебаем*; *на нет и суда нет*; *час от часу не легче* — включаются в состав идиом (см. ниже). Обычно выделяемый класс крылатых слов частично относится к идиомам, частично — к пословицам, а частично остается за пределами фразеологии (см. раздел 7 данной главы).

1. Идиомы

Идиомы образуют центр фразеологической системы. В самом общем виде им можно дать следующее определение:

Идиомы — это сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости.

Критерии выделения идиом во фразеологической системе определяются параметрами переинтерпретации, непрозрачности и устойчивости, рассмотренными в главе 2. Внутри класса идиом разными учеными в зависимости от целей и задач исследования выделяются те или иные типы. Например, по синтаксической функ-

ции — предикаты, выполняющие функцию группы сказуемого (глагольные идиомы типа *плевать в душу, дать жизни, погнаться за двумя зайцами*); дополнения (реже, при определенных коммуникативных условиях, — подлежащие) и именные части сказуемого (*мышинный жеребчик; стреляный воробей; волк в овечьей шкуре; Третий Рим*); обстоятельства (*закатав рукава, с молодых ногтей*). Категориальная классификация предполагает выделение таких подклассов, как именные группы (*охота на ведьм, книга за семью печатями*), глагольные группы (*сбыть с рук, рвать и метать, выйти в тираж*), предложные группы (*по пьяни, под белы руки, до отказа*) и т.д.

Содержательные классификации идиом часто предусматривают выделение функциональных подклассов: идиомы-термины типа *анютины глазки, львиный зев, Большая Медведица и Малая Медведица, грудная жаба, пляска святого Витта*; идиомы, функционирующие как имена собственные (в том числе географические названия), — *Матросская Тишина, Белый дом, Северная Пальмира, Бермудский треугольник* и т.д.

Речевые формулы. Если идиомы понимаются как сверхсловные устойчивые образования с высокой степенью нерегулярности, то к ним естественно относить устойчивые обороты любой синтаксической структуры, в том числе единицы со структурой предложения. При этом пословицы из-за своей семантики и дискурсивной функции должны рассматриваться как отдельный класс фразеологизмов (см. раздел 3 данной главы). Рассмотрение фразеологизмов с точки зрения их связи с моментом речи позволяет выделить особый разряд идиом со структурой предложения, в семантике которых содержится непосредственная отсылка к ситуации общения. Такие идиомы, как *старость не радость; где наша не пропадала; не гони лошадей; избави бог; дурак или родом так?; поживем — увидим; как только, так сразу; где уж нам, дуракам, чай пить!*, в отличие от фразеологизмов *коломенская верста, пить горькую, принимать в штыки*, вызываются конкретными факторами ситуации общения. Так, идиома *старость не радость* со значением ‘оценивая данную ситуацию, говорящий объясняет возникшие у кого-либо трудности тем, что кто-либо стар’ употребляется как речевой комментарий к каким-то действиям говорящего или его собеседника: *Теперь припоминаю, — солгал Энн, — да, именно, передавала вашу записку. Простите, совсем забыл. — Старость не радость, — вздохнула Вар-*

вара Владиславовна, — я теперь лечусь у гомеопата, чудеса делает, вдохнул в меня новую жизнь. [И. Грекова. Кафедра] В литературе такие идиомы называются **речевыми формулами** [Баранов, Добровольский 2008: 78–95]²⁸.

По семантике и функционированию в структуре дискурса выделяется несколько групп речевых формул. К первой группе относятся так называемые **идиомы-комментарии**, использование которых позволяет говорящему выразить свое отношение к определенным аспектам ситуации общения. Так, в последовательности реплик *Ведь люди в войну последнее продавали, <...> литр молока на рынке стоил примерно так же, как серебряная ложечка, — а тут новое накоплено и, смотри-ка, Айвазовский. Шутка сказать: Айвазовского приобрести* [Ю. Трифионов. Дом на набережной] речевая формула *шутка сказать* передает удивление и негативное отношение говорящего к описываемому факту. В функции комментария часто выступают также такие выражения, как *дурак и уши холодные; не лаптем щи хлебаем; лед тронулся; дела идут — контора пишет; за что боролись, на то и напоролись*.

Отметим, что в эту группу включаются фразеологизмы, традиционно относимые к поговоркам: *вот тебе, бабушка, и Юрьев день; не было печали, так черти накачали; [и] на старуху бывает проруха*.

К идиомам-комментариям примыкает еще один тип речевых формул, которые можно назвать **полуавтономными**. Например, *хоть [ты] убей, хоть [ты] тресни, хоть [ты] лопни*. В отличие от других комментариев, они не являются синтаксически автономными предложениями. В правильных синтаксических конструкциях эти выражения образуют часть структуры сложных предложений типа *хоть ты тресни, но / а Р*. Однако в общении говорящий склонен обособлять их интонационно и синтаксически (на письме — пунктуационными знаками), разделяя синтаксически цельное предложение на отдельные автономные компоненты. Ср. *Павел подумал, что понадобится кого-то звать на это дело, потому что сам он за него — **хоть убей** — не возьмется и даже сбежит со двора и станет бродить, пока не приберутся* [В. Распутин. Прощание с Матерой].

²⁸ Ср. также принятый в англоязычной литературе термин *speech formulae* [HSK Phr 2007].

Некоторые речевые акты в коммуникации не только сообщают определенную информацию, но и являются своеобразными речевыми действиями. В теории речевых актов эти речевые действия называются перформативами. Различие между обычными речевыми актами и перформативами видно на таких парах высказываний, как *Сергей пригласил друзей в гости* и *Я приглашаю вас к себе в гости*. В последнем случае сам речевой акт является речевым действием приглашения. Среди речевых формул также выделяются **идиомы-перформативы**. Например, идиомы *вот те / тебе крест, зуб даю, век свободы не видать* и т.п. реализуют речевой акт клятвы. В свою очередь, идиомы *чтоб глаза повылезали / вылезли (у кого-л.)*, *чтоб пусто было (кому-л.)*, *чтоб руки отсохли (у кого-л.)* связаны с выражением речевого акта проклятия. Имеются речевые формулы, реализующие и другие типы речевых актов: отказ (*шёл бы ты своей дорогой, нашёл дурака, скатертью дорога, и думать забудь, катись колбаской, много будешь знать — скоро состаришься, спешу и падаю*), просьба (*не в службу, а в дружбу; позолоти ручку!; не корысти ради*), обещание (*будет вам и белка, будет и свисток; дай срок*).

Близки к перформативам **формулы ответа**. Это такие идиомы, которые являются клишированными ответами на определенные вопросы: {— *Ну?*}²⁹ — *Баранки гну*; {— *Где?*} — *У тебя на бороде*; {— *Откуда?*} — *От верблюда*; {— *Куда?*} — *На кудыкину гору*; {— *Почему?*} — *По кочану*; {— *Говорят...*} — *Кур доят*; {— *Привет!*} — *Привет от старых итиблет*; {— *Как дела?*} — *Как сажа бела*.

Аналогично выделяются и **формулы вопроса**, являющиеся клишированными риторическими вопросами. По своей семантике они представляют собой оценку тех или иных аспектов ситуации общения. Например, говорящий может оценивать себя (*а я что — лысый?*), партнера по коммуникации (*дурак или родом так?; какая муха тебя укусила?*) или обсуждаемую проблему (*а был ли мальчик?*). Выделяются также некоторые другие разряды речевых формул (см. подробнее [Баранов, Добровольский 2008: 78–95]).

²⁹ В фигурные скобки помещаются те выражения, которые не являются частью фразеологизма, но необходимы для появления речевой формулы в дискурсе.

2. Коллокации

Группа коллокаций по сравнению с идиомами характеризуется существенно меньшей идиоматичностью. Этому типу фразеологизмов можно дать следующее определение.

Коллокации — это слабоидиоматичные фразеологизмы преимущественно со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент (**база**) употреблен в своем прямом значении, а сочетаемость со вспомогательным компонентом (**коллокатором**) может быть задана в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова предопределен узусом.

Из определения следует, что выбор коллокатора всегда определяется базой, а выбор базы зависит от коммуникативного намерения говорящего. К коллокациям относятся, например, такие выражения, как *проливной*_[коллокатор] *дождь*_[база], *принимать*_[коллокатор] *решение*_[база], *зерно*_[коллокатор] *истины*_[база], *ставить под*_[коллокатор] *сомнение*_[база], *топорная*_[коллокатор] *работа*_[база], *трескучий*_[коллокатор] *мороз*_[база]. Встречаются, хотя и довольно редко, коллокации со структурой предложения, ср. *зло*_[база] *берет*_[коллокатор], *сердце*_[база] *ёкнуло*_[коллокатор], *радость*_[база] *обуяла*_[коллокатор].

Отметим, что сам семантический класс коллокаторов легко задается, например, в коллокациях *проливной дождь*, *жгучий брюнет*, *круглый отличник* все коллокаторы могут быть охарактеризованы как слова со значением ‘высокая степень проявления признака’ (лексическая функция MAGN). Однако способ выражения этого значения в каждом случае оказывается уникальным и в силу этого предопределенным. На этапе возникновения коллокации в языке выбор конкретного коллокатора из соответствующего семантического класса произволен. Так, русской коллокации *принимать меры* в английском языке соответствует коллокация *to take measures*, а в немецком — *Maßnahmen treffen / ergreifen*. Иными словами, коллокаторы в этих языках различны: *принимать*, *to take* (букв. «брать»), *treffen* (букв. «встречать»), *ergreifen* (букв. «хватать, схватывать»). После того как выбор коллокатора в языке осуществлен, он оказывается обязательным.

Произвольность выбора конкретного коллокатора на этапе возникновения коллокации приводит к тому, что с течением времени он может меняться. Действительно, ничто не мешает семантически опустошенному глаголу в коллокации заменяться на другой такой же опустошенный глагол. Ср. *полагать надежду* в «Пиковой даме» Пушкина и современную форму *возлагать надежды*: *Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала наконец, что **всю свою надежду полагает** на его дружбу и любезность.*

Или аналогично *попробовать счастья* vs. современное *попытать счастья* (— *Что если, — думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, — что если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты! Почему же не **попробовать** своего счастья?..*). Для заимствованных коллокаций устаревшая форма может быть точной калькой выражения языка-источника. Такова, например, форма *делать вопросы* (фр. *faire des questions*) вместо современной *задавать вопросы*: *Графиня имела обыкновение поминутно **делать** в карте **вопросы**.*

Разберем подробнее специфику структуры и семантики коллокаций. Словосочетание *проливной дождь* состоит из двух компонентов, двух слов: *проливной* и *дождь*. Слово *дождь* употреблено в своем прямом значении «атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды» [МАС], а слово *проливной* является уникальным, т.е. используется только в сочетании со словом *дождь*. Иными словами, оно фразеологически связано. Сочетаемость слова *проливной* в данном случае жестко ограничена данным словосочетанием.

Гораздо чаще один и тот же коллокатор сочетается с разными базами в нескольких коллокациях. Так, глагол *принимать* встречается в составе нескольких коллокаций: *принимать решение*, *принимать соболезнования*, *принимать участие*. Однако четко задать семантический класс слов, с которыми может сочетаться глагол *принимать* в указанной семантико-синтаксической функции, не представляется возможным. Иными словами, выбор базы при возможном коллокаторе непредсказуем даже в терминах семантического класса. Действительно, по-русски можно сказать *принимать решение*, но нельзя сказать **принимать заключение* (надо сказать *прийти к заключению*), можно сказать *принимать соболезнования*, но нельзя сказать **принимать сожаления*, соответственно, можно сказать *принимать участие*, но нельзя сказать **принимать член-*

ство, можно только *быть членом*. Невозможность задать семантический класс слов вместе с отсутствием регулярных правил сочетаемости конкретных коллокаторов с конкретными базами и приводит к тому, что выражения типа *принимать решение, принимать соборования, принимать участие* следует считать коллокациями и их экономнее описывать в словаре, чем в грамматике с помощью уникальных правил.

Возвращаясь к примеру *проливной дождь*, заметим, что коллокации не обязательно содержат уникальные компоненты — ср. разбиравшиеся примеры *принимать решение, принимать соборования, принимать участие*. В таких случаях идиоматичность обеспечивается модификацией семантики одного из компонентов. Например, в коллокациях *задавать вопрос* и *брать обязательство* глаголы *задавать* и *брать* семантически обеднены, поскольку выражают простые смыслы типа 'сделать'. Именно поэтому для описания коллокаций естественно использовать аппарат лексических функций, разработанный в рамках модели «Смысл — Текст» [Жолковский, Мельчук 1967]. Тем самым выделение отдельных групп в составе коллокаций может основываться на типах лексических функций. Так, следует различать, по крайней мере **коллокации-magn**, **коллокации-oper-func**, **коллокации-real-fact**, **коллокации-sing**, **коллокации-mult**.

Коллокации-magn представляют собой устойчивые сочетания с однословным компонентом, нетривиальным способом передающим смысл MAGN, типа *жгучий брюнет, закадычный друг, заклятый враг, закоренелый преступник, проливной дождь*³⁰. Аналогично коллокации-oper-func — это устойчивые сочетания с однословным компонентом, нестандартным образом передающим смыслы OPER или FUNC, ср. *принимать решение, ставить вопрос, одержать победу, потерпеть поражение, взять реванш*, а коллокации-real-fact — это, соответственно, устойчивые словосочетания, нестандартным образом передающие смыслы REAL или FACT (также в комбинации с другими смыслами типа CAUS, FIN), ср. *желание сбывается, справедливость торжествует, долг велит (кому-л. сделать что-л.)*,

³⁰ Следует иметь в виду, что если смысл MAGN передается словосочетанием, то выражение относится к идиомам. Ср. *со всей дури, в дым, в квадрате, до мозга костей, по полной*.

слово / обещание связывает (кого-л.), возлагать ответственность (на кого-л.), вернуть слово (кому-л.), искупать грех, заступать на вахту. Под коллокациями-sing понимаются выражения, уникальным образом передающие значение отдельного экземпляра, элемента, единичной реализации чего-л., ср. *порыв ветра, кочан капусты*³¹. Лексическая функция MULT противопоставлена по семантике функции SING, соответственно, коллокации-mult — это выражения типа *отара овец, стадо коров, косяк трески*.

Кроме того, выделяются и **метафорические коллокации**. Это устойчивые сочетания типа *зерно истины* и *червь сомнения*, т.е. сочетания, один из компонентов которых употреблен в прямом значении, а второй — как метафора, модифицирующая значение первого.

Не все коллокации одинаковы с точки зрения степени идиоматичности. Так, формы типа *пьян как сапожник*, вообще говоря, структурно соответствуют обычным коллокациям: *пьян* — база, *как сапожник* — коллокатор. Однако интуитивно фразеологизм *пьян как сапожник* занимает промежуточное положение между собственно коллокациями и идиомами. Возможно, это связано с ясно ощущаемым образом, стоящим за этим выражением. Действительно, в наивной картине мира (возможно, не современной, а живой для носителя русского языка конца XIX — начала XX в.) фразеологизм *пьян как сапожник* связан с обыденным представлением о том, что сапожники часто злоупотребляют спиртным и тем самым становятся образцом для выражения смысла 'сильно пьян'.

Коллокации описываются в словарях особого типа — словарях устойчивых словосочетаний. Для русского языка наиболее извест-

³¹ Важно подчеркнуть, что даже при наличии относительно широкой сочетаемости соответствующие выражения могут относиться к коллокациям, ср. метафорические коллокации *взрыв негодования, взрыв эмоций, взрыв аплодисментов* и др. Здесь нельзя указать общего правила, задающего сочетаемость слова *взрыв* в подобных случаях. Действительно, реализация многих эмоций не может описываться словом *взрыв*, ср. неудачность словосочетаний *взрыв жалости, взрыв удивления, взрыв удовольствия, взрыв огорчения* и др. Впрочем, форма *взрыв удивления* встречается в литературе XIX в.: *Я, наставник его детей, заодно с ними превращался тогда в его ученика и принимал живейшее участие в их любознательных интересах, в взрывах удивления и в юных восторгах*. [Ф.И. Буслаев. Мои воспоминания]

ны в этой области такие словари устойчивых словосочетаний, как [Дерибас 1983] и [Регинина, Тюрина, Широкова 1976]. Некоторые словарные издания последовательно используют аппарат лексических функций — таков, например, словарь «Слово в тексте» Е.Г. Борисовой [1995], ориентированный на преподавание русского языка как иностранного.

3. Пословицы

Традиционно пословицы относятся к сфере фразеологии, хотя реальная практика научных исследований показывает, что паремология — это автономная научная дисциплина и исследователи, изучающие пословицы, довольно редко занимаются фразеологией, тяготея к этнографии и фольклористике. Есть также работы и чисто структурного характера, ср., например, исследования Г.Л. Пермякова. Тем не менее структурно пословица является видом фразеологизма со структурой предложения.

Имеется достаточно устойчивая традиция объединять пословицы и поговорки в один класс, рассматривая их как малые формы народного поэтического творчества. Этот обобщенный класс часто называют **паремиями**. В него включаются также загадки, приметы и другие малые формы устного народного творчества. В разных концепциях граница между пословицами и поговорками проводится по-разному, при этом в подавляющем большинстве случаев не удается четко отграничить одно от другого. Так, к паремиям относят и сентенции типа *не в свои сани не садись, на всякого мудреца довольно простоты, цыплят по осени считают* (собственно пословицы), и выражения типа *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*; *лед тронулся; жребий брошен; мосты сожжены*. Последняя группа паремий существенно отличается от первой [Добровольский 1990].

Во-первых, специфическая особенность пословиц, отличающая их от поговорок и любых других фразеологизмов со структурой предложения (см. выше понятие речевой формулы), — наличие в их семантике идеи всеобщности, ср. *всякому овощу свое время; всяк сверчок знай свой шесток; на всякий роток не накинешь платок; на всякий чох не наздравствуешься; сколько волка ни корми, он все в лес смотрит*.

Важно иметь в виду, что некоторые поговорки также имеют явные или скрытые показатели семантики всеобщности, однако присутствие в их составе форм с конкретно-референтным статусом не позволяет рассматривать их как выражения, фиксирующие знания, общие для данного языкового социума, т.е. как пословицы. Ср. представленные в словаре половиц и поговорок В.И. Даля выражения *кто ни шастъ — все на мою часть; на меня, что в яму: все валится; за всё берется, да всё не удается; его ленивый не бьет*. Отнесенность приведенных фразеологизмов к конкретному лицу ограничивает сферу действия идеи всеобщности именно этим лицом. В силу этого они функционируют в дискурсе как поговорки.

Во-вторых, для одной группы пословиц характерна идея рекомендательности (семантика совета вести себя определенным образом в определенной ситуации, семантика нравоучения, запрета и т.п.), а для другой группы — идея объяснения. Действительно, значение пословицы *не в свои сани не садись* сводится к обобщенной рекомендации не делать того, что не умеешь, не участвовать в деле, которое тебе не подходит, и т.п. Ср. также *от сумы да от тюрьмы не зарекайся, время — деньги, на чужой каравай рот не разевай*. В пословицах другой группы семантика рекомендательности, скорее, находится на втором плане, будучи следствием из значения и контекста. При этом в центре внимания оказывается идея объяснения, мотивации. Так, пословица *свято место пусто не бывает* не столько рекомендует, сколько объясняет происходящее или обсуждаемое. В контексте употребления этой пословицы у И. Бродского: *С другой стороны, кого-нибудь, конечно, поделят. Свято место пусто не бывает* говорящий объясняет, почему он уверен в том, что кого-нибудь обязательно поделят — «место» очень ценное. Рекомендация строить свое поведение, исходя из ожиданий «подселения», конечно, тоже присутствует, но как второй «слой» семантики, как семантическое следствие. Идея «объяснительности» присутствует также в семантике таких пословиц, как *правда хорошо, а счастье лучше; ум хорошо, а два — лучше; один в поле не воин*.

В-третьих, рекомендательная и объяснительная сила пословиц основывается на общем знании, разделяемом всеми носителями данного языка. В этом смысле они культурно зависимы. Их можно рассматривать как средоточие правил наивной логики, определяющей практическое поведение человека в проблемных ситуациях.

Как известно, эти правила часто оказываются противоречивы, ср. противоречащие друг другу рекомендации в следующих пословицах: *без труда не вытащишь и рыбку из пруда; терпение и труд все перетрут* vs. *от работы кони дохнут; работа не волк — в лес не убежит*. Такая противоречивость обеспечивает, однако, значительную гибкость в объяснении и обосновании поведения человека.

Выделенные семантические особенности пословиц неавтономны. И указанные аспекты иллокутивной силы³² — рекомендательность и объяснительность, — и общее знание тесно связаны с идеей всеобщности. Именно поэтому поговорка *поезд ушел*, вполне уместная в контексте объяснения, не является пословицей: в ее семантическом представлении нет квантора всеобщности, а эффект объяснения основывается на единичной ситуации, а не на правиле.

В значении выражения *лед тронулся* нет ни рекомендации, ни запрета, ни объяснения, нет и идеи всеобщности: оно произносится в ситуации, когда какое-то дело, которое по каким-то причинам было трудно начать, все-таки начинается. Именно поэтому выражение является поговоркой, а не пословицей.

Тем самым пословица как часть фразеологической системы может быть определена следующим образом.

Пословица — это фразеологизм, имеющий структуру предложения, с семантикой всеобщности, выражающий рекомендацию (совет, нравоучение или запрет) и/или объясняющий обсуждаемое положение дел с точки зрения правил наивной логики.

Идея всеобщности часто выражается на поверхностном уровне лексемами типа *все, всё, всякий, каждый*, а также обобщенно-личной формой глагола, ср. *на всякого мудреца довольно простоты; всему свое время; без труда не вытащишь и рыбку из пруда; что посеешь, то и пожнешь*. Рекомендательная сила отражается в характерной для пословиц грамматической форме императива: *семь раз отмерь — один отрежь; не в свои сани не садись*. Однако степень выраженности идеи всеобщности и рекомендации может быть весьма слабой, ср. *двум смертям не бывать, а одной не миновать*. В последнем случае в поверхностной форме пословицы нет слов типа *все*,

³² То есть коммуникативного намерения говорящего.

всё, всякий, каждый, эксплицитно указывающих на всеобщность. Однако в семантической структуре явно есть семантический компонент 'для всякого человека истинно', следующий из генерализации 'ни один человек не может умереть дважды'.

В дополнение к сформулированному определению следует отметить, что в целом пословицы более независимы от контекста или ситуации, чем поговорки и другие речевые формулы. Например, поговорка *поезд ушел* появляется в дискурсе как реакция на какие-то аспекты происходящего — на осознание невозможности исправить уже случившееся: 'констатация того, что нечто нужное и важное, что можно было бы с успехом сделать раньше, в настоящий момент сделать невозможно или не имеет смысла, поскольку изменилась ситуация, и это не даст нужных результатов'. Ср. характерные примеры: *Все равно я вам завидую. У вас трое детей. А у меня никого нет, поезд ушел* [Л. Петрушевская. Квартира Коломбины]; — *Поезд ушел. Ты, пока болел, так отстал от класса, что тебя, скорее всего, оставят на второй год.*

Пословицы в меньшей степени зависят от ситуации. Так, пословица *не в свои сани не садись* совершенно естественна как название известной пьесы А.Н. Островского; ср. также такие названия других его пьес, как «На всякого мудреца довольно простоты», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Бедность не порок», «Старый друг лучше новых двух». Поговорки в функции названия литературных произведений менее удачны, ср. странные для названий выражения «Жребий брошен», «Мосты сожжены», «Поезд ушел». Разумеется, нельзя отрицать, что и поговорки, как и просто слова, могут выступать в качестве названий (у того же А.Н. Островского встречаем «Свои люди — сочтемся»), однако пословица в силу своей семантической автономности более полно выражает содержание произведения и поэтому более естественна как способ номинации.

Специфическая семантика пословиц дает возможность предложить процедуру их выделения и, соответственно, отделить их от поговорок и других речевых формул. Здесь существенными оказываются две особенности плана содержания пословиц. Во-первых, **рекомендательная сила** и, во-вторых, **отсылка к общему знанию носителей данного языка**, или к тому, что в определении названо «правилами наивной логики» и поддерживается семантикой всеобщности.

Рекомендательная сила лежит в основе первого диагностического теста на фактор «причинности»: текст с пословицей может быть дополнен конструкциями, вводимыми союзами и союзными словами типа *поэтому, следовательно, так что, по этой причине*. Например, выражение *на воре шапка горит* относится к пословицам, поскольку возможно высказывание типа *На воре шапка горит, поэтому он и занервничал!* Возможность консекутивного «расширения» контекста объясняется тем, что пословица всегда основана на некотором общем правиле, а также связана с рекомендацией или объяснением (как в приведенном примере). Так, причиной того, что *он занервничал*, является то, что виновный невольно обнаруживает свою вину в поведении. Пословица *на воре шапка горит* объясняет, почему нельзя исходить из того, что вор не будет пойман. А значит, есть основания нервничать.

Предлагаемый тест имеет свои ограничения, связанные с тем, что одна и та же конструкция, вводимая консекутивными союзами и союзными словами, может, помимо значения следствия, передавать и другие смыслы, в частности, оправдывать что-то. Например, поговорка *чем богаты, тем и рады* допускает следующий контекст: *Чем богаты, тем и рады, поэтому не обессудьте*. Дело в том, что в данном примере высказывание *поэтому не обессудьте* не является следствием из общего правила, фиксированного в поговорке *чем богаты, тем и рады*. Действительно, семантику фразы *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, поэтому, если хочешь чего-то достичь, нужно работать* в первом приближении можно представить следующим образом: «для всякой ситуации истинно, что без приложения усилий невозможно достичь желаемого, следовательно, необходимо прилагать усилия для достижения цели». Однако для фразы *Чем богаты, тем и рады, поэтому не обессудьте* такая экспликация невозможна. Здесь говорится не о том, что «для всякой ситуации имеется ограничение ресурса, следовательно, нельзя требовать многого». Скорее, рассматриваемая фраза значит нечто вроде «Сейчас у меня ограничен ресурс, поэтому хоть я и очень стараюсь, чего-то не будет хватать». Иными словами, следствие есть, но в случае поговорки оно связывает не общее правило и следствие из него, а особенности конкретной ситуации, мотивирующие происходящее. Часто, употребляя поговорку, говорящий оправдывает свое поведение. Ср. также: *Поезд ушел, так что дергаться бесполез-*

но. Применение предложенного теста требует, таким образом, учета коммуникативной направленности результирующего выражения. Следовательно, для правильного использования данного теста необходимо прибегать к перефразированию.

Второй диагностический тест основывается на идее общего знания: предложение с пословицей должно допускать сочетаемость с вводными выражениями, указывающими на очевидность сказанного: *как известно, как учит народная мудрость* и т.п. Так, фразы *Как известно, на воре шапка горит; Как известно, без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Как известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят; Как известно, волков бояться — в лес не ходить; Как известно, время — деньги; Как известно, где тонко — там и рвется* совершенно нормальны, а использование вводного оборота *как известно* или *как учит народная мудрость* для введения поговорок дает явно неудачные фразы: *??Как учит народная мудрость, вот тебе, бабушка, и Юрьев день; ??Как известно, лед тронулся; ??Как известно, рылом не вышел; ??Как известно, где наша не пропадала; ??Как известно, была не была*. Отметим, что ни один из тестов по отдельности не дает возможности выделить все множество форм, которые естественно считать пословицами. Так, тест с вводным оборотом *как известно* не применим к пословицам в грамматической форме императива; ср. невозможность **Как известно, не в свои сани не садись* при норме *Как гласит народная мудрость, не в свои сани не садись*.

Однако в целом предложенные тесты достаточно надежно позволяют разделять пословицы и поговорки. Так, хотя выражения типа *вот тебе, бабушка, и Юрьев день* относятся к простонародному языку, они не сочетаются с конструкциями типа *как учит народная мудрость* или *как говорит нам народная мудрость*, поскольку поговорки, в отличие от пословиц, не основаны на общем знании и не связаны с выражением рекомендательной силы. Иными словами, не будучи частью «народной мудрости», они ничему и не «учат».

Между пословицами и поговорками нет четкой грани. Некоторые формы в одних ситуациях функционируют как пословицы, а в других — как поговорки. Таково, например, выражение *старость не радость*. Если это непосредственная реакция на какие-то аспекты происходящего, как, например, во фразе *Старость не радость — прокряхтел дедушка, хватаясь за бок*, то перед нами поговорка.

А если появляется идея обобщения или рекомендации по принципу для *всякого старость не радость*, то это выражение используется как пословица; ср. — *Вот боюсь зимой выходить на улицу. Вдруг упаду. — Ну да, чего же ты хотела. Старость не радость. Сиди дома.* Особенность таких переходных случаев в том, что в некоторых контекстах трудно определить, является ли данное употребление пословицей или поговоркой: — <...> *Соскучился, выпил, может быть, лишнего... Много ли такому старичку требуется! — Да-а-а, — присоединилась к ее мнению кассирша, — старость не радость... Пойдемте, девушки, в помещение!..* [Л. Лагин. Старик Хоттабыч]. К переходному типу относятся также выражения *и на старуху бывает проруха; каков поп, таков и приход; попытка не пытка.*

4. Грамматическая фразеология

Использование термина «грамматическая фразеология» восходит к работам В.В. Виноградова, относившего к грамматическим фразеологизмам устойчивые словосочетания, включающие грамматические архаизмы, ср. *ничтоже сумняшеся; была не была; и вся недолга* [Виноградов 1977]. В современной фразеологии грамматические фразеологизмы понимаются иначе, будучи соотносимы со всем множеством нерегулярных способов выражения грамматических значений. В зависимости от интерпретации понятия грамматического значения видоизменяется и сфера исследования грамматической фразеологии. В узком понимании грамматическое значение относится к области функционирования грамматических категорий. В этом случае задача грамматической фразеологии сводится к описанию и исследованию случаев нерегулярного, идиоматического выражения значений граммем грамматических категорий.

Однако термин «грамматический» в словосочетании *грамматическое явление*, разумеется, имеет более широкое истолкование, поскольку грамматика включает и морфологию и синтаксис (ср. понятие фразеологизированной структурной схемы предложения в академической грамматике [Русская грамматика 1980: 96, 98]). В таком расширенном понимании грамматическое значение формирует основу плана содержания предложения — результат взаимодействия грамматических категорий и входящих в него лексем.

Тем самым естественное расширение «грамматического» расширяет и предмет анализа грамматической фразеологии — это уже сфера нерегулярных, идиоматических способов выражения грамматических отношений (в широком понимании).

Значительная часть фразеологизмов такого рода была описана В.В. Виноградовым как «союзные речения», включающие предлоги, союзы, указательные местоимения, а также некоторые модальные частицы, ср. *до тех пор пока, с тех пор как, между тем как, после того как, подобно тому как, едва только / лишь, чуть лишь* [Виноградов 1977: 157]. «Союзные речения» не выделялись в отдельный класс, а рассматривались как часть класса фразеологических единств.

К грамматическим фразеологизмам относятся не только сложные союзы, выражающие те или иные семантико-синтаксические отношения между компонентами предложения. Как уже упоминалось, с содержательной точки зрения в обсуждаемую сферу фразеологии входят нерегулярные способы выражения всего комплекса грамматических значений. С формальной точки зрения значительную часть этой группы фразеологизмов можно охарактеризовать как устойчивые комбинации сочетаний служебных слов (частиц, предлогов, союзов, междометий), значения которых не выводятся по регулярным правилам из значений составляющих их компонентов.

Рассматриваемый класс фразеологизмов можно определить следующим образом.

Грамматические фразеологизмы — это неоднословные выражения, которые с содержательной точки зрения (i) характеризуются идиоматичностью значения (т.е. их план содержания не вычисляется по регулярным правилам) и которые (ii) связаны с нерегулярным выражением грамматических (в том числе модальных) смыслов и/или представляют собой сочетания различных служебных слов.

К грамматическим фразеологизмам относятся, например, выражения *чуть что, как раз, ну вот, да и, из-под, из-за, по-над, по мере того как, с тем чтобы, даром что, коль скоро, что за*. Они характеризуются идиоматичностью значения, причем в некоторых случаях представляют собой сочетания служебных слов. Кроме того, эти формы используются для выражения грамматических смыслов

в широком понимании: отношений, свойственных временным конструкциям (*чуть что*), предложным формам с пространственным значением (*из-под, из-за, по-над*), частицам (*как раз, ну вот, да и*). С другой стороны, в сферу грамматической фразеологии попадают и формы *по крайней мере* и *по меньшей мере*. С формальной точки зрения они образованы сочетаниями полнозначных и служебных слов и используются для выражения сферы модальных отношений.

Некоторые из грамматических фразеологизмов пересекаются с классом идиом (ср., например, *чуть что, как раз, по крайней мере, по меньшей мере*), однако значительную часть грамматических фразеологизмов, в частности двойные союзы типа *коль скоро, из-за* специфической семантики естественно рассматривать отдельно от идиом в точном смысле.

Многие грамматические фразеологизмы выполняют метатекстовые функции [Баранов 1990]. Так, грамматический фразеологизм *и вот* используется в нарративном дискурсе в различных функциях. Он может вводить резюме, вывод из описанной ситуации: *Понимаешь, вчера на лекции достаю платок, и оттуда вот так — земля! Это я по полянкам лазил **и вот** — набрался...* [А. Дудинцев. Белые одежды]; — *Я здоров как бык. Но эти проклятые семейные сцены... Короче говоря, я поссорился с баронессой — **и вот** я здесь* [А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом]. Этот же фразеологизм используется для введения новой сцены в повествовании, которая непосредственно связана с только что описанной сценой, ср. *Шум и крики несутся из оскорбленного дикой матерщиной девственно-чистого зимнего леса, **и вот** на поляну, тяжело ныряя в снег, качая горбом, вымахал перепуганный, отбитый от табуна, затравленный, олушанный зверь* [В. Астафьев. Царь-рыба]; *Виктор целый год не был в родном городе. **И вот** он снова дома.*

Грамматический фразеологизм *ну вот* используется в нарративе для продолжения повествования: ***Ну вот**, сидим мы это за столиком тут, и Нина Павловна с нами была, и вдруг эта Беренс подходит к нам прямо к столику, — вы представляете* [Л. Андреев. Анфиса]; ***Ну вот**, добрались мы до места.* Некоторые грамматические фразеологизмы привязаны к аргументативному дискурсу (естественно-языковой аргументации). Так, фразеологизм *и то* в контексте *Я и то* все успел решить функционирует как контраргумент к предше-

ствующему утверждению о недостаточности времени для решения задачи, контрольной работы, экзамена и т.п.

Некоторые грамматические фразеологизмы используются для введения примера. Выражение *как то* позволяет ввести в поле зрения адресата примеры как перечисление, элементы которого семантически и прагматически равноправны, при этом исчерпанность представленного списка не обсуждается: *Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как то: щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель, мозги с горошком, сосиски с капустой <...>* [Н. Гоголь. Мертвые души]; *<...> видно, уже народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы помутить или пообедать, как то: клубы и всякие воксалы на немецкую ногу* [Н. Гоголь. Мертвые души].

Грамматические фразеологизмы довольно редко выделяются как особый разряд. Чаще всего единицы данного класса просто выводятся за пределы фразеологии, не попадая в сферу интересов и других лингвистических дисциплин — синтаксиса, лексики. В словарях они описываются как сочетания служебных слов, эквивалентных слову (см., например, [Рогожникова 2002]).

5. Фразеологизмы-конструкции

Как отдельный тип фразеологизмов выделяются устойчивые синтаксические конструкции, в которых происходит варьирование некоторых лексических элементов. Это, так сказать, шаблоны с «пустыми местами», которые заполняются в зависимости от контекста и коммуникативного намерения автора³³. Ср. выражения следующего типа:

Х — он и в Африке Х

Туз — он и в Африке туз; Кризис — он и в Африке кризис; Работа — она и в Африке работа; Блондинка — она и в Африке блондинка; Новый год — он и в Африке Новый год;

³³ Фразеологизмы-конструкции соответствуют тому, что в логике называется «пропозициональной формой» — пропозицией, термы которой (иногда не все) заменены переменными.

не X, а X-ище

Не кулак, а кулачище; Не талант, а талантище; Не огород, а огородище;

всем X-ам X

Всем карасям карась; Всем мухоморам мухомор; Всем красавицам красавица;

тоже мне X

Тоже мне подарок; Охотнички тоже мне; Тоже мне Европа;

где уж нам Р

Где уж нам с тобой замуж выйти; Где уж нам лекции читать;

[и] надо же Р

И надо же было выдумать такое; Надо же быть такой душой;

вот тебе и Р / X

Не успел утром с кровати встать — день уже и кончился. Вот тебе и выходной!; Вот тебе съездили на дачу — все время в пробках простояли;

очень / больно нужно / надо Р / X

Больно нужны нам эти нанотехнологии; Очень нужно было в это дело влезать; Очень надо в тошнилловку вашу ходить! Жрите сами!

В отличие от фразеологизмов других типов, фразеологизмы-конструкции — это выражения, в которых пропущены некоторые элементы. Пропущенными элементами могут быть как простые (X), так и пропозициональные (Р) актанты. Ср. *тоже мне поэт!* и *где уж нам по европам ездить*³⁴!

Идиоматичность фразеологизмов-конструкций распространяется именно на саму структуру и на ее фиксированную часть, а не на те лексические единицы, которые вводятся в нее, заполняя «пустые места». То есть в выражении *кризис — он и в Африке кризис*

³⁴ Под пропозициональным актантом понимается такая часть предложения, которая заполняет валентность предиката (в широком понимании), одновременно являясь пропозицией. Эта пропозиция может быть синтаксически выражена либо придаточным предложением (*Больно надо, чтобы вы мне помогли*), либо инфинитивной группой (*Больно надо в забегаловку вашу ходить*).

слово *кризис* употреблено в прямом значении и не является частью фразеологизма-конструкции в точном смысле. Это не означает, однако, что отсутствуют семантические ограничения на заполнение этих пустых мест. Так, странно было бы сказать *???всем бородам борода* или *???всем глазам глаза*. В этом случае уместнее употребить другую конструкцию: *не борода, а бородачи* и *не глаза, а глазищи*. Фиксированная часть конструкции вместе с ее синтаксисом выражает единое значение, которому присущи свойства лексической семантики. Так, конструкции *не X, а X-ище* и *всем X-ам X* несут значение аугментативности. А конструкция *X — он и в Африке X* выражает идею постоянства характеристик.

Фразеологизмам-конструкциям можно дать следующее определение.

Фразеологизмы-конструкции — это синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные или пропозициональные). Причем фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому.

Формально фразеологизмы-конструкции оказываются близки грамматическим фразеологизмам. Их различает критерий синтаксической автономности. Интуитивно грамматический фразеологизм *потому что* менее автономен, чем *вот тебе и...* или *больно нужно...* Понятно, что в идеальном случае этот критерий требует формализации.

Фразеологизмы-конструкции изучаются в рамках Грамматики конструкций, развиваемой Ч. Филлмором, А. Голдберг и их последователями. Однако в целом объект исследования Грамматики конструкций шире. Так, она изучает, в том числе, те формы, которые Д.Н. Шмелев назвал «фразеосхемами». Он относил к этой категории продуктивные синтаксические конструкции русского языка, которые, однако, не являются фразеологизмами-конструкциями в рассматриваемом понимании. Например, под фразеосхемами понимались продуктивные синтаксические модели с широким лексическим наполнением типа «сначала делай то-то, потом делай то-то» (*ты сначала узнай, а тогда уж говори; сначала научитесь вежливости, а по-*

том уж разговаривайте с людьми)³⁵. Он приводит и другие примеры фразеосхем, которые не относятся к фразеологизмам-конструкциям. Так, по схеме «хоть + форма повел. накл. 2 л. ед.ч.» образованы выражения *хоть пруд пруди, хоть отбавляй, хоть шаром покати, хоть в петлю лезь* [Шмелев 1977: 327–330]. Такие формы следует считать идиомами, а не фразеологизмами-конструкциями. Действительно, в этих выражениях идиоматичны (переосмыслены) и те компоненты, которые заполняют «пустые места», т.е. слова *пруд, пруди, отбавляй, шаром, покати* и т.д. Кроме того, лексическое наполнение в рассматриваемых выражениях устойчиво. В противоположность этому виду фразеосхем, во фразеологизмах-конструкциях лексемы, заполняющие «пустые места», используются в прямых значениях. За этим чисто формальным различием скрывается важное содержательное противопоставление: переосмысленность всех компонентов фразеологизма характеризует именно идиомы — центральный класс фразеологической системы.

Рассмотрим еще один похожий случай. Следует различать близкие по форме выражения *туча тучей*, с одной стороны, и *дурак дураком, дура душой* — с другой. Понятно, что все эти выражения, по Д.Н. Шмелеву, следует относить к фразеосхемам, однако выражения типа *дурак дураком* действительно относительно продуктивны и характеризуют глупого человека. По этой схеме можно образовать такие формы, как *болван болваном, идиот идиотом, лох лохом, увальень увальнем*. Образование таких форм возможно для слов, в значение которых входит идея ущербности, а сама конструкция интенсифицирует соответствующую характеристику. Иными словами, эти выражения слабо идиоматичны, и их нельзя относить к фразеологизмам-конструкциям и фразеологизмам вообще. Это свободные словосочетания, хотя и с определенными ограничениями, задаваемыми семантическим классом.

С другой стороны, семантика выражения *туча тучей* отнюдь не сводится к обозначению тучи, а характеризует психическое состояние человека: *быть туца тучей* = ‘из-за того, что случилось нечто плохое (неудача, неприятности и т.п.), находиться в негативном психологическом состоянии, характеризующемся подавлен-

³⁵ Именно такие феномены составляют основной объект исследования Грамматики конструкций.

ностью, что заметно по внешним проявлениям *и утрированно* — *в виде повтора* — *уподобляется грозовому облаку, воспринимаемому как опасность и обладающему цветом, символизирующим плохое*³⁶. В силу этого выражение *туча тучей* оказывается не просто фразеологизмом-конструкцией, а идиомой. Следует иметь в виду, что одно и то же выражение может употребляться и как неидиоматическая конструкция (*она росла **сирота сиротой***), и как идиома (*сизжу без Интернета **сирота сиротой***).

Термин «фразеосхема» не закрепился как общепринятый и в дальнейшем стал пониматься различными исследователями по-разному. В русистике такие формы, как *X — он и в Африке X; не X, а X-ище; всем X-ам X; X X-ом; V1_{inf}-то X V1_{praet}, но / да / только V2* (*Написать-то он написал, только читать это все равно невозможно*) чаще называют не фразеосхемами, а синтаксическими фразеологизмами, ср., например, [Русская грамматика 1980: 383; Величко 1996; Всеволодова, Лим 2002]. Кроме того, в литературе представлен термин «синтаксическая фразема» [Богуславский, Иомдин 1982], относящийся к феноменам на границе лексики, синтаксиса и морфологии; ср., например, такие выражения, как *в силах X-а (это не в моих силах)*; *всё равно* в разных значениях: ‘независимо ни от чего’ (*Я всё равно сизжу дома*); ‘безразлично’ (*Нам всё равно, куда ехать*) и ‘равносильно’ (*Жаловаться на народ — всё равно что на климат* [Иомдин 2006; 2008]. В том же смысле используется термин «синтаксическая фразема» и в концепции И.А. Мельчука для описания конструкций типа *X-у не до Y-а* (*Ивану не до развлечений*) и выражений *Ты у меня сделаешь P!* со специфической интонацией и в значениях угрозы-запрета или выражения намерения заставить сделать что-то (*Ты у меня ещё поговоришь!* и *Ты у меня будешь взрослых уважать!*) [Иорданская, Мельчук 2007: 298—299].

Предлагаемое здесь понимание подобных форм наиболее близко тому, что Ч. Филлмор называет конструкциями [Fillmore 1990; Fillmore et al. 1988], или тому, что в американской традиции часто называется «syntactic idioms» [Nunberg, Sag, Wasow 1994; Jackendoff 1997].

³⁶ По правилам оформления толкования идиом в ФОС компонент толкования, эксплицирующий внутреннюю форму, выделяется курсивом.

6. Ситуативные клише

Существует достаточно большой класс фразеологизмов, который задается в основном устойчивостью входящих в него выражений. Устойчивость таких фразеологизмов зависит исключительно от ситуации. Значительная часть выражений такого рода ритуализована и определяется традицией, этикетом, а также существующими формальными установлениями типа армейских уставов. Ср. *добрый день; до свидания; спокойной ночи; руки вверх; ко мне; стой, кто идет*. Идиоматичность этих выражений сомнительна, в лучшем случае она сильно ослаблена. Есть, однако, примеры таких форм, в которых можно усмотреть слабую идиоматичность. Так, оклик *стой, кто идет!*? может относиться не только к идущему человеку, но и к передвигающемуся другими способами — например, крадущемуся или ползущему. Тем самым значение этого выражения не идентично простой сумме значений входящих в него слов, т.е. отличается некоторой идиоматичностью. Сходным образом, выражение *спокойной ночи* лишь по форме является пожеланием. На самом деле это этикетная формула прощания перед отходом ко сну адресата и/или говорящего.

Среди выражений рассматриваемого типа есть и такие, об идиоматичности которых невозможно говорить даже в слабом смысле. Это своеобразные дискурсивные практики³⁷, различающиеся от языка к языку, а внутри одного языка зависящие от сферы его функционирования. Например, на упаковке продуктов питания в обычном случае имеется надпись, содержащая информацию о сроках хранения данного продукта. Эта стандартная информация передается в разных языках весьма различными, но фиксированными для каждого языка способами:

рус. *Годен до...*;

англ. *Best before...* букв. «Лучше всего до...»;

нем. *Mindestens haltbar bis...* букв. «Способен храниться по крайней мере до...» или *Zu verbrauchen bis...* букв. «Употребить до...»;

³⁷ Дискурсивная практика — это принятый в данном языковом сообществе способ говорить о чем-либо, при том, что в языке есть и другие возможности для выражения соответствующих смыслов.

нидерл. *Tenminste houdbar tot...* букв. «Способен храниться по крайней мере до...»;

фр. *À consommer de préférence avant le...* букв. «Предпочтительно употребить до...»;

ит. *Da consumarsi preferibilmente entro il...* букв. «Предпочтительно употребить до...».³⁸

Естественно, от переводчика ожидается знание существующих конвенций, а не дословный, хотя бы и «правильный», перевод соответствующих выражений. Все выражения такого типа — неидиоматичные и слабоидиоматичные — можно назвать ситуативными клише³⁹.

Ситуативные клише — это слабоидиоматичные или неидиоматичные словосочетания, фразеологичность которых определяется преимущественно устойчивостью и прежде всего прямой зависимостью от правил («писаных и неписаных»), действующих в конкретной ситуации.

Таким образом, данный тип выражений находится на периферии фразеологической системы языка. Основания для их отнесения к фразеологии очевидны: все ситуативные клише должны быть выучены как лексические единицы и воспроизводиться в конкретных ситуациях как единое целое. Очевидны также и основания для выделения ситуативных клише в отдельный класс. Они отличаются от всех прочих классов фразеологизмов. Наиболее близким к ним классом оказываются (из-за слабой идиоматичности) коллокации, но и здесь различия достаточно существенны: если в коллокациях структурно выделяются база и коллокатор (см. выше), то в ситуативных клише подобное структурирование не имеет смысла.

7. Крылатые слова

В традиционной фразеологии обычно выделяются крылатые слова. Выделение данного разряда фразеологизмов не основывает-

³⁸ См. аналогичные примеры в [Иорданская, Мельчук 2007: 229].

³⁹ Ср. также термин «прагматема» в [Иорданская, Мельчук 2007: 228—229; 234—236].

ся на лингвистических критериях, и поэтому единицы этого типа попадают в разные классы предложенной типологии, чаще всего в классы идиом или пословиц.

Крылатыми словами принято называть различные в структурном отношении устойчивые сочетания слов, в большинстве случаев афористического характера, источник возникновения которых (литературный, публицистический, имеющий мифологическую основу и т.п.) мыслится как общеизвестный⁴⁰. В современном понимании этот термин употребляется, по-видимому, с 1864 г., когда впервые вышел в свет известный словарь Георга Бюхмана «*Geflügelte Worte*» [Büchmann 1864].

Поскольку отнесение того или иного выражения определяется знаниями носителей языка, то приходится признать: то, что для одних людей — крылатое слово, для других — нет. Считать ли, например, все фразеологизмы библейского происхождения крылатыми словами? Для людей, знакомых с текстом Священного Писания, все библеизмы — крылатые слова, так как они восходят к культурно значимому источнику, для других — это просто устойчивые выражения русского языка. Как квалифицировать, к примеру, такое выражение, как *время жить, время умирать*? Для одних оно относится к крылатым словам потому, что известен его источник — Книга Екклесиаста; для других — потому, что так называется один из романов Э.М. Ремарка; для третьих это вообще не крылатое слово, а просто слабоидиоматичное устойчивое русское выражение афористического характера.

Являются ли крылатыми словами выражения, восходящие к античности, типа *жеребий брошен*? Для тех, кто учил латынь, и помнит, что значит *alea jacta est*, по-видимому, да, поскольку эти слова приписываются Юлию Цезарю. Причем, если верить Светонию, Цезарь сказал эти слова на латинском языке, а если верить Плутарху — на греческом. Что должно быть в данном случае решающим критерием? Наличие у современных носителей русского языка ассоциаций с военными походами Цезаря, в частности с переходом через Рубикон? Или наличие исторических свидетельств,

⁴⁰ Интересно, что само выражение «крылатые слова» считается заимствованным у Гомера, причем Гомер понимал под крылатыми словами нечто совершенно иное, ср. в «Илиаде»: *Зевс призывает его и крылатые речи вещает: / Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян.*

что эти слова действительно были произнесены Цезарем? А как квалифицировать ассоциативно близкое выражение *перейти Рубикон*? По некоторым свидетельствам, Цезарь произнес также нечто вроде *Rubiconem transeo*. В любом случае этимологически, ситуативно и семантически идиома *перейти Рубикон* входит в один ряд с выражением *жеребий брошен*. Понятно, что для собственно лингвистического описания таких выражений совершенно не важно, что и как говорил Цезарь. Важна лишь степень нерегулярности семантики фразеологизма и его структурные характеристики: является ли оно, например, законченным предложением.

Эвристическая ценность понятия крылатых слов проявляется в том, что в ряде случаев предположения о существовании общего фонда знаний о происхождении того или иного устойчивого выражения позволяют «упаковать» в его план содержания много дополнительной информации, которая не может быть понята без активизации соответствующих знаний. Иными словами, аллюзии, связанные с автором крылатого выражения или с произведением-источником и его героями, могут быть частью смысла высказывания — иногда даже более значимой для данной ситуации, чем собственно семантика использованного выражения. Например, строки из известной песни Юза Алешковского *Вы здесь из искры раздували пламя / Спасибо вам, я греюсь у костра*, обращенные к Сталину, содержат двойную аллюзию. Во-первых, выражение *из искры раздували пламя* отсылает слушателя к знаменитой строке *из искры возгорится пламя* из поэтического ответа Одоевского на пушкинское послание декабристам «Во глубине сибирских руд». Тем самым заключенные сталинских лагерей уподобляются декабристам. С другой стороны, это выражение содержит аллюзию на газету «Искра» и, соответственно, на политическую деятельность большевиков. Следующая строка *спасибо вам, я греюсь у костра* дает возможность переинтерпретации образа *пламени* в буквальном смысле, т.е. происходит материализация метафоры. Одновременно эта строка и сама может быть прочитана метафорически: костры лагерей как последствия раздутого большевиками пламени революции.

Подобная информационная насыщенность текста возможна только при условии наличия у адресата знаний об источнике данного выражения. Таким образом, тот факт, что фраза *из искры возгорится пламя* относится к крылатым словам, т.е. мыслится как легко

соотносимая со своим источником, позволяет автору использовать его нетривиальным образом, добиваясь значимых художественных эффектов. Понятно, что обычные фразеологизмы подобного нетривиального использования не допускают.

В случаях, когда источник крылатого выражения общеизвестен (т.е. когда оно, строго говоря, является цитатой), для его употребления характерны все признаки «цитатности»: самое крылатое выражение воспринимается как «чужая речь», и часто его использование сопровождается метакоммуникативным комментарием типа *как говорил Остап Бендер...*, явным образом маркирующим цитату, а также кавычками и т.п. В случаях же, когда источник полузабыт — часто это связано с высокой частотой употребления соответствующего крылатого слова, — оно воспринимается, скорее, как обычный (т.е. «анонимный») фразеологизм.

Сам по себе вопрос, почему определенные произведения становятся источником крылатых слов, а другие (часто не менее известные и культурно значимые) — нет, заслуживает отдельного рассмотрения. Для русской культуры, по-видимому, наиболее продуктивные источники крылатых слов — это басни И.А. Крылова (*а воз и ныне там; так поди же попляши; мартышка и очки; тришкин кафтан; демьянова уха; лебедь, рак да щука* и др.), «Горе от ума» А.С. Грибоедова (*дистанция огромного размера; счастливые часов не наблюдают; сюда я больше не езду; ах, боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна* и др.), а в более позднее время — романы Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» (*на блюдечке с голубой каемочкой; лед тронулся, господа присяжные заседатели*). Часто источником крылатых слов оказываются кинофильмы; ср. *Восток — дело тонкое* («Белое солнце пустыни»); *у природы нет плохой погоды* («Служебный роман»); *наши люди в булочную на такси не ездят; упал, очнулся — гипс; кто возьмет билетов пачку, тот получит водочку* («Бриллиантовая рука»); *налетай, торопись, покупай живопись; это не наш метод* («Операция Ы и другие приключения Шурика»).

Интересно, что одни выражения, заимствованные из этих произведений, воспринимаются как цитаты, а другие — скорее как идиомы, практически утратившие связь со своим источником. Например, выражение *лед тронулся, господа присяжные заседатели* однозначно вводит в поле зрения участников ситуации образ Оста-

па Бендера, в то время как усеченная форма этого выражения *лед тронулся*, употребленная в контексте, не содержащем явных указаний на источник, вряд ли вообще ассоциируется с этим литературным героем. Сходным образом и выражение *на блюдечке с голубой каемочкой* может употребляться вне всяких ассоциативных связей с источником. Напротив, такие выражения, как *ключи от квартиры, где деньги лежат* или *пилите, Шура, пилите, они золотые*, сохраняют свой цитатный характер.

* * *

Различные классы фразеологизмов отличаются не только по сути, но и по традиции их исследования, а также по степени изученности. Наиболее подробно, хотя и недостаточно, изучены идиомы. Пословицы и поговорки исследуются в относительно автономной дисциплине — паремиологии, — не совпадающей по своим методам и задачам с теорией фразеологии. Соответственно, полученные там результаты нельзя прямо перенести в собственно лингвистическое исследование. Область коллокаций настолько велика и разнообразна, что, хотя довольно много работ посвящено их изучению (прежде всего в сфере преподавания иностранных языков и в рамках модели «Смысл — Текст»), ни для одного языка не составлен даже относительно полный список этих единиц. В настоящее время коллокации стали важным объектом исследования в корпусной лингвистике.

Что касается грамматических фразеологизмов и фразеологизмов-конструкций, то эти классы почти не исследовались в рамках фразеологии, хотя многие из них с разной степенью подробности описывались в сфере синтаксиса и синтаксической семантики.

Задание 1. Классификации языковых феноменов часто допускают пересечения, что объясняется сложностью и многогранностью естественного языка. Многие речевые формулы по своей функции и семантике могут попадать в разные разряды. Так, идиома *врать готово* в последовательности реплик {— *Честное слово.*} — *Врать готово*, с одной стороны, является комментарием, а с другой — обладает некоторыми характеристиками формул ответа, поскольку связана по

коммуникативной функции с предшествующей репликой. Приведите примеры других речевых формул, попадающих в разные группы предложенной классификации.

Задание 2. Определите тип следующих фразеологизмов: *тяжело в учении — легко в бою; пользоваться уважением (у кого-л.); наш пострел везде поспел; не по сеньке шапка; путеводная звезда; змея подколенная; проселочная дорога; жребий брошен!; король умер — да здравствует король!; как только — так сразу; держи корягу!; не по хорошу мил, а по милу хорош!; ворон ворону глаз не выклюет; седьмая вода на киселе.*

Задание 3. Между фразеологизмами различных типов нет четких границ. Так, выражение *отдать должное (кому-л. / чему-л.)*, с одной стороны, обладает свойствами коллокаций (ср. вспомогательный характер глагола *отдать* и опустошенность его семантики, сводимой к простому смыслу ‘сделать так, чтобы’, т.е. CAUS). С другой стороны, это выражение может быть отнесено к идиомам, поскольку компонент *должное* в данном выражении всегда используется со значением ‘что-л. положительное’, а не просто ‘заслуженное’.

Определите, какие выражения из приводимого списка являются идиомами или коллокациями в точном смысле, а какие представляют собой пограничные случаи: *дать прикурить, дать показания, дать дрозда, задать дёру, отдохнуть душой, пользоваться популярностью, вывести в люди, иметь место быть, оставить в покое, отдать справедливость, обходить стороной.*

Задание 4. Используя определение и предложенный тест на выделение пословиц, установите, какие из приведенных ниже выражений являются пословицами, а какие — поговорками: *дорого яичко к христову дню; хоть святых выноси; простота хуже воровства; улита едет, когда-то будет; кто рано встает, тому бог дает; кто старое помянет, тому глаз вон; клин клином вышибают; куй железо, пока горячо; курица по зернышку клюет, да сыта бывает; язык до Киева доведет; чем дальше в лес, тем больше дров; кто первый встал, того и тапки.*

Задание 5. Используя существующие словари, найдите сложные союзы и сложные предлоги, значение которых характеризуется высокой степенью идиоматичности.

Задание 6. Используя имеющиеся корпуса текстов (например, Национальный корпус русского языка — www.ruscorpora.ru), найдите примеры на фразеологизмы-конструкции следующих типов: X X-ом, а Р; сначала V1_{императив}, а потом уж V2_{императив}.

Задание 7. Определите источник следующих крылатых слов: *жертва аборта; шел в комнату, попал в другую; почему опиум для народа?; характер нордический; все уже украдено до нас; не делайте из еды культа; тренируйся на кошках; пишите письма; а Вася слушает да ест; я на русалках больше заработаю; на деревню дедушке; ничто не ново под луной; что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет; а хозяин держится индифферентно — перед рожей руками крутит.*

Задание 8. Известно, что речевая формула *где уж нам, дуракам, чай пить!* изначально была крылатым словом, введенным в оборот одним из друзей А.С. Пушкина Петром Павловичем Кавериним. Это выражение воспроизводится в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Ср. беседу Печорина с Грушницким: «— Ты, говорят, в эти дни ужасно волочился за моей княжной? — сказал он довольно небрежно и не глядя на меня. — *Где нам, дуракам, чай пить!* — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным». Найдите другие примеры речевых формул, возникших из крылатых слов.

Рекомендованная литература

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография: избранные труды. М., 1977 [излагаются основы одной из наиболее общепринятых классификаций фразеологизмов в отечественной традиции].

Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007. С. 215—245 [дается классификация типов фразеологических единиц, выделяемых в модели «Смысл—Текст»].

Ларин Б.А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологических материалов // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125—149 [аналитический разбор классификации фразеологизмов Ш. Балли].

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

В этой главе рассматриваются основные семантические отношения, связывающие фразеологизмы в системе языка. Такие отношения называются парадигматическими, в отличие от синтагматических отношений, связывающих единицы речевого высказывания как результат порождения текста. Имеются в виду отношения синонимии, антонимии, полисемии, включения (гиперо-гипонимии), конверсии и каузативности. В отечественной фразеологической традиции эти отношения изучены слабо⁴¹, однако в обобщающих трудах энциклопедического характера соответствующие разделы, как правило, представлены [Proost 2007]. Все эти отношения объединяет идея семантического поля.

1. Семантическое поле

Традиционно в лексической семантике под семантическим полем понимается совокупность лексических единиц, объединенных общим нетривиальным семантическим признаком. Точнее говоря, поле может задаваться любым семантическим признаком, однако в результате должна получаться совокупность лексем, интуитивно ощущаемая как нечто единое. Слишком абстрактные — «тривиальные» — семантические признаки порождают необозримые поля, по-видимому, не обладающие психологической реальностью для носителей языка. Так, множество одушевленных существительных вряд ли может рассматриваться как семантическое поле. Одушевленность — это лексико-грамматическая категория, а не признак, задающий границы семантического поля. Аналогично глаголы с семантическим компонентом ‘сделать так, что-

⁴¹ Как редкое исключение см. обсуждение синонимии и многозначности во фразеологической системе в [Жуков 1986: 178–202].

бы' не образуют семантического поля, а скорее, задают лексико-грамматическую категорию каузативности. С другой стороны, такие смыслы, как 'строение', 'транспортное средство', 'ложь / обман', 'богатство-бедность', 'цвет' формируют интуитивно приемлемые семантические поля.

Поля могут выделяться на различных уровнях абстракции. Так, в поле, образованном семой 'время', выделяются более частные поля НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЕДШЕЕ и БУДУЩЕЕ. Аналогично семантическим полем можно считать совокупность лексических единиц с компонентом значения 'преступление'. С другой стороны, естественно выделяются и более частные семантические поля, связанные с конкретными видами преступлений: кража, взятка, убийство. Как отдельное поле можно рассматривать лексические единицы со значением 'казнь', ср. *палач, расстрел, повешение, электрический стул, поставить к стенке*. Это поле может быть включено в поле ПРЕСТУПЛЕНИЕ, поскольку казнь рассматривается как наказание за преступление. В то же время казнь — это достаточно автономное понятие, которое может служить основанием для образования своего независимого поля. В каждом конкретном случае решение принимается в зависимости от задач семантического описания.

Поскольку фразеологизмы представляют собой единицы словаря, то и в сфере фразеологии также выделяются семантические поля. Это, например, такие объединения фразеологизмов, как

ГНЕВ (*рвать и метать; пойти вразнос; заводиться с пол-оборота; с резьбы сорваться; выйти из себя; вожжа под хвост попала*);

СМЕХ (*животики надорвать; скалить зубы; лежать в лёжку; смешинка в рот попала*);

РАДОСТЬ (*прыгать до потолка; на седьмом небе; именины сердца; маслом по сердцу; ловить балду*);

СТРАХ (*душа в пятки ушла; в штаны наложил; дрожмя дрожать; слаб в коленках; мороз по коже; поджилки трясутся*);

ТРУСОСТЬ (*заячья душонка; страусиная политика; не сметь рта раскрыть; поджечь хвост; спасти [свою] шкуру; прятаться за мамину юбку*);

ГОРЕ (*все глаза выплакал; рвать душу [на части]; сердце разрывается; хоть волком вой; хоть ложись да / и помирай*);

ПЬЯНСТВО (*принять на грудь; бутылку раздавить; под градусом; под мухой; глаза залить; хватить лишку; спиться с круга; заложить за воротник*);

ДОБРОТА (*ангел во плоти; воды не замутит; тише воды, ниже травы; с человеческим лицом; и мухи не обидит*).

Организация словника по семантическим полям характерна для словарей-тезаурусов (см., например, [Тезаурус]). Традиционно считается, что структура полей словаря-тезауруса иерархична и представляет собой упорядоченное дерево. Исследования последних десятилетий показали, что лексика организована не по древесному принципу, хотя отношение ‘род—вид’ действительно широко представлено в словаре — особенно среди названий естественных классов (*дерево — дуб, цветок — тюльпан, птица — ворона*). Однако для предикатной лексики (прежде всего для глаголов) данное отношение, скорее, является исключением, чем правилом. Впрочем, и многие существительные — например, обозначающие свойства, действительность — по большей части не имеют естественных гиперонимов. Так, не вполне ясно, в какие более крупные естественные семантические группы входят такие существительные, как *вранье, больной, пассажир* и др. Конечно, можно выделить группу «названия людей по состоянию их здоровья», в которую попадет существительное *больной*, но эта группа не имеет естественного названия. Следовательно, и отношение ‘род—вид’ для таких слов не определено. Это не значит, что подобные слова не могут быть включены в какие-то семантические поля, но названия таких семантических полей не будут являться единицами словаря естественного языка.

Итак, семантические отношения между единицами семантического поля, в том числе между фразеологизмами, далеко не исчерпываются родо-видовыми отношениями. В лексике представлены и отношения причины-следствия, фазовости состояния или действия. Например, существует группа фразеологизмов, которые описывают различные этапы развития конфликта и различные виды конфликта. Так, идиома *бросить перчатку* указывает на начало конфликта, *подливать масла в огонь* — на его углубление. Конец конфликта обозначается идиомами *идти на попятную, спустить на тормозах, закурить трубку мира*. Среди видов конфликта выделяются: СПОР (*копья ломать, с пеной у рта*), ССОРА / СКАНДАЛ (*катить бочку, переть бугром, сцена у фонтана*), КОНКУРЕНЦИЯ (*дышать в*

затылок, наступать на пятки) и др. Таким образом, распределение лексики (и фразеологии) по семантическим полям должно ориентироваться не только на родо-видовые отношения.

Семантическое поле — это и феномен, обладающий психологической реальностью [Петренко 1988; Hardy 1998], и удачный теоретический конструкт, который объединяет слова и фразеологизмы различных типов, связанные соответствующими семантическими отношениями.

В общем случае связи между семантическими полями имеют вид семантической сети. Семантическая сеть — это множество узлов, связанных между собой дугами, отражающими семантические отношения между узлами. При таком представлении узлы соответствуют семантическим полям. В отличие от дерева, семантическая сеть не имеет иерархической структуры. В семантической сети отношения между узлами многообразны. Это могут быть причинные и временные связи, отношения наследования семантических свойств и пр.

Рассмотрим основные отношения, которые могут быть представлены в семантическом поле, подробнее.

2. Отношение синонимии

Важнейший тип отношений, связывающих лексические единицы внутри семантического поля, — отношения синонимии. По понятию синонимии существует обширная литература; см. например, [Александрова 1989; Апресян 1995б; Шмелев 2006: 114 и далее]. Синонимы в системе языка — это лексические единицы, имеющие одинаковую категориальную принадлежность, значения которых в основном совпадают, при этом формально определить меру совпадения довольно трудно. По большей части это определяется интуитивно. Синонимы в речи — это лексические единицы, различия между которыми несущественны в конкретной ситуации общения и которые, следовательно, взаимозаменяемы в конкретном акте речи. Так, контекстными синонимами часто бывают слова, находящиеся в отношении ‘род—вид’. Высказывание *Смотри, вон синица летит* в конкретной ситуации может быть заменено на *Смотри, вон птица летит*, при этом различие в семантике между

словами *синица* и *птица* оказываются несущественными, т.е. они нейтрализуются.

Известно, что абсолютная синонимия — явление крайне редкое. Как примеры абсолютных синонимов в области обычной лексики часто приводятся слова *бегемот* и *гиппопотам* или *языкознание* и *лингвистика*. Но даже и эти лексемы обнаруживают различия. Так, слово *гиппопотам*, во-первых, менее употребительно, чем *бегемот*, и, во-вторых, *гиппопотам* толкуется в ТСРЯ как один из видов бегемотов. Не являются точными синонимами и слова *лингвистика* и *языкознание*. Слово *лингвистика* чаще используется для обозначения современных направлений в лингвистической теории, ср. *когнитивная лингвистика*, *прикладная лингвистика*, *компьютерная лингвистика*, *корпусная лингвистика* и т.п. Лексема *языкознание* более уместна для обозначения традиционных направлений — например, *сравнительно-историческое языкознание*.

Во фразеологии абсолютная синонимия еще более редкий феномен. Дело в том, что в плане содержания фразеологизмов, кроме актуального значения, выделяется еще и внутренняя форма, которая существенным образом влияет на семантику и употребление фразеологизма (см. следующую главу). Внутренняя форма присутствует и в обычных словах, однако по большей части она стерта — конвенционализирована. Во фразеологизмах внутренняя форма, как правило, жива и реально ощущается носителями языка. Идиомы с семантикой смерти, например *испустить дух* и *отправиться к праотцам*, с одной стороны, и *выставить кеды* и *склеить ласты* — с другой, традиционно должны описываться как синонимы, поскольку они описывают одно и то же событие. Однако очевидно, что в конкретной ситуации общения идиому *испустить дух* нельзя заменить на *выставить кеды* и *склеить ласты*. Аналогично *выставить кеды* нельзя заменить на *испустить дух* и *отправиться к праотцам*. Актуальные значения у них совпадают — ‘умереть’, однако внутренняя формы радикально различаются, что определяет их привязку к разным типам дискурса и разным стилистическим регистрам (см. подробнее главу 7).

Именно об этом писал К.И. Чуковский в своей книге об искусстве перевода: «Накопляя синонимы, переводчик не долженгромоздить их беспорядочной грудой. Пусть четко распределит их по стилям, ибо каждое слово имеет свой стиль — то сентиментальный,

то пышно-торжественный, то юмористический, то деловой. Возьмем хотя бы глагол *умереть*. Одно дело — *умер*, другое — *отошел в вечность*, *скончался*, еще иное — *опочил*, или *заснул навеки*, или *заснул непробудным сном*, или *отправился к праотцам*, *преставился*, а совсем иное дело — *издох*, *окошел*, *сканутился*, *загнулся*, *отдал концы*, *окочурился*, *дал дуба*, *сыграл в ящик* и т.д.» [К.И. Чуковский. Высокое искусство]⁴².

Рассмотрим еще один пример. Идиомы *носить воду решетом* и *плевать против ветра* близки по семантике, поскольку указывают на невозможность достижения желаемого, однако компонент смысла 'использование неправильного средства для достижения цели' присутствует только в идиоме *носить воду решетом*, а компонент 'попытки противодействия сильным неблагоприятным факторам' представлен только в идиоме *плевать против ветра*. Различия в значении этих идиом мотивируются различиями в их внутренней форме: решето не может использоваться как вместилище для воды, а ветер явно сильнее человека. Так, в контексте *Шифровать информацию в ситуации всеобщей открытости — все равно, что носить воду решетом* обращается внимание на неуместность выбранного средства достижения цели — шифрования. Именно поэтому в данном примере неудачно употребление идиомы *плевать против ветра*. И наоборот. В примере *Спорить с начальством, Андрей Николаевич, все равно что плевать против ветра* [Д. Гранин. Искатели] делается упор на неравенство сил и возможностей конфликтующих сторон. В этом случае неудачной была бы замена этой идиомы на выражение *носить воду решетом*.

Различия между квазисинонимами во фразеологии не всегда сводятся к внутренней форме. Так, идиома *протянуть ноги* описывает ситуацию, когда человек умирает из-за отсутствия жизненно необходимых ресурсов (как правило, из-за недоедания), а идиома *кондрашкахватила* уместна только в ситуации, когда человек неожиданно умирает естественной смертью, связанной с сильным душевным потрясением или приступом болезни [ФОС]. Во внутренней форме этих идиом нет почти ничего, что указывало бы на эти различия в значениях, за исключением каких-то слабо мотивированных смыслов: например, идея неожиданности

⁴² Курсив наш. — А.Б., Д.Д.

в семантике идиомы *кондрашкахватила* «наводится» значением глагола *хватить*.

Помимо чисто семантических различий, близкие по значению идиомы могут различаться стилистическими регистрами. Таковы, например, идиомы *сизифов труд* и *мартышкин труд*: первая идиома относится к книжной речи, а вторая — чисто разговорная. Книжность идиомы *сизифов труд* мотивирована внутренней формой и ее происхождением — связью с мифом о Сизифе, которого боги обрекли на бесполезный, бесконечный и тяжелый труд: поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз. С другой стороны, мартышка в наивном сознании воспринимается как глупое суетливое животное (ср. басню Крылова «Мартышка и очки»).

Таким образом, отношение синонимии между фразеологизмами почти никогда не бывает полным. Однако в редких случаях абсолютная синонимия встречается и среди идиом. Так, русские идиомы *с головы до ног* (с вариантом *с ног до головы*), *с головы до пят* и *от ушей до пяток* обнаруживают одинаковые значения. Дело в том, что различия во внутренней форме в данном случае оказываются несущественными с точки зрения профилирования смысла, служащего «мостиком» к актуальному значению: и ноги, и пятки выступают как символы низа, а голова и уши — как символы верха. Ср. такие же примеры из немецкого языка: (*jmdm.*) *eins aufs Dach* [букв. «крыша»] *geben*, (*jmdm.*) *eins auf den Deckel* [букв. «крышка»] *geben*, (*jmdm.*) *eins auf den Hut* [букв. «шляпа»] *geben* со значением, близким к семантике русских идиом *дать по башке (кому-л.)*, *дать по кумполу (кому-л.)*. В приведенных немецких идиомах *Dach*, *Deckel* и *Hut* выступают как обозначения головы — символа мышления.

Специфической для фразеологии следует признать проблему разграничения синонимов и вариантов. Действительно, поскольку фразеологизмы состоят из нескольких слов, то компоненты фразеологизма могут варьироваться без существенного изменения семантики. В этом случае естественно говорить о вариантах одной единицы. Однако если эти изменения значительны, то естественно рассматривать соответствующие формы как разные фразеологизмы с близким значением, т.е. как синонимы. Например, формы *замолвить словечко* / *слово*, *положить* / *уложить на лопатки*, *потемнело* / *померкло в глазах*, *на всю* / *полную катушку*

являются вариантами. Было бы странно считать, что *замолвить словечко* и *замолвить слово* — это разные синонимичные идиомы. С другой стороны, выражения *брать за горло* и *брать за жабры* близки по значению, но не идентичны по внутренней форме. Тем самым они являются синонимами. Ср. также синонимы *нужен как рыбе зонтик* и *нужен как собаке пятая нога* или *дать по башке* и *дать по мозгам*.

В тезаурусном представлении, предполагающем распределение лексики по семантическим полям, все синонимы попадают в одно поле. Приведем примеры близких по значению идиом, которые могут рассматриваться как квазисинонимы.

БЕГСТВО: *рвать когти, задать дёру, улепётывать во все лопатки, броситься наутёк, сделать ноги, дать тягу, сматывать удочки;*

МНОГО: *вагон и маленькая тележка, видимо-невидимо, по горло, как грязи, хоть завались, невесть сколько, девать некуда, как собак нерезаных, до чёрта, тьма-тьмушая;*

ЗЛОСЛОВИЕ: *вылить ведро помоев, обливать грязью, перемывать косточки, копать в чужом грязном белье;*

ОПЫТ: *матёрый волк, стреляный воробей, не первый год замужем, тёртый калач, не лыком шит;*

БЕЗДЕЛЬЕ: *бить баклуши, лежать на боку, ворон считать, валять дурака, ловить мух, ковырять в носу, лежать на печи, плевать в потолок, груши околачивать.*

Разные поля в разной степени богаты синонимами. Те концептуальные области, которые наиболее важны для жизни человека или по тем или иным причинам привлекают его внимание, обнаруживают большее количество синонимов. Таковы, например, сферы смерти, денежных отношений, область секса, причинение физического (как, впрочем, и нефизического) ущерба и пр.⁴³ Очевидно, что обилие фразеологических синонимов в важных для человека областях является следствием когнитивной функции метафоры (см. [Лакофф, Джонсон 2008]). Действительно, метафоры оказываются важнейшим инструментом поиска альтернатив при решении проблемы. Соответственно, проблема в дискурсе осмысливается с помощью самых разнообразных метафор, а внутренняя форма фразеологизмов часто включает живые метафоры. Тем самым синонимия

⁴³ Ср. по этому поводу, например, [Cruse 2002: 495].

фразеологизмов оказывается наиболее типичной для проблемных концептуальных областей.

Синонимический ряд имеет смысловую доминанту, которая обычно возглавляет синонимический ряд в словарях синонимов. Доминанта — это такой член синонимического ряда, который имеет наиболее широкое лексическое значение и стилистически наиболее нейтрален. Для фразеологизмов доминантой чаще всего оказывается одиночное слово, поскольку родовая («обобщающая») семантика для этой сферы лексикона нехарактерна. Так, для синонимического ряда *сыграть в ящик, уйти в мир иной, закрыть глаза навеки, приказать долго жить, испустить дух* семантической доминантой будет глагол *умереть*. В очень редких случаях доминанта синонимического ряда может быть представлена фразеологизмом. Например, для ряда фразеологизмов *рухнуть с дуба, съехать с катушек, башню сорвало (у кого-л.), винтиков не хватает, не дружить с головой, больной на всю голову, повредиться в уме* доминантой оказывается идиома *сойти с ума*. На это указывает и деривационный потенциал этого выражения в современном русском языке, ср. *сумасшедший, сумасшествие*. Отметим, что варьирование компонентов идиомы-доминанты может привести к тому, что она потеряет это качество и станет периферийной в этом синонимическом ряду. Ср. форму *спрыгнуть с ума* в примере из А.С. Грибоедова: *На свете дивные бывают приключенья! / В его лета с ума спрыгнул! / Чай, пил не по летам* [А.С. Грибоедов. Горе от ума]. Потеря доминантности связана с тем, что у идиомы появляется дополнительный оттенок значения 'быстрота и неожиданность изменения сознания человека'. Кроме того, меняются стилистические характеристики идиомы: она становится сниженной⁴⁴.

Отметим, что и глаголы с аналогичной семантикой оказываются стилистически более маркированными, чем доминанта ряда: *рехнуться, тронуться, сбрендить* и т.д. Не исключено, что и с семантической точки зрения они реализуют более специфицированные значения.

⁴⁴ Проблематика изменения стилистических характеристик идиом в нестандартных употреблениях, сопровождающихся изменениями их формы и семантики, обсуждается, например, в работе [Naciscione 2010].

Наличие такого дополнительного распределения между собственно лексикой и фразеологией в назывании родовых понятий может рассматриваться как один из аргументов в пользу того, что лексика и фразеология образуют в целом единую систему. На периферии этой системы находятся такие области фразеологии, как коллокации и фразеологизмы-конструкции, с одной стороны, а также пословицы, загадки, крылатые слова и т.п. — с другой. Первая из этих областей относится к сфере, промежуточной между лексикой и синтаксисом, а вторая — содержит единицы, которые являются своего рода микротекстами, семантическими свертками, отражающими практический опыт социума — единой языковой общности. По своим прагматическим свойствам близки к микротекстам и ситуативные клише. Что касается идиоматики, грамматических фразеологизмов, то эти единицы, как и лексика в узком смысле, образуют то, что принято называть ментальным лексиконом, т.е. это единицы словаря в противопоставлении грамматике. Ср. по этому поводу мнение Б.А. Ларина: «<...> те словосочетания, в которых внутренняя спайка составляющих слов обусловлена семантическим единством, смысловой целостностью, не могут быть объектом синтаксического изучения, — они настолько приближаются к лексике, как составные лексемы, что их надо рассматривать либо вполне самостоятельно — во фразеологии, либо в плане лексикологии, лексикографии, как это и делалось до недавнего времени» [Ларин 1977: 126].

Синонимические ряды во фразеологии могут быть «соотносительными». Так, в [Жуков 1986] отмечается, что синонимические ряды *видал виды, прошел огонь и воду [и медные трубы], прошел все круги ада*, с одной стороны, и *стреляный воробей, тёртый калач, матёрый волк* — с другой, соотнесены с семантической точки зрения, но различаются по тому, что можно назвать частеречной принадлежностью: первый ряд глагольный, а второй — субстантивный. Это оказывается существенным, в частности, для определения функционирования этих единиц в предложении. Например, первые образуют причастия и деепричастия (*видавший виды, прошедший / пройдя огонь и воду, прошедший / пройдя все круги ада*), а вторые — нет. Понятно, что явление соотносительности синонимических рядов характерно не только для фразеологии, но и для обычной лексики; ср. *радоваться, ликовать, торжествовать* и *ра-*

дость, ликование, торжество. Данное явление представляет собой прямое следствие из определения синонимов. Поскольку синонимы должны принадлежать одной и той же части речи, а смыслы не привязаны к категориальной принадлежности, то, например, идея движения может выражаться и глаголом *бежать*, и существительным *бег*. В словаре-тезаурусе соответствующие слова оказались бы в одном семантическом поле, однако формально это не синонимы. Чтобы сохранить эти важные семантические связи при описании фразеологической синонимии (например, в словаре), необходима информация о наличии «соотносительных» рядов.

Если ограничить сферу действия синонимии только уровнем актуального значения, не учитывая внутреннюю форму, то придется признать, что существует много рядов фразеологических синонимов с большим количеством членов. Действительно, если синонимия касается только актуального значения, то синонимичными оказываются, например, идиомы *нужен как собаке пятая нога*, *нужен как рыбе зонтик*, *нужен как попу гармонь*, *нужен как зайцу бубен*. Актуальное значение этих единиц сводится к указанию на ненужность чего-л., а многообразие внутренних форм, мотивирующих данное значение, оправдывает существование такого обширного синонимического ряда. Такие множества идиом представляют собой весьма распространенное явление во фразеологии.

Словарей синонимов довольно много (из последних изданий научного характера см. НОСС), однако для фразеологии это, скорее, редкость. Для русского языка можно указать лишь два словаря фразеологических синонимов: [Жуков, Сидоренко, Шклярков 1987] и [Бирих, Мокиенко, Степанова 1997]. Это объясняется объективной сложностью феномена синонимии в сфере фразеологии.

3. Отношение антонимии

Как и отношение синонимии, антонимия различается в системе языка и в речи. Антонимы в системе языка — это лексические единицы, значения которых противопоставлены друг другу по какому-то смысловому признаку, который составляет ядро их значения, при этом формально определить степень «ядерности» признака

трудно. Обычно это определяется интуитивно. Типичные антонимы — прилагательные, обозначающие противоположные концы некоторой шкалы признака: *холодный — горячий; хороший — плохой; ранний — поздний*⁴⁵. В речи антонимия задается эксплицитным противопоставлением в контексте. Ср. известные пушкинские строки об Онегине и Ленском: *Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой*. Слова *волна и камень, стихи и проза, лед и пламень* не являются антонимами в системе языка. Более того, лексемы, обозначающие конкретные объекты, в принципе не имеют антонимов. Однако в контексте речевая антонимия может возникать из-за контраста, способного высвечивать и сопоставлять самые разные смыслы.

Антонимия представлена и во фразеологической системе. Как антонимы могут рассматриваться, например, идиомы *попасть в яблочко* и *попасть в молоко*. Поскольку антонимия выражается в противопоставлении по какому-то одному семантическому признаку, например, семы 'низкий' — 'высокий' противопоставлены по признаку высота, то большая часть антонимов сосредоточена внутри одного семантического поля. Так, в поле бедность—богатство обнаруживаются следующие пары квазиантонимичных идиом: *денег куры не клюют и ни гроша; сыт, пьян и нос в табаке и положить зубы на полку; дом полная чаша и ни кола ни двора*. Заметим, что идиомы *сыт, пьян и нос в табаке и положить зубы на полку* различны по категориальной принадлежности, что не позволяет рассматривать их как точные антонимы.

Точная антонимия в лексике — явление нечастое. Для фразеологии это тем более верно, поскольку фразеологические единицы различаются по множеству разнообразных параметров, что осложняет реализацию антонимических отношений в традиционном понимании. Действительно, системное противопоставление фразеологизмов по какому-то одному семантическому признаку сопровождается и другими различиями, не сводимыми к антонимии. Так, идиома *дом полная чаша* относится к достатку, который проявляется в комфортности быта, добротности одежды, показном обилии мебели, еды и т.д., что осмысливается как мещанский идеал

⁴⁵ О типах антонимии см., например, [Новиков 2001: 59–124; Кобозева 2000: 104–105].

существования: *Эка, сняв платье, примеряет крепдешиновый пеньюар мадам Зули: — Забавно: котлеты я чуть-чуть разогрела, они были еще теплые. — Дом — полная чаша, надо же, как живут еще некоторые... — удивляется свекровь.* [О. Иоселиани. Разбойники]. Фразеологизму *ни кола ни двора* (с вариантом *без кола без двора*) присуща более общая семантика. Он используется для описания крайней бедности, воплощением которой является отсутствие своего жилья: *В одиночку Станислав Семенович жить не мог, а жена от него почему-то отказалась. Даже в дом его не пускала. Остался он без кола без двора, иди куда хочешь, хоть с Крымского моста в воду, и Левкина мать его пожалела* [Ю. Трифонов. Время и место]. Таким образом, противопоставление по параметру 'бедность — богатство' осложнено в идиомах *дом полная чаша* и *ни кола ни двора* дополнительными смыслами.

Антонимия традиционно рассматривается как парное отношение, которое связывает два слова, взятые в каком-то одном конкретном значении. Не следует смешивать антонимию двух идиом, т.е. антонимию в точном смысле, и антонимию внутри семантических полей, когда части семантического поля противопоставляются друг другу по какому-то важному бинарному семантическому признаку. Ср. названия полей бедность — богатство, важность — неважность, удача — неудача, начало — конец, новое — старое, указывающие на наличие в них групп идиом, противопоставленных по указанным признакам. Однако внутри этих противопоставленных полей антонимов в точном смысле сравнительно немного, поскольку чистой антонимии мешает различие в категориальной принадлежности сопоставляемых фразеологизмов, а также различие их образных составляющих и, как следствие, их актуальных значений.

Важно иметь в виду, что идиомы, внешне противопоставленные друг другу по лексическому составу, совсем не обязательно оказываются антонимами. Так, фразеологизмы *поставить на ноги* и *сбить с ног*, вроде бы противоположные по значению из-за семантики глаголов *поставить* и *сбить*, на самом деле не являются антонимичными ни по внутренней форме (по образам), ни по актуальному значению. Действительно, они различны — но не противоположны — по актуальным значениям (*поставить на ноги* — 'помочь достигнуть самостоятельности' или 'вылечить', а *сбить с ног* — 'оказать сильное психологическое воздействие'), а также не

противоположны и по образам: в образе идиомы *поставить на ноги* фиксирована идея 'придания человеку устойчивого вертикального положения, рассматриваемого как норма', что переосмысливается как приобретение самостоятельности (<...> *это еще беспомощное существо, хорошо, если дед успеет **поставить** его на ноги* [Ч. Айтматов. Белый пароход]) или выздоровление (*Думаю, недельки через три мы сумеем **поставить** больного на ноги* [Н. Носов. Незнайка на Луне]). Во внутренней форме идиомы *сбить с ног* реализуется идея резкого физического воздействия — удара, который переосмысливается как воздействие психологическое, ср. <...> *жалко девушке его, <...> сильного мужика, **сбитого с ног** неожиданным подлым горем* [Л. Корнешов. Газета].

Наряду с антонимией в точном смысле, во фразеологии выделяется также явление энантиосемии, т.е. антонимии между значениями одной фразеологической единицы. Примером энантиосемии может служить идиома *вертится на языке* (что-л. у кого-л.). В одном из значений это выражение употребляется в ситуации, когда кто-то хочет что-то сказать, но не может это сделать по тем или иным причинам, а также когда что-то — часто против воли человека — привлекло его внимание и он постоянно повторяет это «про себя»: *Ах, как я его уважаю... сказала бы... слово **вертится на языке**, — но не смею... Почему не сметь? Да, я его люблю, нет, боготворю!* [И.А. Гончаров. Обрыв]; *Такие монографии давно набили оскомину Милию Алексеевичу. От них веяло сумраком снежных равнин. И вертелось на языке: «С своей волчихой голодной выходит на дорогу волк»* [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны]; *В висках у него ныло от постукивания колес, и в лад с этим постукиванием все время **вертелось на языке**: «Ведьма, ведьма, ведьма!»* [А. Скалдин. Странствия и приключения Никодима Старшего].

Другое значение описывает почти противоположную ситуацию — когда человек не может правильно сформулировать свою мысль, он не в состоянии подобрать правильное слово или вспомнить точную формулировку какой-то идеи: — *Нет, я боюсь, что придется выдумать за неимением слова; вы знаете: **вертится на языке**; и выходит не то <...>* [А. Белый. Москва]. Отметим, что и в приведенных антонимичных значениях идиомы *вертится на языке* (что-л. у кого-л.) есть что-то общее, причем этот общий смысл нельзя отнести к числу «тривиальных». И в первом, и во втором значе-

нии эта идиома описывает ситуацию, в которой соответствующее слово (выражение) еще не произнесено. Эта семантическая общность семантики антонимичных значений обеспечивается внутренней формой идиомы, указывающей на то, что «слова еще не сошли с языка».

Нечто вроде неполной энантиосемии обнаруживается в значениях идиомы *на днях*. В одних употреблениях она относится к будущему, в других — к прошлому. Ср. <...> *на днях он перетащил в холле телевизор из одного угла в другой* [Л. Улицкая. Пиковая дама] и <...> *старуха на днях непременно умрёт* [И. Грекова. Скрипка Ротшильда]. Аналогичное противопоставление значений по признаку 'настоящее — будущее' есть в семантике выражения *вот-вот*: *В отличие от христиан, уже обретших Спасителя, верующие евреи ждут своего мессию и считают, что час его прихода вот-вот пройдет и — Где ученый секретарь? — Да вот-вот только тут был!*

Семантически противопоставленные значения во фразеологии часто порождаются введением отрицания. В одних случаях это приводит к появлению новой идиомы и, соответственно, антонимичной пары: *дай бог — не дай бог*; в других — к отрицанию существующей идиомы, т.е. к ее регулярной модификации: *водит за нос — не водит за нос*. Особенность фразеологии состоит в том, что ввод отрицания в структуру идиомы не всегда приводит к появлению противоположного смысла. Ср. *мокрое место останется (от кого-л.)* и *мокрого места не останется (от кого-л.)* — и то и другое указывает на уничтожение или причинение значительного ущерба кому-л. Скорее, в этом случае лучше говорить о квазисинонимии. Более сложные семантические отношения связывают выражения *бог весть какой* и *не бог весть какой*. Первое из них содержит в своей семантической структуре идею неопределенности: <...> *в вопросе чести — в попытке рождения человека из ветхой куколки бог весть какого существа* [Мераб Мамардашвили. Картезианские размышления]; <...> *поддержанный «мерс», бог весть какого года выпуска* [В. Громов. Компромат для олигарха]. Второе указывает на неудовлетворительное, невысокое качество: *сюжет не бог весть какой* [В. Катаев. Алмазный мой венец].

В целом, однако, отношение антонимии слабо выражено во фразеологической системе. Этим объясняется отсутствие значительных по объему фразеологических словарей антонимов.

4. Полисемия

Полисемия — это отношение, которое связывает различные значения одной и той же языковой формы, в частности лексической единицы. Если рассматривать полисемию как одно из отношений, определяющих структуру семантического поля, то выделение значений у лексем является необходимым условием формирования поля. Для того чтобы определить, в какое поле попадает слово, требуется указание на то, какое конкретное значение этого слова имеется в виду.

Фразеологизмы обнаруживают те же типы многозначности, что и обычная лексика. Следует отметить, что хотя традиционно полисемия считалась нетипичной для фразеологии, в целом идиомы и коллокации обнаруживают весьма развитую многозначность. Осознание этого пришло благодаря развитию семантической теории и появлению корпусов текстов, позволяющих привлекать для семантического анализа представительный языковой материал. В то же время для некоторых типов фразеологизмов, в частности для пословиц, полисемия нехарактерна.

Типы полисемии можно выделять с точки зрения направления семантической деривации (топологический аспект), а также с точки зрения ее предсказуемости (аспект регулярности полисемии). В топологическом аспекте принято различать цепочечную, радиальную и смешанную (радиально-цепочечную) полисемию. При **радиальной полисемии** «все значения слова мотивированы одним и тем же — центральным — значением», в случае же **цепочечной полисемии** «каждое новое значение слова мотивировано другим — ближайшим к нему — значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов» [Апресян 1974: 182]. Существенно, что различение указанных типов полисемии требует наличия у лексической единицы не менее трех значений [Вознесенская 2010]. Действительно, если значений только два, то различие между цепочечной и радиальной полисемией исчезает.

Типичным примером радиальной полисемии могут служить три значения идиомы *положить на [обе] лопатки*:

1. Победить кого-л. в спортивном состязании, *что осмысливается как соответствие критерию победы в классической или вольной*

борьбе. (Футболисты Челси **положили на обе лопатки** команду Португалии. Первый гол забит уже на десятой минуте.)

2. Победить кого-л. в конфликте, предусматривающем применение силы, что осмысляется как соответствие критерию победы в классической или вольной борьбе. (Германия в 1939 г. **положила Польшу на лопатки** в три недели.)

3. Победить кого-л. в споре, дискуссии и т.п., что осмысляется как соответствие критерию победы в классической или вольной борьбе. (Он высмеял Топоркова за доклад, а затем не спеша, с профессиональной сноровкой **уложил отца психоанализа на обе лопатки**. [Викт. Ерофеев. Трехглавое детище]).

В толковании компонент *что осмыляется как соответствие критерию победы в классической или вольной борьбе* не только эксплицирует внутреннюю форму идиомы, но и указывает направление семантической деривации от образа, представленного во внутренней форме, ко всем трем значениям. В рассмотренном случае особенность структуры радиальной полисемии состоит в том, что исходным пунктом деривации оказывается не одно из значений, а внутренняя форма, мотивирующая актуальное значение. Однако вполне возможна ситуация, когда в качестве исходного пункта деривации выступает одно из значений многозначной идиомы. Так, идиома *в унисон* представлена в современном языке семью значениями, каждое из которых производно от первого:

1. (с кем-л.) / Ø⁴⁶ (о двух или более людях) Созвучно друг другу исполняя песню или играя на музыкальных инструментах. (За время многочисленных концертов у нас наладилось такое взаимопонимание, такая интуиция, что иногда мы играли некоторые фразы **в унисон**, т.е. сочиняли одновременно одно и то же [А. Козлов. Козел на саксе]; Помню, как-то раз пришла пара певцов. По-моему, братья. Пели они **в унисон**, при этом старший никак не мог попасть в тональность и все время пел где-то рядом [А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания])

2. (с кем-л.) / Ø (о двух или более людях) Произнося одно и то же или воспроизводя один и тот же звук в один и тот же момент времени, что осмыляется как созвучное пение или игра на музы-

⁴⁶ Знак Ø указывает на отсутствие валентности в поверхностной структуре предложения.

кальных инструментах. (– *Пить не хотите? У Саши и Лизаветы непроизвольно дрогнули скулы, оба смертельно хотели пить, хотя за пикировкой и забыли об этом. — Спасибо, нет, — проговорили они почти в унисон* [М. Бакони́на. Школа двойников])

3. (чему-л. / с чем-л.) / Ø (о двух или более движущихся объектах, а также о людях, рассматриваемых как материальные объекты) Одновременно повторяя действия, движения и т.п. кого-то или чего-то еще или соответствуя им чем-то, что осмысляется как созвучное пение или игра на музыкальных инструментах. (*Лишь раз, когда по параллельному пути налетел догоняющий электричку скорый и мы закачались в унисон, возникло ощущение обратного хода* [П. Алешковский. Седьмой чемоданчик].)

4. (кому-л. / с кем-л.) / Ø (о двух или более людях) Одновременно чувствуя или понимая что-то, что чувствует другой человек, что осмысляется как созвучное пение или игра на музыкальных инструментах. (*Мы подбираем людей, эмоционально настроенных в унисон всей команде*).

5. (с кем-л.) / Ø (о двух или более людях) (Сделать какое-л. утверждение), высказывая мнение, единое для нескольких людей, что осмысляется как созвучное пение или игра на музыкальных инструментах. (*Специалисты МВД и ГУВД Москвы и области, с которыми я говорила о возможных причинах гибели милиционеров от рук преступников, практически в унисон называли в первую очередь одну и ту же злободневную причину: молодость и неопытность милиционеров плюс неважная физическая и профессиональная подготовка*).

6. (кому-л. / чему-л.; с кем-л. / чем-л.) / Ø (о двух или более людях или неодушевленных сущностях) Соответствуя друг другу в чем-то, ставшем темой обсуждения, что осмысляется как созвучное пение или игра на музыкальных инструментах. (*Борис же в мятom костюме и в скошенном галстуке выглядел по-дикарски, т.е. в общем-то в унисон с ней* [В. Аксенов. Московская сага]).

7. (с кем-л. / чем-л.) / Ø (о двух или более людях, политических субъектах, странах и т.п.) (Действовать) совместно, стараясь достичь общей цели или создавая впечатление такой деятельности, что осмысляется как созвучное пение или игра на музыкальных инструментах. (*Северокорейская проблема — еще один пример того, как Россия и Китай действуют в унисон*).

Цепочечная полисемия (в отличие от радиальной) для идиом нехарактерна, что сближает идиоматику с обычной лексикой, в которой данный тип многозначности также встречается довольно редко. Фактически о цепочечной полисемии в идиоматике можно говорить только в случае, если рассматривать внутреннюю форму идиомы как ее первое значение. Поясним, что имеется в виду.

Идиома *приказать долго жить* обнаруживает в современном языке два значения:

1. (о ком-л.) Умереть, как правило, естественной смертью (от болезни, старости и т.п.), *что описывается через ритуализованный акт прощания — пожелание умирающего долгой и счастливой жизни близким*. (Когда Сталин **приказал долго жить**, в государстве как-то все постепенно устоялось, т.е. начался застойный период).

2. (о чем-л.) Постепенно перестать существовать (часто в силу естественных причин), не дав ожидаемых результатов, *что описывается как смерть*. (Банк, в котором нынешний советник президента по культуре хранил свои деньги, **приказал долго жить**).

В данной идиоме первое значение ‘умереть естественной смертью’ мотивировано внутренней формой — ‘что описывается через ритуализованный акт прощания — пожелание умирающего долгой и счастливой жизни близким’. Второе значение производно от первого на основе переосмысления ‘естественной смерти’ как ‘прекращения функционирования’. Таким образом, формируется следующая цепочка семантической деривации (с метонимическими и собственно метафорическими преобразованиями): пожелание умирающего долгих лет жизни близким → смерть [метонимия] → прекращение функционирования [метафора].

Подчеркнем еще раз, что приведенную структуру многозначности идиомы *приказать долго жить* можно рассматривать как цепочечную, если считать буквальное прочтение (значение внутренней формы) первым значением.

Смешанная полисемия не столь частотна в идиоматике, как в обычной лексике. Такой тип многозначности обнаруживает, например, идиома *поставить на ноги*, если буквальное прочтение этого выражения рассматривать как первое значение:

1. (кого-л.) Сделать кого-л. здоровым, *что описывается как придание человеку устойчивого вертикального положения, рассма-*

триваемого как норма. (Своевременное лечение быстро **поставило** больного **на ноги**.)

1.1. (что-л.) Сделать так, чтобы что-л., существовавшее или функционировавшее ранее, опять стало существовать или функционировать, *что осмысляется как излечение и выздоровление человека. (До сих пор попадают люди, которые готовы вновь возродить и **поставить на ноги** старую советскую систему.)*

2. (кого-л.) Вырастить и сделать самостоятельным в жизни (обычно о воспитании детей), *что описывается как придание человеку устойчивого вертикального положения, рассматриваемого как норма. (Он потратил всю свою жизнь на то, чтобы **поставить** детей **на ноги**.)*

2.1. (что-л.) Создав что-л. новое, сделать это самостоятельным и дееспособным, *что осмысляется как воспитание детей. (Идея была такая: организовать школу, **поставить** ее **на ноги** и через два года передать проект в надежные руки.)*

Значения 1 и 2 связаны с буквальным (со значением внутренней формы) отношением радиальной полисемии, а буквальное значение и значения 1 и 1.1 (придание вертикального положения → излечение → возобновление функционирования), а также буквальное значение и значения 2 и 2.1 (придание вертикального положения → придание самостоятельности → создание) связаны отношением цепочечной полисемии.

Остановимся на явлении регулярной полисемии в сфере фразеологии. Этот феномен довольно хорошо описан на материале слов (ср. для русского языка работы Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой, Р.И. Розиной, Г.И. Кустовой и др.), а применительно к идиомам исследование этого типа многозначности только начинается. Регулярная полисемия — это «такая комбинация значений многозначного слова, которая повторяется во многих или во всех словах определенного семантического класса» [Апресян 1993: 10]. Изучение регулярной многозначности идиом полезно по нескольким причинам. С одной стороны, оно позволяет ответить на вопрос, насколько системно организована идиоматика. Известно, что на этот счет существуют разные точки зрения. С другой — описание многозначности, регулярно повторяющейся в рамках одного семантического поля, показывает, что подобная, казалось бы, предсказуемая семантическая деривация реализуется весьма избирательно, что объясняется действием ряда специфических факторов. Выявление

этих факторов — одна из задач семантического описания фразеологии.

В идиоматике регулярная полисемия характерна прежде всего для семантических полей, связанных между собой переходом «физического» в «нефизическое». Так, многие идиомы со значением ‘физического воздействия’ употребляются и в значении ‘поричания / наказания’, ‘превосходства / победы’ и т.п. Этот принцип реализуется в многозначности таких идиом, как *дать / надавать по ушам, дать / надавать по соплям, всыпать по первое число, дать сдачи, сделать отбивную*. Ср. характерные пары контекстов:

Генка **дал сдачи**, зеваки оживились... и Невозможно **дать сдачи** литературному злодею, не вывалявшись вместе с ним в болоте сквернословия;

— *Вася, навешай ему по первое число, но без увечий, а потом отпусти...* и *Начальство вызывает только в трех случаях: чтобы дать задание, похвалить или навешать по первое число.*

Идея порождения «нефизических» значений на основе «физических» обнаруживается также и в идиомах поля СМЕРТЬ: физическая смерть переосмысливается как ‘прекращение функционирования и/или существования’ (подробнее см. ниже).

Несмотря на относительную регулярность порождения вторичных значений у идиом таких типов, в этой сфере обнаруживается довольно много исключений. Так, те идиомы семантического поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, которые появились относительно недавно, пока не развили «нефизического» значения. Ср. жаргонные идиомы *дать в табло, дать в бубен, дать по щам*, которые имеют только одно — «физическое» — значение, в отличие, например, от выражения *дать сдачи*, развившего значение ‘нефизического сопротивления’. Встречаются и другие типы асимметрии. Например, внешне очень похожие идиомы *дать по шапке* и *дать по башке* обнаруживают неидентичный набор значений. Выражение *дать по шапке*, не обладающее значением ‘физического воздействия’, входит в поля НАКАЗАНИЕ (*За любую инициативу у нас **дают по шапке***) и УВОЛЬНЕНИЕ (*А если тебе **по шапке дадут** с завода?*)⁴⁷. А идиома *дать по башке* представлена только в поле НАКАЗАНИЕ (ср. **А если тебе **по башке дадут** с завода?*).

⁴⁷ Это значение данной идиомы воспринимается сегодня как устаревающее.

Нерегулярность образования производных значений прослеживается и на материале идиом поля СМЕРТЬ. Анализ корпусов текстов показывает, что, например, идиомы *испустить дух*, *приказать долго жить*, *почить в бозе*, *уйти в небытие* регулярно употребляются в значении ‘перестать существовать (об учреждениях, организациях, государственных образованиях, политических системах, проектах, изданиях и пр.)’. Ср. такие контексты, как *кинопроект испустил дух*; *наша школа парного катания скорее всего приказет долго жить*; *много периодических изданий почил в бозе за последние годы*; *в 17-м году ушли в небытие монархия и демократическое Временное правительство*. Некоторые идиомы этого ряда могут дополнительно получать значение ‘испортиться’ и сочетаться с обозначениями артефактов. Так, вполне можно сказать *телевизор приказал долго жить*, но вряд ли **телевизор испустил дух / ушел в небытие / почил в бозе*. Впрочем, в игровых контекстах употребление этих идиом допустимо, т.е. в значении идиом данного семантического класса принципиально заложена потенция к дальнейшей переинтерпретации и расширению сочетаемости.

Кроме того, в семантическом поле СМЕРТЬ есть много идиом, не развивающих соответствующих производных значений: ср. *закрыть глаза навеки*, *кончить / окончить свои дни*, *господь прибрал*, *дать / врезать дуба*, *умереть под забором*, *кондрашкахватила*, *отдать концы*, *склеить ласты*, *отбросить / откинуть лыжи*, *покинуть этот мир*, *протянуть ноги / ножки*, *отправиться на тот свет*, *уснуть вечным сном*, *сыграть в ящик*. По-видимому, регулярная полисемия должна пониматься как наличие системной возможности переосмысления для всех лексических единиц данного поля. Понятно, что в данном случае эта возможность реализуется избирательно, т.е. только для отдельной группы единиц. Следует ли относить рассмотренные примеры к регулярной полисемии в точном смысле — вопрос открытый. Однако сама возможность предсказания развития семантики идиом — хотя бы и с известной долей приблизительности, в виде эвристики — скорее, указывает на положительный ответ на данный вопрос.

От полисемии принято отличать **омонимию**: омонимами признаются два слова, идентичные по форме, но не имеющие ничего общего в значениях. В сфере лексики это слова типа *танк* в значении ‘бронированная самоходная боевая машина’ и в значении ‘ре-

зервуар для хранения и перевозки жидкостей'. В сфере фразеологии омонимия возникает в основном в тех случаях, когда идиомы при полном формальном совпадении обнаруживают различные образные составляющие в своей семантике. Так, омонимы *на учете I* и *на учете II* используются в следующих значениях:

НА УЧЁТЕ I. (кто-л.) Человек, мыслящий, думающий и т.п. ненормально или испытывающий затруднения в мыслительной деятельности и, как следствие, ведущий себя неадекватно из-за психического заболевания, которое документально фиксируется в соответствующем медицинском учреждении *или из-за своей очевидности так осмысливается*.

Мужчина, явно на учете, схватив ружье и, по предположениям, коробку дроби, закрылся в одной из комнат квартиры и категорически отказывался выходить [Корпус Публ.].

НА УЧЁТЕ II. (что-л. у кого-л.) *нейтр.* Чего-л. так мало, что это требует постоянного контроля его наличия — в том числе письменной фиксации *или так осмысливается*.

Жанна — простая чертежница, у нее каждый рубль на учете [Корпус Публ.].

В приведенных примерах, несмотря на тождественность формы, образы различаются: в первом случае имеется в виду учет в смысле регистрации людей с психическими заболеваниями в соответствующих медицинских учреждениях, а во втором — идея письменного контроля за хозяйственной деятельностью.

5. Отношение включения

Отношение семантического включения в общем виде понимается как вхождение более частного смысла в более общий смысл. Так, смысл 'температура' включает в себя такие смыслы, как 'горячий', 'теплый', 'холодный', 'прохладный', а смысл 'осадки' включает такие смыслы, как 'дождь', 'снег', 'град'. В лексической семантике эти отношения определяются на словах, содержащих соответствующие смыслы в качестве центральных. Реализация такого отношения между фразеологизмами как минимум нехарактерна. Действительно, смысл 'цветок' представлен в семантике фразеологизмов *анютины глазки, львиный зев, мать-и-мачеха, иван-да-марья, золотой*

шар, иван-чай, куриная слепота, однако фразеологизма с общим значением 'цветок' нет. Категории времени, количества, пространства и т.п. нельзя описать с помощью фразеологизмов как абстрактные смыслы без дополнительных оттенков значения. Фразеологизмы не используются для обозначения всех значений какого-то параметра (функции, признака и т.п.). Так, нет фразеологизма со значением 'возраст вообще', 'время суток вообще', 'хорошо-плохо вообще', 'место вообще', 'расстояние вообще', 'движение вообще'. Однако много фразеологизмов, обозначающих такие концепты, как «старость» (*песок сыплется, на том свете с фонарями ищут, старая карга*), «детство-молодость» (*от горшка два вершка, под стол пешком ходить, молодой да ранний*), «утро» (*с петухами, ни свет ни заря, чуть свет*), «далеко» (*за тридевять земель, не ближний свет, край света, у черта на куличках*), «близко» (*рукой подать, в двух шагах*), «плохое место» (*места не столь отдаленные, на отшибе*).

Те немногие идиомы, семантика которых охватывает целый таксон, все равно описывают соответствующие феномены не нейтрально. Так, идиома *братья наши меньшие*, в разных употреблениях относящаяся к домашним животным (*Человеческий разум облагодетельствовал братьев наших меньших еще и смываемым туалетом для кошки [Известия]*) или к животным в целом (*Есть причины бояться, ненавидеть, убивать волков. Но чем лучше тигр, гиорза, барракуда и подобные братья наши меньшие? [Знание — сила]*), предполагает такое осмысление мира животных, при котором человек несет за него моральную ответственность. Идиома *светлое будущее* соотносится со всем будущим, однако только в рамках конкретной идеологической системы: как результат построения коммунистического общества.

Таким образом, в выражении родо-видовых отношений слова и фразеологизмы взаимно дополняемы. Это можно рассматривать как один из аргументов в пользу того, что собственно лексика и фразеология образуют единую лексическую систему языка.

Отметим, что хотя отношения включения почти не определены на значениях конкретных идиом, они легко определяются на семантических полях идиом. Так, семантическое поле идиом НАКАЗАНИЕ включает в себя как вид идиомы КАЗНИ; ср. *высшая мера [наказания], пустить в расход, поставить к стенке*; семантическое поле ВРЕМЯ содержит группу идиом, описывающих те или иные аспек-

ты БУДУЩЕГО: *со временем, не за горами, со дня на день, рано или поздно.*

6. Отношение конверсии

Отношение конверсии — как и другие семантические отношения во фразеологии — определяется на двух и более фразеологизмах. Конверсивом некоторого выражения является любое другое выражение, описывающее ту же ситуацию, но отличающееся диатезой. Так, выражения *кто-л.₁ дал сдачи кому-л.₂* и *кто-л.₂ получил сдачи от кого-л.₁* находятся в отношении конверсии, поскольку субъектная валентность первого выражения представлена Агенсом, а второго — Пациентом.

Так как под диатезой понимается соответствие между семантическими и синтаксическими ролями предикатного выражения, то в сферу конверсии попадает значительное количество разнообразных явлений семантико-синтаксического уровня, в частности пассивы и другие конструкции со страдательной семантикой.

Значительная часть отношений конверсии относится к сфере грамматики. Так, образование пассивных форм некоторых фразеологизмов регулярно выражается с помощью грамматических средств; ср. *испортить всю обедню* — *вся обедня была испорчена*, *поставить крест на чем-л.* — *на чем-л. был поставлен крест*, *поставить в тупик кого-л.* — *кто-л. был поставлен в тупик*. Однако во многих случаях конверсивы образуются не регулярными грамматическими способами, а с помощью лексических средств.

Лексические способы образования конверсивов характерны для таких семантических полей, как ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ (*дать в лоб* — *получить в лоб*, *дать по соплям* — *получить по соплям*, *дать по шее* — *получить по шее*), НАКАЗАНИЕ (*дать по шапке* — *получить по шапке*), ПОДЧИНЕНИЕ, ЗАВИСИМОСТЬ — ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ (*быть под каблуком* — *держат под каблуком*), КОНТРОЛЬ, ОТСЛЕЖИВАНИЕ (*быть под колпаком* — *держат под колпаком*, *быть на крючке* — *держат на крючке*, *быть на прицеле* — *держат на прицеле*), УВОЛЬНЕНИЕ (*дать пинка* — *получить пинка*), РАЗРЕШЕНИЕ (*дать добро* — *получить добро*, *дать зеленый свет* — *получить зеленый свет*, *дать / открыть зеленую улицу* — *получить зеленую улицу*).

Образование конверсивов во фразеологии происходит по определенным принципам, которые, однако, не являются продуктивными правилами. Например, идиомы *дать дрозда, задать / дать / поддать жару, дать жизни, дать шороху* и *дать прикурить* не допускают (даже окказионально) форм **получить дрозда, *получить жару, *получить жизни, *получить шороху* или **получить прикурить*. В большинстве случаев невозможность образования соответствующих форм объясняется спецификой мотивации. Так, *дрозд* сам по себе не ассоциируется с идеей наказания, что осложняет семантико-синтаксические преобразования.

Можно привести и другие примеры отсутствия симметрии в этой области. Встречаются идиомы, которые на первый взгляд выглядят как конверсивная пара, но, строго говоря, конверсивами не являются. Иными словами, относительно регулярное семантико-синтаксическое преобразование приводит к нерегулярному изменению семантики результирующего выражения. Например, члены пары *воздать по заслугам* — *получить по заслугам* обнаруживают нетривиальные семантические различия, которые нельзя свести к мене диатезы: *воздают по заслугам* и в качестве награды (<...> *верящим в справедливость людям необходимо, чтобы «справедливость восторжествовала»* и «Ахматовой **было воздано по заслугам**» [А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой]), и как наказание (*Сатирический киножурнал **воздает по заслугам** горе-руководителям и лжеученым, бездушным чинушам и спекулянтам* [Советский экран]), а *получают по заслугам* скорее в наказание (*Он унизил не только меня, но и весь наш дом и весь наш род. Он **получил по заслугам!*** [Ф. Искандер. Чик чтит обычаи]). Возможно, этот эффект объясняется тем, что *воздать по заслугам* — это, строго говоря, коллокация, а не идиома, т.е. выражение, напоминающее по структуре устойчивые словосочетания типа *возлагать надежды* или *одержат победу*. Напротив, выражение *получить по заслугам* в значении 'наказания' — типичная идиома.

7. Отношение каузативности

Рассмотренное выше отношение конверсии характеризуется сохранением набора синтаксических и семантических валентно-

стей (субъекта, объекта и т.д., с одной стороны, и Агенса, Пациенса, Локатива и т.д. — с другой). В отличие от конверсии, при каузативном преобразовании набор валентностей меняется. Каузатив — это такое преобразование, которое связано с введением в структуру семантических валентностей участника с семантической ролью Агенса. Этой роли в синтаксической структуре соответствует своя валентность — часто валентность субъекта. Ср. *(что-л.) пошло с молотка* — *(кто-л.) пустил с молотка (что-л.)*, *(кто-л.) пошел по рукам* — *(кто-л.) пустил по рукам (кого-л.)*, *(кто-л.) отправился на тот свет* — *(кто-л.) отправил на тот свет (кого-л.)*.

Основное условие образования каузативных пар во фразеологии — наличие в основе семантики фразеологизма идеи самопроизвольного процесса или состояния, с одной стороны, и возможности переосмысления этого процесса или состояния как результата целенаправленной деятельности Агенса — с другой. Например, ситуация, которая описывается идиомой *выйти из строя*, не предполагает наличие Агенса, т.е. активного субъекта, который несет ответственность за данное положение дел (за *выход чего-л. из строя*). Однако эта ситуация может быть легко проинтерпретирована как каузированная каким-то активным субъектом, т.е. в осмысление ситуации добавляется еще один участник — Агенс, отвечающий за *выход чего-л. из строя*, что является предпосылкой для появления соответствующего каузатива, в данном случае — *вывести из строя (что-л.)*. В то же время, если идиома описывает такую ситуацию, которую нельзя переосмыслить как инициируемую Агенсом, образование каузатива невозможно. Так, идиомы *поезд ушел*, *не успеть и рта раскрыть* обозначают ситуации, которые не могут быть результатом целенаправленной деятельности человека.

Поскольку каузативы (как и конверсивы) — это результаты семантико-синтаксической деривации, то в каждом случае встает вопрос, какая форма первична (на синхронном уровне). Как показывает анализ, ответ на него можно получить лишь в том случае, если есть дополнительные морфологические показатели деривации. Ср., например, идиомы с компонентами *остаться* — *оставить*. Поскольку *остаться* морфологически сложнее, чем *оставить*, идиомы *оставить в дураках*, *оставить с носом*, *оставить без штанов*, *не оставить камня на камне* структурно первичны по отношению к идиомам *остаться в дураках*, *остаться с носом*, *остаться без*

штанов, камня на камне не осталось. В этих случаях формы второго ряда принято называть **декаузативами** (см. [Падучева 2001]). Во многих парах идиом определить направление деривации не представляется возможным. Например, в паре *пойти с молотка — пустить с молотка* нет специальных морфологических показателей для определения того, имеем ли мы дело с каузативным или декаузативным преобразованием.

Каузативные преобразования могут приводить к изменению набора лексических значений у членов каузативной пары. Так, у идиомы *прийти к общему / единому / одному знаменателю* одно значение, а у каузатива *привести к общему / единому / одному знаменателю (что-л.)* — два. Первая идиома употребляется в значении '(о людях) в результате обсуждения согласовать свои, изначально различавшиеся, мнения, представления и т.п.'. Вторая же имеет два значения: 1) 'сделать так, чтобы некоторые явления, объекты действительности, их свойства и т.п. стали в своей основе иметь много общего' и 2) 'сделать так, чтобы какие-л. явления, объекты действительности, их свойства и т.п. приобрели общие для всех усредненные характеристики, что оценивается говорящим отрицательно'. Причем ни одно из этих значений не может быть представлено как простое производное от значения идиомы *прийти к общему / единому / одному знаменателю* по правилам образования каузатива.

Есть и другие примеры такого типа. Идиома *увидеть небо в алмазах* имеет, казалось бы, «правильный» каузатив *показать небо в алмазах (кому-л.)*. Однако эти идиомы симметричны только в одном из значений. Ср. следующие контексты: *Я до ректора дойду! Я в министерство поеду! Они еще увидят небо в алмазах* [А. Житков. Кафедра]; *Митя посмотрел на запястья со следами Маркушиных пальцев... Наверняка, будут синяки. Ничего, он потерпит до завтра. А завтра покажет ему небо в алмазах!* [А. Житков. Кафедра].

Действительно, *увидеть небо в алмазах* понимается здесь в смысле 'иметь серьезные проблемы', а *показать небо в алмазах* — 'сделать так, чтобы кто-л. имел серьезные проблемы'. Такие симметричные употребления встречаются, однако, сравнительно редко.

Наиболее часто выражение *увидеть небо в алмазах* встречается в значении 'испытать что-то очень хорошее'. Ср. фразы: *Если папы и мамы очень постараются — их дети увидят небо в алмазах и будут учиться в Англии, а отдыхать на Канарах; Мы отдохнем и*

увидим, как было обещано, небо в алмазах; Зарплата повысится и сотрудники еще при жизни увидят небо в алмазах. В этом значении идиома впервые употребляется в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня»: *Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка.* Понятно, что новое значение возникло в результате иронического переосмысления старого, в котором эта идиома каузативов не образует.

Отметим, что отдельные идиомы могут образовывать своего рода микропарадигмы, в которых в разных комбинациях могут присутствовать каузативы, конверсивы и инцептивы⁴⁸; ср. *почва уходит из-под ног — выбить почву из-под ног — лишиться почвы под ногами; стоять на ушах — встать на уши — поставить на уши; [стоять] под ружьем — встать под ружье — поставить под ружье; становиться на котурны — [стоять] на котурнах — ставить на котурны; [сидеть] на голодном пайке — держать на голодном пайке — посадить на голодный паек; сидеть / оказаться за решеткой — угодить за решетку — посадить за решетку; сидеть / висеть на шее — сесть на шею — посадить [к] себе на шею.* Подобные микропарадигмы встречаются и в других языках; ср. нем. *in der Tinte sitzen* букв. «сидеть в чернилах» ‘находиться в неприятной ситуации’ — *in die Tinte geraten* букв. «угодить в чернила» ‘попасть в неприятную ситуацию’ — *jmdn. in die Tinte reiten* букв. «загнать кого-л. в чернила» ‘сделать так, чтобы кто-л. оказался в неприятной ситуации’. Видимо, здесь работают настолько универсальные механизмы преобразования предикатных выражений, что их действие распространяется даже на нерегулярную по определению сферу идиоматики.

8. Заключение

Часто высказывалась мысль о том, что с теоретической точки зрения фразеологизмы — это такие же единицы лексикона, как

⁴⁸ **Инцептив** — это такой член пары (слов или фразеологизмов), который указывает на начало некоторого процесса или состояния, описываемого другим членом.

обычные слова. Исследование стандартных типов семантических отношений в сфере фразеологии показывает, что их действие распространяется и на фразеологизмы. Однако особенности семантики и структуры фразеологизмов влияют на разнообразные факторы реализации этих отношений: на частоту (распространенность) того или иного отношения, а также на его регулярность и продуктивность. Основной причиной специфичности фразеологии в этой области следует считать наличие живой внутренней формы, расширяющей или, наоборот, ограничивающей круг возможных вариантов реализации того или иного семантического отношения.

Задание 1. Подберите фразеологические синонимы к следующим идиомам:

бежать сломя голову, жить на широкую ногу, на халяву, мимо кассы, спустя рукава, валять дурака, водить за нос.

Задание 2. Подберите фразеологические антонимы к следующим идиомам:

спустя рукава, водой не разольешь, воды в рот набрал, хоть пруд пруди, вагон и маленькая тележка, вилами по / на воде писано, не робкого десятка.

Задание 3. Найдите идиомы с различными типами полисемии: радиальной, цепочечной и смешанной. Используйте имеющиеся фразеологические словари: [ФОС; ФСРЯ; Лубенская 2004].

Задание 4. Разделите представленные ниже пары идиом на две группы: конверсивы и каузативы. Если вы не знаете значение какой-то идиомы, воспользуйтесь словарем.

остались рожки да ножки — оставить рожки да ножки; дать / врезать по рогам — получить / схлопотать по рогам; мокрого места не останется — мокрого места не оставить; становится на одну доску (с кем-л.) — ставить на одну доску (кого-л. с кем-л.); во главе угла стоять / быть — во главу угла ставить; стоять на коленях — поставить на колени; стоять на рогах — поставить на рога; дать / оформить / двинуть в табло (кому-л.) — получить / схлопотать в табло; стоять на ата-се — поставить на атас; стоять на карте — поставить / бросить на

карту; стоять на кону — поставить на кон; сесть на скамью подсудимых — посадить на скамью подсудимых; сидеть под замком — посадить под замок; всыпать по первое число — получить по первое число; сидеть на хлебе и воде — посадить на хлеб и воду; сесть в калошу — посадить в калошу; сесть в лужу — посадить в лужу; выйти на передний план — вывести на передний план; дать добро (кому-л. на что-л.) — получить добро (на что-л.); выйти / выбиться в люди — вывести в люди.

Рекомендованная литература

Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986. С. 178—202 [синонимия и многозначность во фразеологии].

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987. С. 3—14 [обсуждается понятие синонимии применительно к фразеологизмам].

Proost K. Paradigmatic relations of phrasemes // HSK Phr. Vol. 1. Berlin; New York, 2007. P. 110—118 [обсуждается состояние дел в исследовании семантических отношений между фразеологизмами].

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

1. Понятие внутренней формы

Принято не без оснований считать, что образность — отличительная особенность фразеологии по сравнению с обычной лексикой. Образ в идиомах в виде метафоры или других тропов реализуется во внутренней форме.

Внутренняя форма — это образ, фиксированный в плане содержания фразеологизма, а также осознаваемая носителем языка образная мотивация значения фразеологизма его составляющими — словами или морфемами.

Роль носителя языка в формировании обсуждаемой категории оказывается решающей: именно этим внутренняя форма отличается от этимологии. Отметим, что внутренняя форма как универсальная категория характеризует не только фразеологизмы, но и обычную лексику. Как следует из определения, образная часть — это только одна сторона внутренней формы. Отметим, что образ в данном случае должен пониматься не столько как индивидуальный психологический феномен, сколько как часть плана содержания фразеологизма. Вторая сторона внутренней формы состоит в способе указания на актуальное значение языкового выражения — в том числе и идиомы.

В традиции немецкого языкознания представление о внутренней форме языковых выражений восходит к работам В. фон Гумбольдта, который понимал под термином *innere Form der Sprache* (калькой которого и является русский термин «внутренняя форма») нечто совсем иное. Идея Гумбольдта в связи с рассматриваемой категорией заключалась в том, что внутренняя форма характеризует язык в целом: во «внутренней форме языка» заключается специфика восприятия мира носителями разных языков [Гумбольдт 1984].

В отечественной традиции понятие «внутренней формы» связывается в первую очередь с идеями А.А. Потебни, который в рамках психологического подхода к явлениям языка высказал ряд плодотворных идей о мотивации значения слова его этимологией — происхождением. Хотя разделение между этимологией слова и его внутренней формой в работах А.А. Потебни не вполне отчетливо, тем не менее этот исследователь в рассуждениях часто опирается именно на психологический аспект употребления языковых форм, что оказалось важным фактором для последующего теоретического разграничения этих двух феноменов: «*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1892: 102]. Потебня, связывая внутреннюю форму как с этимологией, так и с психологическими представлениями о мотивации значения, создал предпосылки для современной трактовки категории внутренней формы.

Принципиально несущественно, соответствует ли внутренняя форма этимологии или является результатом более позднего переосмысления, т.е. относится к так называемой «народной этимологии». Ее влияние на актуальное значение от этого не меняется. В любом случае внутренняя форма остается фактором **фоновой категоризации**, т.е. вторичного осмысления идиомы. Так, русское выражение *вне игры* в значении ‘неучастия в чем-л.’ мотивировано его употреблением в спортивном дискурсе: ‘положение игрока или мяча, которое интерпретируется правилами как недопустимое для продолжения игры’. Особенность фоновой категоризации заключается в том, что обращение к мотивирующему значению (внутренней форме) всегда возможно. Даже в контекстах, в которых внутренняя форма никак не обсуждается и не затрагивается, она сохраняется как концептуальный фон. Ср. близкие идеи в [Чейф 1975: 57—64].

Значимость внутренней формы для семантики фразеологизмов отмечал Д.Н. Шмелев, согласно которому, внутренняя форма никогда не стирается полностью. Носители языка даже немотивированные идиомы (типа *с дуба рухнуть*) осознают как таковые только благодаря принципиальной возможности соотнесения лексического состава идиомы с соответствующими словами свободного употребления; ср. [Шмелев 2006: 269—272]. За этим стоит психологическая установка на поиск мотивации языковых выражений.

В несколько вольном понимании это можно соотнести с идеями Платона о языковой номинации как отражении сути вещей: попытка наивной реконструкции внутренней формы — это своего рода поиск сути лексических единиц (см. также подробнее ниже)⁴⁹.

Помимо внутренней формы, есть еще один феномен, связанный с этимологией, — то, что вслед за Ю.Д. Апресяном можно было бы назвать «этимологической памятью слова» [Апресян 1995а]⁵⁰. Это та часть этимологии слова, которая влияет на актуальную семантику лексемы, но не осознается носителем языка — в этом ее существенное отличие от внутренней формы, которая является частью языкового сознания говорящего и слушающего. Так, производный предлог *кроме* в современном русском языке используется как в «объединительном» (*Кроме Ивана в библиотеке был еще Петр*), так и в «разделительном» значениях (*Кроме Ивана, никто не пришел*). В основе *кроме* лежит пространственная идея 'нахождения вне пределов чего-либо': в древнерусском языке фиксируется значение 'вне, снаружи'. Исходно это местный падеж ед. числа от *крома* (то же, что *кромка*) — 'перегородка' [Фасмер 1964—1973]. Иными словами, речь идет о некоторой «перегородке», разделяющей пространство (возможно, замкнутое) на две области. Тем самым способ указания, фиксированный в предлоге *кроме*, передает (можно даже сказать «кодирует») актуальное значение через концепт разделения пространства на различные области — постановка перегородки разделяет пространство на две области — отсюда «разделительное» значение, а снятие — объединяет, что соответствует «объединительному» значению. Понятно, что происхождение *кроме* от существительного *крома* вряд ли осознается обычным носителем языка, однако само слово сохраняет свое происхождение в структуре полисемии. Этимологическая память слова также влияет на его актуальное значение, однако несколько иначе. Таким образом, внутреннюю форму и этимологическую память следует различать.

Внутренняя форма, будучи частью плана содержания фразеологизма, проявляется в разных аспектах его употребления. Рассмо-

⁴⁹ О других интерпретациях категории внутренней формы см. [Мелерович, Мокиенко 2008: 62—93].

⁵⁰ Термин «этимологическая память слова» воспроизводится Ю.Д. Апресяном со ссылкой на работу В.И. Абаева [Абаев 1948].

трим различные проявления этого феномена в реальном функционировании фразеологии.

2. Внутренняя форма в языковой игре

Игровые употребления типичны для фразеологии. По данным, приводимым в [Баранов, Добровольский 2008: 376], на игровые употребления приходится порядка 3% примеров использования идиом, т.е. около 1500 контекстов из 50 000 контекстов, представленных в «Базе данных по современной идиоматике»⁵¹. При игровом употреблении внутренняя форма оказывается одним из основных источников языковой игры. В примере *Единственная отличительная черта в этой войне — нас **кормили «на убой»** (и в прямом, и в переносном смысле слова): овощи, фрукты — всего навалом...* [Огонек] в явном виде говорится о прямом и переносном значении выражения *кормить [как] на убой* — т.е. об актуальном значении идиомы и ее внутренней форме, которая сформирована буквальным значением соответствующих слов. В контексте *За время перестройки все **запретные плоды** мы уже **съели** и даже **переварили*** [Корпус Публ.], где использована идиома *запретный плод*, смысл снятия запретных тем коммуникативно подчеркивается вербализацией следствий из метафоры съедения плода: если *все запретные плоды уже съедены и переварены*, то ничего запретного действительно уже не остается.

В рассмотренных примерах использован способ языковой игры, предполагающий совмещение двух смысловых планов: актуального значения идиомы и ее внутренней формы. В литературе этот прием получил название материализации метафоры, двойной актуализации и т.п. Использование этого приема предполагает осмысление и осознание говорящим внутренней формы как части семантики соответствующей идиомы.

⁵¹ База данных по современной идиоматике создавалась в Институте русского языка РАН с 1985 г. К настоящему времени она включает более 50 тысяч контекстов употребления идиом в публицистике и современной художественной литературе (с 60-х годов XX в.), полученных в результате сплошной выборки идиом по текстам.

3. Ироническое употребление идиом

Употребление многих идиом сопровождается иронией. Этот семантический эффект функционирования идиоматики иногда не вполне корректно интерпретируется как стилистические особенности употребления. Так, стилистическая помета *ирон.* встречается в словарях ФСРЯ, ФСЛРЯ и [Лубенская 2004]. Отнесение иронии к стилистическим характеристикам не всегда правомерно. Действительно, ирония как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки» [Ахманова 1966: 185] предполагает, что языковое выражение может использоваться как в обычном смысле, так и иронически; т.е. в общем случае одна и та же языковая форма может использоваться обычно и при выражении иронии. Очевидно, что идиомы, которые имеют в словарях помету *ирон.* (если таковая предусмотрена), обладают какими-то особенностями в семантике, регулярно порождающими эффект иронии. Как показывает анализ, весьма часто ключ к объяснению возникновения иронии при употреблении идиомы лежит во внутренней форме. Рассмотрим несколько примеров:

чесать репу = ‘напряженно думать, решая некоторую проблему и испытывая в связи с этим затруднения, *что описывается как внешнее проявление типичного действия думающего человека в виде жеста-поскребывания кончиками пальцев своей головы (как бы приводящего мысли в движение), парадоксально осмысляемой как овощ, похожий на голову по форме, но совершенно не способный к мышлению*’.

Из толкования хорошо видно, что сопоставление головы — как инструмента мышления — и овоща, похожего на голову, но совершенно неспособного к мышлению, определяет ироничность использования данной идиомы. Иными словами, иронический эффект употребления, основанный на противоречии между тем, что говорится, и тем, что понимается, порождается в случае идиомы *чесать репу* тем, что идиома описывает процесс напряженного размышления, а инструмент мышления подается во внутренней форме идиомы как что-то, совершенно не способное к мышлению. Контраст такого рода и приводит к иронии.

Еще один пример:

под белы руки / рученьки [взять / подхватить... (кого-л.)] = '(в ситуации привлечения кого-л. к ответственности за противоправные действия или недопустимое поведение) насильственно лишить кого-л. свободы передвижения, чаще всего силами нескольких уполномоченных лиц, с целью перемещения в специальное место, выход из которого затруднен, что осмысливается с помощью стандартного фольклорного оборота, используемого для описания почтительного обращения с уважаемыми персонажами'.

В толковании данной идиомы возникновение иронии объясняется контрастом между арестом человека (вызванным его противоправными действиями), что отражается в актуальном значении, и утрированно выраженным пиететом к нему как к очень уважаемой персоне, передаваемым во внутренней форме. Противоречие между этими «полюсами» и порождает иронию.

Ирония может создаваться и еще более тонкими и разнообразными механизмами. Так, идиома *старик Батурин*, использовавшаяся в прессе по отношению к бывшему мэру Москвы Ю. Лужкову, характеризуется отчетливой иронической окраской. В данном случае ирония возникает по двум причинам. Первая действительно связана с внутренней формой: градоначальник — важнейшая политическая фигура Москвы, политический «тяжеловес» (как говорят политологи) — назван по фамилии своей жены: *старик Батурин* = 'мэр Москвы — Ю. Лужков, осмысляемый через свою жену — как ее престарелый родственник'. В этом нельзя не увидеть ироническое принижение этого политика, и толкование достаточно эксплицитно указывает на это — специальной стилистической пометы явно не требуется⁵². Вторая причина иронии связана с известным политическим анекдотом советских времен: *В кремлевском коридоре к Брежневу подходит старушка и спрашивает: — Леонид Ильич, вы меня не помните? — М-м-м... — Ну, моя фамилия Крупская. — А! Да, да, да. Конечно же! Очень рад вас видеть. — Наверное, вы и мужа моего помните? — Ну да, конечно, кто ж не помнит старика Крупского!* Здесь ироническое осмысление почти ассоциативно, но вполне

⁵² «Точка отсчета» очень важна в системе номинаций родственников. Так, формально эквивалентные номинации — *моя дочь* и *дочь моей жены* прагматически радикально различаются: вторая номинация возможна только в том случае, если дочь жены не является родной для мужа.

прочитываемо носителем русского языка, погруженным в контекст современной политической и общественной коммуникации. Впрочем, эту часть смысла вряд ли можно включать в словарное толкование — это, скорее, тема для словарного комментария.

Понятно, что эффекты иронии при употреблении идиомы далеко не во всех случаях можно объяснить особенностями соотношения между ее внутренней формой и актуальным значением. Например, идиома *голова садовая*, у которой прозрачная внутренняя форма отсутствует, используется, как правило, в контекстах легкой иронии и самоиронии.

4. Автонимные употребления

Автонимные употребления — это такие случаи использования языковых выражений, когда говорящий в тексте в явном виде обращает внимание на те или иные аспекты их семантики или формы, а также на сам факт их использования. В отличие от случаев языковой игры, автонимное употребление не порождает нескольких смысловых планов (двойной актуализации), что и обеспечивает игровой эффект, однако при автонимном употреблении внутренняя форма идиом часто обсуждается, что также указывает на ее семантическую реальность. Так, в примере *«Соврет — недорого возьмет»* — *говорят о человеке, лгущем по любому поводу. Лгущий не берет за свою ложь денег, но часто ложь скрывает конкретный меркантильный интерес* [Корпус Публ.] из квазитолкования фразеологизма видно, что автор не различает актуальное значение и внутреннюю форму, понимая ложь как что-то, связанное с меркантильным интересом. С другой стороны, в контексте *Зимой обостряется проблема ожидания наземного городского транспорта. Прибаутка Я не такая, я жду трамвая* приобретает неожиданно свежий смысл [Столица] автор обращает внимание на то, что существуют ситуации, когда буквальное прочтение фразеологизма неожиданно оказывается коммуникативно оправданным. Наконец, возможна и ситуация, когда автор предостерегает читателей от буквального понимания: *Называя внезапно разбогатевшего приятеля «богатенький Бура-тино», не подумайте, что вы цитируете Алексея Толстого* [В. Быков, О. Деркач. Книга века].

Отдельным видом автонимных употреблений являются мета-текстовые комментарии к идиомам, известные в литературе как *hedges*, «загородки» или «ограничители» [Lakoff 1973]. К ограничителям относятся такие выражения, как *строго говоря, просто* (в некоторых употреблениях), *буквально, фактически, в собственном смысле, по крайней мере, по меньшей мере, типа, как бы*. Довольно часто семантика ограничителей может передаваться средствами метаграфимики⁵³ — в частности кавычками.

Ограничители указывают на то, что говорящий обращает внимание на особенности семантики или прагматики языкового выражения. Используя ограничители, говорящий показывает, что он осознает нестандартность речевого высказывания, указывает, что оно как-то отличается от нормального или стандартного, обращает внимание на то, что что-то в нем «не так». Употребление фразеологизмов довольно часто сопровождается ограничителями. Наиболее типичный случай — «закавычивание» идиом: *Дальше начинается «запретная зона» под названием «общие экономические интересы»; Работал Чегодаев закройщиком, спивался же на то, что «давали в лапу»; Пусть зритель следит и гадает, вживую поет артист или «под фанеру»; «Пудрил мозги» новичку фотокорреспонденту; Каждое слово «не в бровь, а в глаз»; Хорошая женщина всегда в этом случае найдет способ без скандала «прочистить мозги» супругу.*

В приведенных словосочетаниях использование кавычек не мотивировано никакими правилами: в представленных примерах нет ни иронии, ни цитирования. Единственное основание — осознание говорящим использования выделенного выражения в несобственном, т.е. в переносном, значении. Поскольку «собственное» (прямое) значение и есть в этих случаях внутренняя форма, а факт перехода к переносному значению говорящий маркирует кавычками, то внутренняя форма тем самым фокусируется, т.е. на нее дополнительно обращается внимание адресата.

В качестве лексических ограничителей при идиомах широко используются вводные обороты (*как говорится, что называется*—

⁵³ Метаграфемика — это научная дисциплина, в которой исследуются приемы подачи речи на письме, а также семантические и прагматические функции этих приемов. К ним относятся, например, способы выделения абзацев, использование курсива, разрядки, гарнитур различных типов и т.п.

ся, так сказать), наречия, частицы и устойчивые сочетания служебных слов (как бы, буквально, натурально, воистину): Высказал Жихареву свое мнение, что его сообщение есть, как говорится, **художественный свист**; Как говорится, **прокукарекал, а там хоть не рассветай**; Как говорится, **путают божий дар с яичницей**; Критик Пертов в газетном опросе, что называется, **на голубом глазу** назвал роман Марининой «Стилист» лучшим романом года; Автор, что называется, **за уши притягивает** разные вещи; С той поры у него пошла чересполосица: выговор — благодарность в виде снятия выговора — орден за трудовые достижения, а потом почему-то — снова выговор, и **снова-здорово** как по-русски говорится; Как говорится, **сапожник без сапог**; Дом был разгромлен, буквально **вывернут наизнанку**; Смягчить известие, **подсластить**, так сказать, **пилюлю**; Все говорит как бы **в кавычках**; Получилось все как-то **задом наперед**; Воистину — **ни убавить, ни прибавить** к этому афоризму; Натурально, **сапожник без сапог**; Началась настоящая **собачья свадьба**; Ты просто **откармливаешь** себя, как на убой.

Пунктуационный ограничитель — кавычки — часто сочетается с лексическими ограничителями: Каждое растение, каждый элемент были на своем месте, как говорится, **«ни убавить, ни прибавить»**; Что называется **«ездили по ушам»**; «Хитачи», что называется, **«попала в яблочко»**; Натурально, **«тех же щей, да побольше влей»**.

5. Внутренняя форма и народная этимология

Как уже говорилось выше, феномен внутренней формы прямо связан с языковым сознанием человека: образ, фиксированный во внутренней форме, должен в той или иной мере осознаваться. Процесс осознания внутренней формы, как писал А.А. Потебня, не пассивен, это творческая деятельность. Творческое начало рассматриваемого психологического и когнитивного процесса проявляется в народной этимологии: наивной попытке мотивировать актуальное значение слова его формой — на самом деле внутренней формой, конструируемой человеком и часто привносимой «извне». Примеров такого рода множество: *семья* — осмысляется как «семь я», *шу-*

мовка — как производное от слова *шум*, *студент* — как производное от слова *скудный* (забавная версия А.С. Шишкова), *этруски* — как *это русские*, *хитрушки* (шутливая версия В.К. Тредиаковского) и т.д. Сам факт мотивации актуального значения и осознание этого носителем языка в таких случаях является решающим фактором. Н.В. Крушевский писал в статье о народной этимологии про «чутье» носителя языка как одной из важнейших характеристик этого феномена: «чутье происхождения *а* от *А* или родство *а* с *А*» [Крушевский 1998: 49]. Часто наивная попытка мотивации приводит к изменению означаемого: *пиджак* превращается в *спинжак* (от слова *спина*), *поликлиника* — в *полуклинику*, *микроскоп* — в *мелкоскоп*, *фельетон* — в *клеветон* (Лесков), *лопатка* — в *копатку*. Народная этимологизация нередко оказывается настолько устойчивой, что способствует формированию новых слов. Именно в результате наивной этимологизации в русском языке появилось слово *зонт*, которое на синхронном уровне рассматривается как производящее для слова *зонтик*, хотя реальный процесс словообразовательной деривации был направлен в противоположную сторону (первичным заимствованием — от голландского *zondek* — была как раз форма *зонтик*). Наивные этимологические рассуждения даже кладутся в основу идеологизированных систем, призванных компенсировать проблемы самоидентификации, существующие в современном российском обществе (см. имеющие широкий общественный резонанс выступления и публикации сатирика М. Задорнова).

Народная этимология как способ объяснения значения вполне типична и для фразеологизмов. Это особенно характерно для тех случаев, когда происхождение идиомы неясно, а образ — жив и ярок. Например, происхождение идиомы *филькина грамота*, используемой в современном языке в значении ‘документ официального характера, удостоверяющий или гарантирующий что-л., составленный с грубым нарушением существующих норм, совершенно не соответствующий действительности или не имеющий смысла, описываемый как *результат письменного творчества необразованного и пренебрежительно названного человека*’, даже в научных источниках связывается с именем митрополита Филиппа, призывавшего Ивана Грозного прекратить насилие над народом во времена опричнины. Будто бы Иван Грозный презрительно называл опального митрополита Филькой, а его послания — «Фильки-

ными грамотами». Это типичный пример народной этимологизации. Скорее всего, данное выражение возникло позднее на основе диалектной семантики имени *Филя* как характеристики неумного человека. По Далю, Филя — «простофиля, простак, разиня, недоумок» [Даль 1994]. Именно такое употребление слова *филя* обнаруживается у П. Мельникова-Печерского: *Уж и объегорил же я его, обул, как **филю** в чертовы лапти!* [П. Мельников-Печерский. В лесах]. Это объясняет отсутствие данной идиомы в текстах русского языка XVIII и XIX вв., представленных в существующих корпусах, а также в имеющихся словарных источниках того времени. По данным корпусов текстов, активное употребление этого выражения начинается только в 30-х годах XX в. В пользу этой версии происхождения идиомы *филькина грамота* говорит и то, что можно было бы назвать прагматическими факторами: странно, что в языковом сознании народа — в виде идиомы — сохранился такой вариант номинации писем митрополита Филиппа, просившего о милости к жертвам опричнины, который отражает точку зрения Ивана Грозного. Скорее, следовало бы ожидать обратного.

Народная этимологизация влияет даже на план выражения идиомы. Известно, что идиома *реветь / выть белугой* возникла в результате переосмысления названия не известного широкой публике животного *белуха*, относящегося к китообразным. Рыба белуга не издает звуков, которые способно услышать человеческое ухо. Тем не менее обыденное сознание и в этом случае оказывается сильнее научных представлений.

Выразительные примеры народной этимологизации фразеологизмов приводятся в известной статье В.В. Виноградова «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» [Виноградов 1977]. Обсуждая сущность фразеологических сращений, В.В. Виноградов приводит пример народной этимологии выражения *кузькина мать* из романа Н.Г. Помяловского «Брат и сестра»: «Хорошо же, я тебе покажу кузькину мать... Что это за *кузькина мать*, мы не можем объяснить читателю. У нас есть много таких присловий, которые от времени утратили смысл. Вероятно, кузькина мать была ядовитая баба, если ею страшат захудалый род».

Очевидная склонность носителей языка к мотивированию актуального значения слова его внутренней формой — даже там, где эта связь утрачена — с определенностью указывает на то, что в нор-

мальном случае актуальное значение слова должно быть как-то мотивировано способом указания на это значение. Видимо, для рядового носителя языка это идеальная схема процесса номинации.

Отметим, что ситуация оказывается более сложной. Дело в том, что в ряде случаев в идиоме обнаруживается легко читаемый образ, однако мотивация актуального значения неясна. Так, в идиоме *от фонаря* образ фонаря легко определяется носителем языка. В то же время установить связь между идеей фонаря и семантикой произвольности, отсутствия обоснования чего-либо, заложенной в идиоме *от фонаря*, невозможно. Есть разнообразные этимологии, объясняющие такую связь. Например, в БФС происхождение этой идиомы связывается с профессиональным жаргоном московских фонарщиков, которые обслуживали определенное количество уличных фонарей, перемещаясь от одного фонаря к другому [БФС: 501]. Тем не менее остается неясным, как идея произвольности мотивирована перемещениями фонарщика. Более правдоподобная версия предлагается И.Б. Левонтиной [Левонтина 2010]. В ее основе лежит жаргон музыкантов, в котором *фонарем* называется круглый, крестообразно перечеркнутый значок, обозначающий пропуск в нотной записи. Поскольку этот знак может ставиться в любом месте, то становится понятным, почему значение идиомы *от фонаря* соотносится с идеей произвольности.

Как в семантической экспликации — толковании или любой другой модели представления значения — следует отражать подобные случаи? Поскольку образ, заложенный в идиоме, прозрачен, но очевидной мотивации нет, то и введение в толкование любой версии объяснения актуального значения, основанного на данном образе, будет некорректным. Самый простой выход из этой ситуации — не отображать внутреннюю форму в семантическом представлении. Тем самым появление внутренней формы в толковании оправдано только в том случае, если ясность образа сочетается с очевидной мотивацией актуального значения этим образом.

6. Внутренняя форма как фактор эвфемизации

Принято считать, что внутренняя форма — это периферийный слой семантики, который не входит в толкование и не охватывает-

ся другими типами семантических экспликаций. Иными словами, актуальное значение и внутренняя форма неравноценны, причем в том смысле, что внутренняя форма «слабее», менее существенна и даже факультативна: она либо отсутствует вообще, либо воспринимается носителями языка по-разному, будучи похожей на ассоциативный слой плана содержания. На материале фразеологии эта идея часто подтверждается. Однако в целом ряде идиом актуальное значение, наоборот, тривиально, а внутренняя форма образует наиболее существенную часть плана содержания.

Крайний случай проявления доминантности внутренней формы — эвфемизмы. К этой группе слов и идиом принято относить такие выражения, которые возникли как результат переобозначения либо соответствующих обценных (бранных, грубых и т.д.) выражений — «эвфемизмы-апшифтеры», либо табуированных существностей — «эвфемизмы табуированного» (выражения, относящиеся к смысловым полям СМЕРТИ, СЕКСА, реже лексика, связанная с тюремными реалиями). К первой группе можно отнести, например, идиомы *сидеть не отрывая задницы / зада, отхожее место, засунуть [себе] в известное место / одно место*, а ко второй — следующие выражения:

груз 200 ‘останки погибших в военных конфликтах современной эпохи в специальных вместилищах, транспортируемые преимущественно воздушным путем, осмысляемые как перевозимый неодушевленный объект с номером, выраженным произвольно выбранным круглым числом’;

черный тюльпан ‘самолет, который перевозит останки погибших в военных конфликтах современной эпохи, осмысляемый как цветок нехарактерного цвета, символизирующего смерть’;

места не столь отдаленные ‘тюрьма, лагерь и т.п., осмысляемые как легкодоступные места в противопоставлении местам, в которые трудно попасть’.

Само существование эвфемизмов указанных типов объясняется тем, что их внутренняя форма в определенном смысле «подавляет» те смыслы, которые воспринимаются как неприличные или табуированные. Внутренняя форма эвфемизмов настолько значима, что впору именно ее рассматривать как коммуникативный фокус, опуская денотативные аспекты семантики в более глубокие слои плана содержания.

7. Внутренняя форма и синонимия

В русской идиоматике обнаруживаются ряды идиом с практически совпадающим актуальным значением. Таковы, например, идиомы, выражающие идею неуместности:

{– Ну?} – Баранки гну; {– Где?} – У тебя на бороде; {– Откуда?} – От верблюда; {– ...товарищ...} – Тамбовский волк тебе товарищ / Твои товарищи в Брянском лесу бегают, хвостами машут; {– Куда?} – На кудыкину гору; {– ...товарищ...} – Гусь свинье не товарищ; {– Кто?} – Дед Пихто; {– Ну?} – Дышло гну; {– Ну?} – Когда запряжешь, тогда и будешь нукать; {– Ну?} – [Не нукай,] не запряг [ещё]; {– Почему?} – По кочану; {– Где?} – В Караганде; {– Кто?} – Конь в пальто; {– Говорят...} – Кур доят; {– Потом.} – Суп с котом; {– Куда?} – На улицу Труда; {– Почему?} – [Потому что «почему»] кончается на «у».

Указание на неуместность образует актуальное значение всех идиом указанного типа. Вторая группа синонимичных выражений — идиомы с эксплицитным сравнением, указывающие на ненужность чего-либо:

нужен как дырка в голове (кто-л. / что-л. кому-л.); нужен как зайцу стоп-сигнал / бубен / триппер / модная болезнь / колокольчик / профсоюз... (кто-л. / что-л. кому-л.); нужен как козе баян (кто-л. / что-л. кому-л.); нужен как пятое колесо в телеге (кто-л. / что-л. кому-л.); нужен как попу гармонь (кто-л. / что-л. кому-л.); нужен как рыбе зонтик (кто-л. / что-л. кому-л.); нужен как собаке пятая нога (кто-л. / что-л. кому-л.); нужен как ежу моторная лодка (кто-л. / что-л. кому-л.).

Если не принимать во внимание внутреннюю форму, то столь значительная избыточность рядов идиом данных двух групп становится совершенно необъяснимой. Действительно, зачем языку, его лексической системе такое количество единиц с фактически идентичным актуальным значением? Избыточность языковой системы — вполне рядовое явление, но не до такой же степени. Между тем очевидно, что идиомы в приведенных рядах отличаются только внутренней формой. Именно она и является обоснованием и оправданием существования кажущейся избыточности. Образ в естественно-языковой коммуникации не менее важен, чем информация, заложенная в актуальном значении.

8. Внутренняя форма в судебных тяжбах

Фразеологизмы (и идиомы, в частности) регулярно оказываются предметом спора в судебных делах по статье 152 ГК РФ — защита чести и достоинства, а также по статье об оскорблении. Однако часто встречающиеся в исках утверждения о том, что сама внутренняя форма является источником унижения чести и достоинства или оскорблением, обоснованы, пожалуй, только по отношению к обценным, неприличным и бранным фразеологизмам (да и то не всегда). В остальных же случаях это вряд ли правомерно. Так, в одном из исков выражение *плод безумного / больного / болезненного воображения* было понято как унижение чести и достоинства на том основании, что истец, которому была адресована эта идиома, будто бы отнесен ответчиком к сумасшедшим. Очевидно, однако, что это не так. Для этого достаточно посмотреть на типичные примеры использования спорного фразеологизма, представленные в современной публицистике: *Вообще, женщина модерна — мистификация, плод болезненного воображения художников* [Независимая газета]; *Проблем между офицерами, генералами армии и МВД не существует, это плод больного воображения* [Независимая газета]. Очевидно, что в этих примерах не имеется в виду психическое расстройство. Можно говорить лишь о том, что какие-то утверждения оцениваются как нелепые, причем нелепость описывается, осмысливается и мотивируется как результат каких-то психических отклонений.

Отметим, что ошибочное отождествление российскими судами внутренней формы фразеологизма *Ни стыда, ни совести!* с его актуальным значением явилось причиной удовлетворения Европейским судом по правам человека жалобы в деле «Гринберг против России»⁵⁴. ЕСПЧ пришел к выводу, что употребление данной формы не является утверждением об отсутствии у чиновника стыда и совести.

Смешение актуального значения и внутренней формы в исках такого рода с определенностью указывает на то, что для носителей языка — участников процессов о защите чести и достоинства — это

⁵⁴ См. перевод решения Европейского суда по правам человека по этому делу в [Резник, Скловский 2006: 129 и далее].

феномены одной природы, и внутренняя форма — существенная часть плана содержания идиомы, не менее важная для носителя языка, чем ее актуальное значение.

9. Внутренняя форма в словарях и научных описаниях

В существующих и активно используемых фразеологических словарях современного русского языка опыт экспликации внутренней формы отсутствует. Известные фразеологические словари английского, немецкого и французского языков также не включают этот компонент плана содержания идиом в толкования. Однако в русской фразеографии такой опыт имеется. Первый опыт пояснения в толковании внутренней формы представлен в словаре М.И. Михельсона, в котором прием экспликации образной составляющей используется почти регулярно. Ср. толкование идиом *подставить ногу*, *под освещением* и *без прелюдий*:

подставить ногу: «подгадить кому (как поступают в борьбе, чтобы повалить противника)»;

под освещением: «представлением чего-либо в известном виде — в известном свете (намек на освещение картин краской и на изображение света и всех изменений и оттенков его; а также на вид предмета в зависимости от более или менее удачного освещения его)»;

без прелюдий: «без лишних слов, без предисловий, прямо к делу (намек на прелюдию музыкальную, служащую как бы введением для самой пьесы)».

В приведенных толкованиях из словаря М.И. Михельсона внутренняя форма эксплицируется в скобках, причем в качестве оператора, вводящего этот компонент плана содержания слова, используется слово ‘намек’, а также сравнительный оборот ‘как [бы]’. В последующей лексикографической практике эта идея была прочно забыта, а идея использования соответствующей техники толкования — потеряна. Тем не менее на уровне интуиции она обнаруживает себя в дефинициях современных толковых словарей. Так, в МАС — «Малом академическом словаре» — обнаруживаем: «**Как часы** (работать, действовать и т. п.) — точно, бесперебойно, **подобно** [выделено нами. — А.Б., Д.Д.] ходу часов»; «в *знач. нареч.* **дождём**. Обильным потоком, во множестве; **подобно** [выделено нами. —

А.Б., Д.Д.] дождю». Компонент толкования 'подобно' в словарных дефинициях МАС может рассматриваться как оператор введения внутренней формы.

Интересно, что хотя в целом практика составления фразеологических словарей — в отличие от теоретической семантики — фактически отказалась от попыток экспликации внутренней формы, недостаточность мотивации актуального значения часто компенсировалась этимолого-культурным комментарием, факультативно вводимым составителями словарей. Например, идиома *чертова дюжина* сопровождается во фразеологическом словаре под ред. А.И. Молоткова комментарием, завершающим словарную статью: «По суеверным представлениям — число тринадцать — несчастливое число» [ФСРЯ].

В противоположность словарной традиции, в научных исследованиях по семантике роль внутренней формы в формировании значений вполне осознавалась, и во многих случаях экспликация внутренней формы ощущалась как совершенно необходимая. Так, семантическая сущность коннотаций прямо связана со сравнением, или, как пишет Ю.Д. Апресян, с «компаративностью» [Апресян 1995а: 169], которая вслед за И.А. Мельчуком и А.К. Жолковским [ТКС] отображается в толковании компонентом 'как бы', причем этот компонент (в исследовании Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука) интерпретируется как вводящий внутреннюю форму смысла: «Этот компонент... задает «внутреннюю форму» смысла, его образную структуру, его, так сказать, семантическую этимологию» [Иорданская, Мельчук 1980: 204]. Ср. приводимое в [Апресян 1995а: 169] толкование терминологического слова *пасынок* как 'боковой побег растения — **как бы** [выделено нами. — А.Б., Д.Д.] *пасынок* 1 по коннотации не основного'. Оператор 'как бы' в данном случае позволяет установить эксплицитную связь с породившим его значением.

В книге Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука «Смысл и сочетаемость в словаре» приводится хороший пример на экспликацию внутренней формы. Анализируя немецкую идиому *ins Schlepptau nehmen* и ее русский эквивалент *взять на буксир*, авторы предлагают следующее толкование: «*X nimmt Y ins Schlepptau* / *X берем Y-а на буксир* <...> 'X начинает помогать Y-у, как если бы X и Y были два судна и X взял Y-а на буксир' (подчеркнут семантический мо-

стик, т.е. нетривиальный общий компонент в смысле двух выражений)» [Иорданская, Мельчук 2007: 294]. Отметим, что предлагаемое толкование необычно для концепции модели «Смысл–Текст», в которой наличие образной составляющей в семантике идиомы отрицается.

В многолетнем лексикографическом проекте описания русской фразеологии, проводящемся под руководством авторов, разработан специальный семантический метаязык и техники толкования, которые позволяют учесть вклад внутренней формы в план содержания фразеологизма. Ср. следующие примеры из ФОС:

вагон и маленькая тележка (чего-л.) = ‘чего-л., осмысляемого как содержимое вместилца, больше, чем нужно — не просто очень большое количество, но даже немного больше’;

выйти сухим из воды = ‘оказавшись в опасной ситуации, во многом (а то и полностью) обусловленной собственными действиями, нарушающими те или иные общественные нормы и правила, избегнуть наказания за сделанное, *уподобившись человеку, способному сделать невозможное и противоречащее известным физическим законам*’;

носить воду решетом = ‘заниматься какой-л. целенаправленной деятельностью, используя заведомо не подходящие для этого средства, что с неизбежностью приводит к неудаче’.

В первом толковании внутренняя форма вводится оператором ‘осмысляемый’, во втором — оператором ‘уподобившись’. В третьей идиоме использован имплицитный способ передачи семантики внутренней формы. Компонент толкования ‘используя заведомо не подходящие для этого средства’ одновременно является частью актуального значения и указанием на внутреннюю форму, в основе которой лежит идея выбора инструмента, не подходящего для ношения воды.

Отметим, что, как было показано выше, экспликация в толковании внутренней формы оправдана лишь в тех случаях, когда образная мотивация актуального значения реально ощущается.

* * *

Таким образом, внутренняя форма фразеологизма является существенной частью его плана содержания. Внутренняя форма —

это не дословно прочитанная лексическая структура, а образ, на который указывает эта лексическая структура. Так, значение идиомы *положить на лопатки* мотивировано не идеей перемещения человека в горизонтальное положение на спину, когда спина соприкасается лопатками с любой горизонтальной поверхностью, а знанием о том, как происходит спортивная борьба, т.е. тем, что описанное положение человека означает его поражение и победу его соперника. Иными словами, внутренняя форма — это часть знаний о мире.

Можно спорить по поводу отнесения этой внутренней формы к значению фразеологизма в узком понимании, но очевидно, что описание семантики фразеологизмов без отражения внутренней формы окажется заведомо неполным. Включение внутренней формы в толкование продуктивно для фразеологизмов, в которых образ жив и хорошо ощущается носителями языка. Игнорирование внутренней формы как существенной части семантики идиом и, соответственно, части модели значения фразеологизмов искусственно сужает инструментарий лексикографа и ограничивает возможности объяснения устройства фразеологической системы, а также значения и употребления идиом.

Задание 1. Ниже даются толкования значения трех идиом. Определите ту часть толкования, которая относится к внутренней форме.

ваньку валять (в одном из значений) = ‘нарочито делать что-то странное (часто глупое) и смешное, как бы изображая другого человека, пытаясь получить положительную реакцию у окружающих, что воспринимается как неуместное поведение, вызывающее смешанное чувство неловкости и недовольства, и ассоциируется с поведением простого, необразованного и недалекого человека, названного простым русским мужским именем’;

[всё] как у людей (у кого-л. / где-л.) = ‘так, как это представляется правильным и типичным для группы людей, мнение и образ жизни которой значимы для говорящего’;

слаб на голову = ‘человек, неспособный интенсивно думать и решать даже относительно простые мыслительные задачи, мыслительная немощь которого соотносится с физической и распространяется на часть тела, воспринимаемую как средоточие мышления’.

Задание 2. Опишите своими словами образную часть семантики следующих идиом: *не в себе, сойти с ума, как надо* (в примерах типа *болел ангиной как надо: с температурой 40, сильной интоксикацией*), *как не в себя* (в примерах типа *жрет как не в себя*), *сдвиг по фазе*.

Задание 3. Фразеологизмы часто используются в языковой игре. Один из приемов заключается в актуализации внутренней формы: когда образ, лежащий в основе идиомы, обсуждается в тексте. Найдите случаи использования этого приема в следующих ниже примерах, а также объясните сущность возникающего комического эффекта.

Каждый крупный поэт имеет свой язык, сказал Распашонка. У меня свой голос и свой язык. Попридержи свой язык, сказал Начальник. А не то останешься без голоса [А. Зиновьев. Зияющие высоты];

Пока что скажем только, что Орлов был очень близок с Фишерабелем. Не так близок, как они друг с другом, но близок. Опять же — ничего дурного, поскольку Орлов был женат. Просто он был начальником, а Фишерабель — его правой и левой рукой одновременно. Обе, как я сказал, грязные [И. Бродский. Коллекционный экземпляр];

Дождь сделал свое мокрое дело и ушел на другую войну, не добрый, не злой, его не посадишь за решетку, на хлеб и воду, смоемся, он, зверь, дождик, до смерти промочит, может убить, будет капать на мозги, пока не прикончит, тюк-тюк [В. Нарбикова. Равновесие света дневных и ночных звезд].

Задание 4. Внутренняя форма многих идиом влияет на их актуальное значение. Хорошее толкование должно отражать это влияние. Например, значение идиомы *вставить перо в бок (кому-л.)* в самом общем плане можно описать как ‘зарезать кого-л.’. Очевидно, однако, что эту интерпретацию нельзя считать точной. Действительно, о человеке, убитом ножом в горло, нельзя сказать, что ему вставили перо в бок. С другой стороны, как инструмент убийства не может выступать относительно массивное холодное оружие типа меча или сабли. Не может быть орудием убийства и копье или рапира. Ясно также, что результат действия, описываемого данной идиомой, не обязательно смерть человека. Из фразы *ему вставили перо в бок* в зависимости от контекста следует, что его либо убили, либо ранили. Такой анализ позволяет наметить основные части толкования: 1) результат действия — смерть или ранение человека; 2) инструмент действия — небольшое холодное

оружие типа ножа; 3) область ранения — туловище. Все три компонента непосредственно следуют из внутренней формы: слово *перо* в жаргоне обозначает небольшое холодное оружие; слово *бок* указывает на область ранения; точный характер физического ущерба — ранение или смерть — во внутренней форме не фиксирован.

Отметим, что не все компоненты толкования вытекают из внутренней формы. Так, идея того, что действие «вставить перо в бок» часто происходит вероломно и неожиданно для жертвы, из внутренней формы никак не следует. Тем не менее косвенно эта идея может связываться с небольшими размерами оружия. Таким образом, толкование значения идиомы *вставить перо в бок (кому-л.)* в контекстах типа *За такие штучки разговор короткий — вставят перо в бок, и все дела* выйдет следующим образом:

‘убить или ранить кого-л. ножом или другим небольшим холодным оружием того же типа (часто вероломно, неожиданно для жертвы), причинив ранение в области туловища’.

Найдите в ФОС идиомы, внутренняя форма которых столь же сильно влияет на их актуальное значение.

Рекомендованная литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиомы в словаре: толкование образа и стилистические характеристики // Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009. С. 8—12 [обсуждение способов отражения внутренней формы в словарном толковании].

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2, СПб., 1902—1903 [отдельные словарные статьи с выделением внутренней формы как компонента толкования].

Потебня А.А. Мысль и язык. Изд. 2. Харьков, 1892. С. 90—111 [соотношение внутренней формы, этимологии и психологических факторов восприятия].

ФРАЗЕОГРАФИЯ — СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Во фразеологических словарях объектом описания являются фразеологизмы различных типов — чаще всего идиомы. Лингвистическая дисциплина, занимающаяся разработкой принципов создания фразеологических словарей и обобщающая имеющийся опыт в данной практической области, называется **фразеографией**. Следует сразу отметить, что словари пословиц, поговорок, коллокаций и крылатых слов обычно не называются фразеологическими, хотя описываемые в них единицы относятся к фразеологизмам. Словари, в которых описываются пословицы, крылатые слова или коллокации, скорее, принято называть соответственно словарями пословиц, крылатых слов и словарями устойчивых словосочетаний.

В лексикографии существует разграничение нормативных и дескриптивных словарей. Нормативные словари определяют лексические нормы литературного языка, а дескриптивные — фиксируют имеющуюся практику употребления, как в литературном языке, так и в других сферах бытования языка (разговорный язык, жаргоны и т.д.). Во фразеографии традиционное разграничение нормативных и дескриптивных словарей отсутствует⁵⁵. Это связано, во-первых, с тем, что сам объект описания довольно изменчив, а во-вторых — с тем, что задача нормативности фразеологии не ставилась. Дело в том, что значительная часть идиоматики разговорна или в той или иной мере снижена. Хотя и в сфере разговорной речи, и при употреблении сниженных идиом есть свои нормы, они не кодифицированы в литературном языке и относятся к дискурсивным практикам — предпочтениям, принятым в данном типе дискурса.

⁵⁵ Отметим, что в традиционной лексикографии разграничение нормативных и дескриптивных словарей не всегда проводится достаточно четко. Так, в МАСе представлена не только лексика литературного языка, но и областная и просторечная. Тем не менее МАС считается нормативным словарем. На это указывается и в его предисловии.

Пожалуй, только для коллокаций требования нормативности могут быть выполнены в полной мере. Это объясняется тем, что варьирование в этом классе фразеологизмов ограничено в максимальной степени. Действительно, если наряду с глаголом *принимать* в коллокации *принимать решение* можно было бы использовать любой другой глагол с общей семантикой действия — например, **сделать решение*, **взять решение* (как в английском языке; ср. *to take / to take a decision*), **встретить решение* (как в немецком языке; ср. *eine Entscheidung treffen*), — то данная коллокация разрушилась бы, превратившись в свободное словосочетание. Таким образом, словари коллокаций фиксируют нормативное употребление, что отличает их от словарей идиом, поскольку многие идиомы допускают широкое варьирование формы.

Во фразеографии выделяются и другие типы филологических словарей, представленных в лексикографии в целом. Так, существуют толковые, синонимические, этимологические, учебные, одно- и двуязычные фразеологические словари, словари-тезаурусы, или идеографические словари.

Цель толковых словарей заключается в описании значения фразеологизмов. До последнего времени самым распространенным толковым словарем в этой сфере был многократно переиздававшийся «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова (1-е изд. 1967) [ФСРЯ]. В 90 годах XX в. выходит «Фразеологический словарь русского литературного языка» под ред. А.И. Федорова, который включает как словник словаря А.И. Молоткова, так и другие — в основном устаревшие и диалектные — идиомы (одно из его изданий вышло в 2000 г.) [ФСРЛЯ]. К толковым следует отнести и известный словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое» [Михельсон 1902—1903], который, не являясь чисто фразеологическим, кроме толкования, содержит также информацию о происхождении толкуемых выражений и их параллелях в других языках. Отметим, что традиция пояснения в толковании внутренней формы восходит именно к этому словарю. Например, идиома *воды подлить* толкуется в этом словаре как ‘ослабить, уменьшить крепость’ и сопровождается комментарием ‘как бы разбавить’, который отражает внутреннюю форму этой идиомы. Современная лексическая семантика лишь совсем недав-

но осознала важность этой части плана содержания фразеологизмов (см. подробнее главу 5).

Существуют также синонимические фразеологические словари (например, [Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987; Бирих, Мокиенко, Степанова 1997]). В словаре [Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987] синонимический ряд начинается фразеологизмами с наиболее общим значением и, по возможности, нейтральной стилистической окраской, а заканчивается устаревающими и устаревшими единицами. Так, синонимический ряд с семантикой 'пьяный' начинается идиомой *под мухой*, а завершается идиомами *на развязях* и *в разу*. Всего этот словарь включает около 730 рядов фразеологических синонимов. В качестве примеров используется материал художественной литературы и публицистики.

В качестве иллюстрации приведем отдельные фрагменты словарной статьи синонимического ряда с общим значением 'ничего не делать, заниматься чем-то малозначимым'. Словарная статья начинается перечислением идиом, входящих в данный синонимический ряд, со стилистическими пометами:

БИТЬ БАКЛУШИ (разг., неодобр.), **ВАЛЯТЬ ДУРАКА** (прост., неодобр.), **ЛОДЫРЯ ГОНЯТЬ** (разг., неодобр.), **ЛЕЖАТЬ НА БОКУ** (разг., неодобр.), **ЛЕЖАТЬ НА ПЕЧИ (НА ПЕЧКЕ)** (разг., неодобр.), **СИДЕТЬ СЛОЖА РУКИ** (разг., неодобр.), **ПЛЕВАТЬ (ПОПЛЕВАТЬ) В ПОТОЛОК** (прост., неодобр.), **СЧИТАТЬ ВОРОН (ГАЛОК)** (разг., неодобр.), **МУХ СЧИТАТЬ (ЛОВИТЬ)** (разг., неодобр.), **ГРУШИ ОКОЛАЧИВАТЬ** (прост., неодобр.), **СОБАК ГОНЯТЬ** (прост., неодобр.), **ГОЛУБЕЙ ГОНЯТЬ** (разг., неодобр.), **ПРОДАВАТЬ ГЛАЗА** (прост., неодобр.), **ПЕНЬ КОЛОТИТЬ <ДА> ДЕНЬ ПРОВОДИТЬ** (разг., неодобр.).

После этого даются указания на некоторые грамматические особенности, в частности на употребительность отдельных видовых форм (точнее, на способ действия). Весь синонимический ряд делится далее на отдельные подряды, каждому из которых дается толкование. Например, идиомы *собак гонять* и *голубей гонять* толкуются как 'отлынивая от дел, растрчивать время и силы на что-л. заведомо бесполезное'. В качестве такого подмножества ряда может выступать и одна идиома, ср. *сидеть сложа руки* 'бездействовать, проявляя пассивность'. В зоне иллюстраций приводятся примеры употребления на каждую из идиом ряда с указанием автора и источника примера.

Заключается словарная статья зоной, в которой указывается близкий по значению («соотносительный») синонимический ряд фразеологизмов. Так, в рассматриваемой словарной статье приводится следующий соотносительный ряд⁵⁶: *палец / пальцем о палец не ударить, пальцем не шевельнуть [не пошевелинуть, не пошевелить], не сделать [лишнего] шагу / шага*. Кроме того, дается соотносительный ряд слов со ссылкой на «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой: *бездельничать, лентяйничать, лодырничать, лоботрясничать, балбесничать, баклушничать, шалопайничать, повесничать, шалберничать*.

Словарь [Бирих, Мокиенко, Степанова 1997] существенно меньше по объему, поскольку не содержит иллюстративных примеров. В отличие от словаря [Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987], в этом издании каждый синонимический ряд вводится однословной доминантой. Так, ряд *стреляный воробей, старый волк, тёртый калач, выдавший виды* и т.п. вводится доминантой-прилагательным *опытный*.

Сфера двуязычной лексикографии традиционно очень широка, что объясняется ее практической значимостью. Фразеологические словари занимают в ней значительное место. В настоящее время имеются двуязычные фразеологические словари для основных европейских языков. Таковы, например, англо-русский словарь А.В. Кунина [1984] и русско-английские словари В.В. Гуревича и Ж.А. Дозорец [2005], а также С.И. Лубенской [2004]; немецко-русский словарь Л.Э. Биновича и Н.Н. Гришина [1975]; итальянско-русский — Т.З. Черданцевой, Я.И. Рецкера и Г.Ф. Зорько [1982]; французско-русский — В.Г. Гака, Л.А. Мурадовой и И.А. Будницкой [2006]; испанско-русский — Э.И. Левинтовой, Е.М. Вольф, Н.А. Мовшович и др. [1985]. Стратегии толкования фразеологизмов в двуязычных словарях различны. Их можно разделить на два основных типа. Если в одном случае фразеологизмам одного языка сопоставляются наиболее близкие по значению фразеологиче-

⁵⁶ Соотносительными называются такие синонимические ряды, члены которых близки по семантике, но различаются категориальной принадлежностью. Ср. выражение идеи опытности в синонимических рядах *видал виды, прошел огонь и воду [и медные трубы], прошел все круги ада*, с одной стороны, и *стреляный воробей, тёртый калач, матёрый волк* — с другой. Как следует из словаря [Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987], соотносительным синонимическим рядом может быть не только ряд идиом, но и ряд обычных слов.

ские единицы другого («целевого») языка, то в другом — значение фразеологизмов исходного языка поясняется в виде развернутого толкования на «целевом» языке⁵⁷. С теоретической точки зрения вторая стратегия предпочтительна, поскольку, как показывает материал сопоставления различных языков, точные фразеологические эквиваленты между языками крайне редки (см. подробнее главу 9). Первая стратегия теоретически оправдана в случае, когда указываются условия применимости приводимых эквивалентов. С практической точки зрения эта стратегия более обоснована в силу того, что она в большей степени отвечает задачам перевода и более традиционна.

Чисто исторических словарей фразеологии, в которых рассматриваются изменения формы и значения фразеологизмов на достаточно длительном промежутке времени, для русского языка нет. Нет данных о существовании таких словарных изданий и для западноевропейских языков. «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко и Л.И. Степановой [2005], имеющий подзаголовок «Историко-этимологический справочник», является по сути этимологическим словарем, в котором излагаются различные версии о происхождении того или иного фразеологизма, представленные в существующей литературе — вплоть до народных этимологий. Отсутствие исторических словарей фразеологии объясняется тем, что для их создания необходим богатый материал о возникновении и развитии каждого фразеологизма на разных этапах жизни языка. Для русского языка к настоящему времени такой материал пока не собран.

Еще один тип словарей — страноведческие фразеологические словари. Они совмещают собственно лингвистическую и экстралингвистическую информацию. По сути это учебные издания, предназначенные для изучения русского языка как иностранного, — см., например, [Фелицына, Мокиенко 1990].

Часто словари описывают некоторые отдельные аспекты функционирования фразеологизмов. Так, в словаре [Мелерович, Мокиенко 1997] основное внимание обращается на варьирование формы

⁵⁷ Заметим, что в словаре [Гуревич, Дозорец 2005] в качестве языка толкования выступает исходный язык, т.е. русский. Это фактически превращает данный словарь в одноязычный — причем с подробно разработанной структурой словарной статьи и хорошими толкованиями.

фразеологических единиц, а во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» — на образ, внутреннюю форму, лежащую в основе значения [ФОС]. Культурологический аспект фразеологии представлен в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телии [БФС]. К «аспектным» словарям следует отнести также двухтомный словарь под ред. А.И. Федорова [1991]. Его словник включает только те фразеологические единицы, которые не вошли во «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова. Это по большей части устаревшая фразеология конца XVIII—XIX вв., а также фразеология диалектов Сибири.

Для учебных целей создаются специальные фразеологические словари (ср. словарь Н.М. Шанского, В.И. Зимина и А.В. Филиппова [1995], а также словарь Н.М. Шанского и Е.А. Быстровой [1987]). При изучении иностранного языка очень важным оказывается знание коллокаций, поскольку учащиеся часто делают ошибки на выбор коллокатора, ориентируясь на свой родной язык. Между тем таких словарей явно недостаточно. Для английского языка это словарные издания [Бенсон, Бенсон, Илсон 1990] и [APCГC], для немецкого — [Agricola 1992], для французского — [Zinglé 2003] и [DCM]. Для русского языка в настоящее время существует небольшой, но теоретически перспективный словарь Е.Г. Борисовой [1995].

Некоторые известные типы филологических словарей во фразеографии отсутствуют. Так, для фразеологизмов нет частотных словарей, обратных словарей, словарей омонимов и антонимов (иногда соответствующие разделы присутствуют в толковых фразеологических словарях — ср., например, выделение «фразеологических оборотов-антонимов» в словаре Н.М. Шанского, Е.А. Быстровой и В.И. Зимина [1988]). Отсутствие некоторых типов словарей с очевидностью объясняется спецификой фразеологической системы. Так, обратные словари для фразеологии бессмысленны, поскольку фразеологизмы представляют собой словосочетания — часто со свободным или частично свободным порядком слов. Словари омонимов или антонимов также вряд ли будут полезны, поскольку эти типы семантических отношений не распространены во фразеологической системе. Частотные словари могли бы найти применение, если бы они основывались на представительных корпусах, характеризующих отдельные речевые жанры.

До последнего времени не было и фразеологических тезаурусов, хотя отдельные словари с тематической классификацией фразеологизмов имелись (ср. «Русская фразеология» Р.И. Яранцева [1997]). С выходом в свет в 2007 г. «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» [Тезаурус] эта лакуна заполнилась. Этот словарь на данный момент является самым полным по словнику идиом русского языка и самым современным по корпусу примеров. Отметим, что с выпуском «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» начинается новый этап в развитии русской лексикографии, поскольку это первый большой словарь, иллюстративный материал которого составлен на основе обработки представительных электронных корпусов текстов.

Весьма полный словник фразеологизмов представлен также в «Большом русско-английском фразеологическом словаре» С.И. Лубенской [2004]. Помимо переводных эквивалентов и модели управления (для глагольных идиом), этот словарь содержит также толкования русских фразеологизмов на английском языке. Выбранная форма представления и принципы описания фразеологизмов соответствуют самым высоким лексикографическим стандартам.

Рассмотрим типовую структуру словарной статьи фразеологического словаря.

Словарная статья фразеологических толковых словарей состоит из нескольких зон, среди которых обычно выделяется лексический вход (вокабула, лемма или «черное слово»), стилистические пометы, толкование и иллюстративные примеры. Ср. типичную словарную статью из фразеологического словаря под редакцией А.И. Молоткова:

МЕТАТЬ ИКРУ. Груб.-прост. Поднимать шум, ругаться, браниться, возмущаться и т.п. Обычно по пустякам. *Чуть попал в столоначальники, уж и норовит икру метать.* Салтыков-Щедрин, Губернские очерки. *[Одна барыня] очень искренне... бранилась с своими горничными девками, искренне метала икру, т.е. выбрасывала перед другими весь душевный сор, какой наносило ей ветром в голову или сердце.* Ап. Григорьев, И.С. Тургенев и его деятельность.

В двуязычных словарях для описания семантики фразеологизма и его синтаксического окружения используются другие средства — в стандартном случае переводные эквиваленты, а в словаре

С.И. Лубенской, как уже было сказано, еще и толкования на языке-цели (языке, на который осуществляется перевод):

МЕТАТЬ ИКРУ *substand, rude* [VP, subj: human] to make a loud and unpleasant fuss (usu. over sth. trivial), express one's anger in an outward, sometimes offensive, manner: X мечет икру ≈ **X is kicking up a fuss; X is raising <making> a stink.**

Синонимические фразеологические словари используют в качестве лексического входа синонимический ряд. Так, в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» В.П. Жукова, М.И. Сидоренко и В.Т. Шклярова [1987] идиома *метать икру* включена в соответствующий синонимический ряд и описана следующим образом:

МЕТАТЬ ГРОМЫ <И МОЛНИИ> (ГРОМЫ-МОЛНИИ) (*разг.*), **МЕТАТЬ ИКРУ** (*груб.-прост., неодобр.*). Употр. при подлежащ. со знач. лица. Произносить гневные речи, прибегать к ругани, выражая свое недовольство, возмущение кем-, чем-л. **Метать икру** — грубо и резко выражать недовольство, поднимать шум (часто по пустякам).

<...> — *Ты вот что, Валдаев, скажи-ка тихонько ретивому Титу: пусть не психует, не мечет икру.* Г. Коновалов. Истоки. Раздался вопль кока: распаялся пустой чайник. Какой ишак выпорожил его и снова поставил на раскаленную плитку?! И обычно тихий кок продолжал **метать икру** с нездешной силой. С. Славич. На морской дороге.

Ср. Выходить из себя, не помнить (терять) себя, лезть на стену (на стенку), рвать и метать, срываться с тормозов, срываться с нарезов. | Лезть в бутылку, лезть в пузырь. | Браниться, ругаться, выражаться, чертыхаться, лаяться, собачиться, сволочиться <...>

Сопоставление словарных статей из толкового, двуязычного и синонимического словарей показывает, что как состав зон словарной статьи, так и их наполнение языковым материалом определяется типом словаря, его задачами и аудиторией, на которую он рассчитан.

Отметим, что помещение в один синонимический ряд идиом *метать громы и молнии* и *метать икру*, как это сделано в приведенном примере из синонимического фразеологического словаря, вряд ли оправданно: эти идиомы различаются как по актуальному значению, так и по внутренней форме. Их объединяет только глагол *метать*, который, однако, реализуется в формах *метать громы*

и молнии и метать икру в разных значениях. Иными словами, сходство оказывается чисто формальным.

Структурно фразеологические словари содержат, помимо собственно корпуса словарных статей, вспомогательные средства, которые позволяют найти фразеологизм по его различным компонентам. Для этого используются либо указатели, либо отсылочные статьи. Еще одна характерная особенность фразеологических словарей — необходимость отражения варьирования формы словарного входа (ср. приведенные выше примеры словарных статей).

Основная проблема создания фразеологических словарей — это формирование словника и сбор корпуса примеров. Поиск контекстов употребления отнимал значительное количество времени (часто десятки лет), что делало практически невозможным создание словарей с аутентичным набором примеров. По тем же причинам до последнего времени отсутствовали словари новейшей фразеологии. Использование компьютерных технологий — баз данных и корпусов текстов — позволяет оптимизировать процедуру организации словника фразеологического словаря и сбор иллюстративных примеров.

Задание 1. Словарная статья фразеологического словаря включает несколько зон — типов лексикографической информации о толкуемом фразеологизме. В обычном случае в словарной статье выделяются такие зоны, как лемма (или лексический вход), стилистическая помета, толкование, примеры употребления, источники примеров. Зоны часто имеют иерархическую структуру. Так, зона источника примеров (произведение, автор) является частью зоны примеров. Определите и опишите в свободной форме структуру словарной статьи «Большого фразеологического словаря русского языка» под ред. В.Н. Телии [БФС].

Задание 2. Фразеологический словарь имеет свою макроструктуру: предисловие, статью о пользовании, список лексикографических источников, корпус словарных статей, а также в ряде случаев различные указатели. Некоторые фразеологические словари имеют более сложную макроструктуру. Определите и опишите в свободной форме макроструктуру «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [Тезаурус].

Задание 3. Найдите фразеологические словари изучаемого вами иностранного языка. Дайте им характеристику: макроструктура, структура словарной статьи, словник, корпус примеров, способы толкования значения, история создания.

Задание 4. Словарная статья словаря С.И. Лубенской [2004] содержит зоны, отсутствующие в традиционных фразеологических словарях. Выявите и охарактеризуйте их.

Рекомендованная литература

Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.: Л., 1964. С. 6—50 [принципы создания академического фразеологического словаря русского языка, структура словарной статьи].

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиомы в толковом словаре // А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. С. 421—424 [обоснование проекта русского фразеологического словаря]; С. 432—454 [источники словаря и примеры словарных статей].

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиомы в словаре: толкование образа и стилистические характеристики // Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009. С. 7—12 [принципы отбора словника и особенности толкования]; С. 16—26 [структура словарной статьи].

Лубенская С.И. Как пользоваться словарем // С.И. Лубенская. Большой русско-английский фразеологический словарь. М., 2004. С. xi-xxv [принципы отбора словника и структура словарной статьи].

Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1967. С. 7—23 [характеристика фразеологизмов русского языка как объекта словарного описания].

Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977. С. 238—257 [принципы лексикографического описания фразеологизмов].

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ

В существующей традиции стиль фразеологизмов связывается с их индивидуальным употреблением, т.е. с теми особенностями их использования, которые характеризуют специфику авторского стиля. В этом случае в центре внимания оказываются нестандартные употребления фразеологизмов — те или иные девиации их формы и значения. Именно такое понимание представлено, например, у Д.Н. Шмелева [1977: 320—327]. Сходные идеи о проявлении стилистических свойств идиом в нестандартных употреблениях в дискурсе обнаруживаются и в современной литературе. В одной из последних работ по теории стиля во фразеологии [Naciscione 2010] граница между стандартными и нестандартными употреблениями стирается, а значительная часть авторских девиаций рассматривается как реализация потенциалов фразеологической системы.

Естественно, однако, исходить из того, что фразеологизмам, как и просто словам, свойственны стилистические характеристики, вне зависимости от того, употребляются ли они в стандартных или игровых контекстах. Тем самым задача стилистики в области фразеологии — это описание этих характеристик, их классификация, а также выявление правил, по которым стилистические пометы могут приписываться фразеологизмам в словаре.

1. Чем характеризуется стилистическое своеобразие фразеологии

В основе феномена стиля (и не только в языке) лежит идея выбора. Стилистическая окрашенность речи появляется только там, где есть возможность выбора различных номинаций одного и того же. Так, специальная терминология ущербна с точки зрения стиля из-за того, что в специальных подъязыках ограничена синонимия. Например, идиома *Бермудский треугольник* относится к нейтраль-

ному стилю, поскольку соответствующий феномен действительно не имеет другого общепринятого наименования. Однако производное значение этой идиомы (что-то вроде 'область, полная тайн и загадок') оказывается стилистически маркированным, поскольку здесь у говорящего есть выбор. Ср. *Для любого возраста, пола, профессии, на любой вкус есть свой «бермудский треугольник», из которых люди все-таки возвращаются живыми* [Корпус Публ.]. Аналогично идиома *сойти с ума* (и ее каузатив *свести с ума*), несмотря на относительную живость внутренней формы (метафора перемещения вниз), является стилистически нейтральной. Есть, конечно, и другие номинации (сочетание терминов *психическое расстройство* или *психическое заболевание* с различными глаголами), но они ограничены рамками специальной профессиональной области.

Современная теория стилистики в отечественной науке в значительной степени опирается на работы В.В. Виноградова о функциональных стилях. В книге «Проблемы русской стилистики» [Виноградов 1981] и в более ранних работах было сформулировано представление о трех аспектах стилистики: стилистике языка, стилистике речи и стилистике художественной речи.

Несмотря на глубокую проработку проблемы стилистической дифференциации лексики в отечественной традиции, распределение фразеологизмов по различным стилевым регистрам и жанрам речи не нашло удовлетворительного решения в существующей научной и словарной литературе. Дело в том, что большинство свойств слов и фразеологизмов, традиционно описывающихся как стилистические, довольно разнородны и характеризуют использование лексики в конкретных типах дискурсов (ср. понятие «стилистики речи», по В.В. Виноградову). На это членение накладывается чисто регистровое распределение слов — ср. оппозицию «высокое vs. сниженное», а также временную дифференциацию лексики на современные и устаревшие единицы.

Исследователи, работающие в области лексической семантики, отчетливо ощущают неудовлетворительность существующей теории стиля, проявляющейся в системе стилистических помет словарных изданий. Это заставляет ученых искать новые подходы к описанию стилистических свойств лексики. Так, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [НОСС] предусматривается введение таких помет, как *наррат.* «нарративное»,

необиходн. «необиходное», *обиходн.* «обиходное», *потенц.* «потенциальное», *разг.-сниж.* «разговорно-сниженное», *советск.* «советское», *стил.* «стилизованное» и *уходящ.* «уходящее».

Как один из возможных способов решения проблемы отражения стилистической уникальности фразеологических единиц заслуживает внимания система стилистических помет, предлагаемая в словаре С.И. Лубенской [2004]. Эта система отражает не только стилевые регистры (от *elev* «высокое» до *vulg* «вульгарное» и *taboo* «табуированное»), временные характеристики (от *obs* «устаревшее» до *recent* «современное»), но и пометы характера речи типа *humor* «шутливое», *impol* «невежливое», *derog* «уничижительное», а также пометы, указывающие на соответствующий тип дискурса (*offic* «официальное», *lit* «книжное», *folk poet* «народно-поэтическое»). Тем не менее даже столь хорошо развитая система помет в некоторых случаях оказывается недостаточной для разграничения выражений с явно несовпадающими прагматическими характеристиками. Ср., например, фразеологизмы *за семь верст киселя хлебать* и *на задворках (чего-л.)*. И то и другое выражение получает в этом словаре помету *coll* ≈ «разговорное». Интуитивно это представляется не вполне точным, так как первое из этих выражений воспринимается как «народное», т.е. обладающее национально-специфичными коннотациями (оно, например, вряд ли уместно в текстах, переведенных с других языков), в то время как второе, действительно, просто разговорное.

Таким образом, традиционная теория стилистики требует существенного уточнения. Особенно это касается системы стилистических помет, используемых в словарной практике — это относится как к обычной лексике, так и к области фразеологии. Сам «пересчет» категорий теории стилистики в систему словарных стилистических помет оказывается нетривиальной задачей.

Дополнительная сложность в стилистическом описании фразеологии состоит в том, что фразеология сама по себе стилистически выделяется из сферы обычной лексики за счет своей повышенной образности, роли внутренней формы, постоянной динамики, проявляющейся как в изменении состава фразеологизмов, так и в модификации их семантики и формы. Это значит, что точкой отсчета — немаркированным употреблением — для фразеологизмов следует считать разговорную речь, а не нейтральный стиль, противопо-

ставленный сниженному и высокому стилю в классической теории стилей. Следовательно, и в словаре разговорные фразеологизмы не должны получать специальных помет, а нейтральные — наоборот — требуют особой маркировки. Именной такой подход реализован в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» [Тезаурус] и в толковом фразеологическом словаре [ФОС].

Второй особенностью этого подхода является выделение в рамках стилистики четырех важнейших областей, которые можно описать в виде шкал⁵⁸: 1) шкала стилового регистра⁵⁹ (стилистических характеристик в узком смысле); 2) шкала дискурсивных свойств фразеологии, т.е. принадлежность фразеологических единиц к определенному типу дискурса — речевому жанру (ср. книжная, народная речь, дискурс советской идеологии и т.д.); 3) шкала временных характеристики фразеологии, т.е. является ли тот или иной фразеологизм современным или устаревшим⁶⁰; 4) шкала эвфемизации-дисфемизации — преобразования формы идиом, позволяющие перевести выражение из одного стилового регистра в другой.

О введенных шкалах удобно говорить, используя наборы помет, лежащих в основе формирования шкал. Польза такого представления очевидна: оно может прямо использоваться в лексикографической практике.

Перечислим основные пометы выделенных шкал.

Стилевой регистр. По шкале стилового регистра выделяются следующие пометы:

- *высок.* — «высокое» (*пыль веков, [да] минует / минет чаша сия (кого-л.), с нами крестная сила*)

⁵⁸ Следует понимать, что термин «шкала» используется здесь не вполне формально. Лишь относительно стилового регистра можно говорить о шкале как о формальном объекте — последовательности упорядоченных друг относительно друга значений одного и того же параметра. В этом случае шкалу можно уподобить функции с ее значениями. В остальных случаях данный термин используется метафорически. Ср. такую традицию использования понятия шкалы по отношению к сфере стилистики в [Апресян 1995в: 307], где выделяется семь шкал, некоторые из которых взаимозависимы.

⁵⁹ В смысле М.А.К. Хэллдея [1980].

⁶⁰ Отнесение фразеологизма к устаревшим или современным не является стилистической характеристикой в точном смысле.

- *нейтр.* — «нейтральное» (*отчаянные головы, вызвать огонь на себя, на каждом шагу, знать себе цену*)
- значимое отсутствие пометы, т.е. «разговорное» (*до победного, как из пушки, кот заплакал*)
- *снижен.* — «сниженное» (*разлюли-малина; метать икру; я с тобой свиней вместе не пас; гуляй, Вася!*)
- *груб.* — «грубое» (*в задницу, к свиньям собачьим; в дерьме [быть / сидеть / оказаться...], к едрене фене*)
- *неприл.* — «неприличное» (*[сидеть...] не отрывая жопы, ни бзднуть ни пёрнуть*)⁶¹.

Значимое отсутствие помет на самом деле является «стилистическим нулем» (по аналогии с нулевой морфемой в морфологии). В традиционных словарях стилистическому нулю в нашем смысле соответствует помета *разг.* — «разговорное». Тем самым для фразеологизмов нейтрального регистра следует ввести помету *нейтр.*, располагающуюся выше «стилистического нуля». Такой способ описания оказывается более экономным, поскольку при традиционной расстановке помет во фразеологическом словаре огромное количество фразеологизмов должно было бы получить помету *разг.* Действительно, по данным Тезауруса, из приблизительно 8000 идиом, представленных в этом словарном источнике, только порядка 900 получили помету *нейтр.*, а «стилистический нуль» имеют более 5000 идиом. Иными словами, количество собственно разговорной идиоматики превосходит количество нейтральных идиом более чем в пять раз. Это является очевидным доказательством необходимости изменения точки отсчета, т.е. переноса «стилистического нуля» вниз по шкале.

Помета *снижен.* относится не ко всем сниженным идиомам, поскольку сниженными являются также и грубые, неприличные и нецензурные фразеологизмы, а к тем идиомам, которые, не будучи ни нейтральными, ни «нулевыми» (в указанном выше понимании), встречаются преимущественно в ситуациях стиля речи, несколько более сниженного по сравнению со стилем обыденной коммуникации. При этом они не относятся ни к грубым, ни к неприличным

⁶¹ Во фразеологических словарях, ориентированных на описание современного употребления и не исключаяющих из своего словника бранных выражений, используется также помета *неценз.* — «нецензурное».

или нецензурным выражениям. Так, идиома *с полтинка* ощущается как сниженная по отношению к разговорному стандарту, не являясь в то же время ни грубой ни, тем более, неприличной или нецензурной. Отметим, что ситуация употребления сниженных идиом (помета *снижен.* и ниже) часто предполагает жестикуляцию, которая не приветствуется в нормированной — «вежливой» — коммуникации, ср. произнесение идиомы *ни бум-бум (кто-л. в чём-л.)* часто сопровождается характерным постукиванием костяшками пальцев по плоской поверхности (обычно — по столу).

Дискурсивные пометы. Пометы *книжн.* «книжное», *журн.* «журнализм», *жарг.* «жаргонизм», *совидеол.* «советская идеология», *народн.* «народное» и *прост.* «просторечное» можно назвать дискурсивными, поскольку они характеризуют не стилевой регистр языка, а специфические особенности номинации в конкретном подъязыке. Кроме интуиции, есть и формальные доказательства необходимости выделения шкалы дискурсивных помет. Дифференциация языковых единиц по стилю и по типу дискурса — это хотя и взаимосвязанные, но разные параметры. Сравнение двух корпусов текстов — Корпуса современной публицистики и Корпуса художественной литературы — показывает, что легко найти идиомы, характерные для языка публицистики. По параметру стилового регистра это могут быть весьма разные идиомы: от высоких (типа *на закате дней*) до сниженных и просторечных (типа *Вася Пупкин и две большие разницы*). При этом обнаружить идиомы, специфические только для языка художественной прозы, не удастся. Объяснение этого феномена состоит в том, что публицистика может рассматриваться как особый тип дискурса, а язык художественной прозы — нет. Последний индивидуален для каждого автора (и даже для отдельного произведения) и может включать различные типы дискурсов.

Помете *прост.* в толковых словарях традиционно приписываются два разных значения: 1) характеристика речи необразованных людей и 2) характеристика стилистического регистра, более сниженного, чем *разг.* При описании фразеологии целесообразно использовать эту помету только в первом значении (т.е. как характеристику малограмотной речи или стилизации под нее), тем самым она является дискурсивной, а не регистровой.

Пометой *журн.* «журнализм» маркируются те идиомы, которые характерны для публицистики, но практически не встречаются в разговорном языке и весьма редко обнаруживаются в языке художественной литературы в неигровых контекстах. Например, идиомы *город на Неве*, *Страна восходящего солнца*, *каjeta скорой помощи*, *блестители порядка* представляют собой типичные образцы журнализмов. Наряду с пометой *журн.*, следует использовать также помету *книжн.*, характеризующую те идиомы, которые типичны для письменной речи в целом, а не только для публицистики. Например, *рядиться в тогу*, *двуликий Янус*, *истина в последней / конечной инстанции*. Эта же помета может использоваться по отношению к идиомам-канцеляризмам типа *в плане*, *в таком разрезе*. Современные компьютерные технологии — в частности программы обработки корпусов текстов — позволяют объективизировать приписывание помет *журн.* и *книжн.*, используя чисто количественные параметры (т.е. учитывать относительную частоту встречаемости соответствующих идиом).

В ряду дискурсивных помет представлена также помета *народн.*, характеризующая идиомы типа *ехать в Тулу со своим самоваром*; *по усам стекло*, *а в рот не попало*; *знать свой шесток*; *за семь верст киселя хлебать*, а также помета *жарг.* Последняя характеризует не только идиомы типа *лепить горбатого*, *знать дуру*, *склеить ласты* (в этих случаях помета *жарг.* часто используется в сочетании с регистровыми пометами *снижен.* и *груб.*), но и идиомы следующего типа, употребляющиеся в профессиональных жаргонах (в данном случае в военном):

груз 200 ‘останки погибших — чаще в военных конфликтах современной эпохи — в специальных вместилищах, транспортируемые преимущественно воздушным путем’;

коктейль Молотова ‘бутылка с горючей смесью (бензином, керосином и т.п.), используемая как зажигательная бомба преимущественно в партизанской и уличной войне’.

Временные пометы. Временная шкала определяет период использования той или иной лексической единицы. Для фразеологии наиболее значимыми оказываются пометы *устар.* — «устаревшее» и *совет.* — «советское». Помету *устар.* получают идиомы, которые вышли из активного употребления. К ним относятся, во-первых, идиомы, не известные большинству носителей русского языка, ср.

семо и овамо ‘туда и сюда; везде’, *выписывать мыслете* ‘идти заплетаящейся походкой’, *охулки на руку не класть* ‘не упускать своей выгоды’, *подбитый ветром* 1) ‘холодный, не согревающий (об одежде)’, 2) ‘легкомысленный’. Во-вторых, к устаревшим относятся также идиомы, которые понятны современным носителям, но практически не используются ни в устной, ни в письменной речи. Ср. *с / от младых / молодых ногтей, волшебный фонарь, ночная ваза* и подобные. Фразеологизмы этих групп встречаются в текстах современной литературы только как художественное средство стилизации (например, в произведениях Саши Соколова, В. Шукшина, Т. Толстой и Д. Быкова).

К временным относится также помета *совет.*, характеризующая фразеологизмы советской эпохи. Здесь имеются в виду идиомы, представлявшие специфический для советской эпохи способ номинации определенных реалий — *черная суббота, страна чудес [и членов КПСС], родина слонов, страна дураков*. К советским естественно относить и идиомы типа *куда надо*, которые использовались в советское время как эвфемизмы, ср. фразу *Написал куда надо, и сосед пропал*⁶². Данная идиома употреблялась в близком значении и в досоветский период, в значении ‘в полицию, в охранное отделение и т.п.’. Отметим, что в настоящее время эта форма ассоциируется в языковом сознании именно с советским периодом.

Помета *совидеол.*, относящаяся к дискурсивным, часто пересекается с временной пометой *совет.* Подобные пересечения естественны, поскольку соответствующий тип дискурса принадлежит истории. Однако в ряде случаев идиомы, характерные для языка советской эпохи, могут и не нести никакой идеологической нагрузки. Некоторые из таких идиом получают пометы *совет. журн.*; ср. *голубой экран*. Примерами выражений, получающих помету *совидеол.*, могут служить такие идиомы, как *опиум для народа* ‘рели-

⁶² В произведениях В. Войновича для создания сатирического эффекта данная идиома иногда дается как имя собственное и пишется с прописных букв: *Он не стал больше спорить, только сказал старику, что его следовало бы отвести Куде Надо и проверить документы. — Я бы вам не советовал этого делать, — печально возразил старик. — Один такой, как вы, симпатичный, проверил мои документы, но его уже-таки нет* [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина]. Ср. обсуждение процессов онимизации в главе 2.

гия', *продажная девка империализма* 'генетика', *школа коммунизма* 'профсоюзы'.

Регистровые операторы. К числу регистровых операторов относятся пометы *эвф.* — «эвфемизм» и *дисф.* — «дисфемизм». Пометы *эвф.* и *дисф.* представляют собой особый тип помет, характеризующих изменение формы идиомы, которое переводит эту идиому из одного стилистического регистра речи в другой — либо в сторону повышения (*эвф.*), либо в сторону понижения (*дисф.*)⁶³.

Традиционно эвфемизмом считается «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного слова или выражения, представляющегося говорящему неприличным, грубым или нетактичным» [ЭРЯ], а под дисфемизмом понимается «замена нейтрального в эмоциональном и стилистическом отношении слова более грубым, пренебрежительным и т.п.» [ЭРЯ]. В соответствии с этим определением выражения типа *на хрена, за каким хреном* не должны рассматриваться как эвфемизмы, поскольку они «эмоционально» не нейтральны. Между тем эти фразеологизмы воспринимаются как производные от обценных табуированных аналогов и тем самым ощущаются как эвфемизмы. Отсюда следует, что **эвфемизмы — это выражения, заменяющие обценные, неприличные, грубые и т.п. формы, а также табуированные элементы словаря (в том числе и ощущаемые как производные от них), в той или иной мере снимающие запрет на употребление**⁶⁴. Таким образом, к эвфемизмам относятся, во-первых, выражения, которые представляют собой альтернативные номинации табуированных сущностей — смерти (*старуха с косой*), умерших (*груз 200, усопший, почивший*), беременности (*в положении*), тюрьмы (*места не столь отдаленные*). Во-вторых, это выражения, используемые вместо обценных, неприличных, грубых и т. п. (*до едрёной фени, положить с прибором*). Первый тип эвфемизмов называется **«эвфемизмами**

⁶³ Строго говоря, речь идет не об одной и той же идиоме, а о двух разных идиомах сходных по форме и значению, но с разными стилистическими характеристиками, ср. *мать твою за ногу* и соответствующее обценное выражение.

⁶⁴ Ср. близкое по сути определение эвфемизма в [Шмелев 1977: 199]: «Эвфемизмы — слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими».

табуированного», а второй — «эвфемизмами-апшифтерами». Эвфемизмы-апшифтеры отсылают к соответствующему обценному выражению, присутствующему в языковом сознании носителей, а эвфемизмы табуированного не обладают таким свойством, поскольку они представляют собой альтернативный способ номинации табуированного концепта или реалии.

Таким образом, помета *эвф.* по отношению к апшифтерам используется только для тех идиом, которые связываются в сознании носителя русского языка с соответствующими обценными (или неприличными) выражениями, причем это обценное (неприличное) выражение воспринимается как главное, а не как искусственно придуманный обценный вариант. По этой причине, например, идиома *пристать / прилипнуть как банный лист (к кому-л.)* является сниженной, а не эвфемистической, поскольку деривационная связь этой идиомы с выражением *пристать / прилипнуть как банный лист к заднице* для многих носителей русского языка потеряна. Помета *эвф.* (как эвфемизм-апшифтер) часто комбинируется с регистровыми пометами, например *сидеть не отрывая задницы / зада — груб. эвф.* Это отражает естественное свойство фразеологизмов обладать разными характеристиками по различным шкалам.

Эвфемизмы табуированного с семантической точки зрения принадлежат в первую очередь тематическим группам⁶⁵ СМЕРТЬ и СЕКС, поскольку эти две сферы табуированы в европейской культуре. Рассмотрим это на примере понятийного поля СМЕРТЬ. Многие идиомы, в которых представлено переобозначение смерти и сопутствующих ей явлений, должны относиться к эвфемизмам, т.е. косвенным номинациям, которые в той или иной мере снимают ответственность говорящего за сказанное, за обращение к этой запретной области. Между тем далеко не все косвенные номинации в семантическом поле СМЕРТЬ относятся к эвфемизмам. Нельзя назвать эвфемизмами косвенные номинации, в которых концепт СМЕРТЬ и связанные с ним феномены передаются через ситуации, вызывающие смех: *сыграть в ящик, склеить ласты, кеды выставить, коньки отбросить*. В этом случае снимается табуизация с самой категории СМЕРТИ.

⁶⁵ Термины «тематическая группа» и «семантическое поле» употребляются здесь синонимично.

Смеховая внутренняя форма вовсе не предполагает, что говорящий хочет «спрятаться» от чего-то страшного, связанного со смертью, снять с себя ответственность за обращение к табуированной категории. Наоборот — перемещение категории СМЕРТИ в сферу смешного, ее «карнавализация» позволяет говорящему преодолеть свой страх и не заботиться о возможных «санкциях» — наказании высших сил (судьбы, рока, божества и т.д.)⁶⁶. Иными словами, своеобразный «оберег», типичный для эвфемизмов понятийного поля СМЕРТИ, в идиомах со смеховой внутренней формой отсутствует. Дело в том, что это другой способ ухода от кары высших сил.

То же самое относится и к эвфемизмам табуированного из понятийной области СЕКС. Идиомы со смеховой внутренней формой и в этом случае не воспринимаются как эвфемизмы: *поставить на корягу (кого-л.)*, *поставить на четыре кости (кого-л.)*, *гонять лысого*, *натянуть по самые помидоры (кого-л.)*. Другое дело, что идея «оберега» в данной понятийной сфере неактуальна.

Другой фактор, влияющий на статус идиомы как эвфемизма табуированного — степень общепринятости (конвенциональности) номинации. Известно, что со временем эвфемизмы теряют свою силу иносказательности и сами часто табуируются. К примерам такого рода можно отнести слово *уборная*, использовавшееся как эвфемизм и в дальнейшем замененное на заимствование *туалет*. Ср. также слово *сортир*, которое, как и слово *уборная*, было когда-то эвфемизмом. Из сферы идиоматики к явлениям частичной деэвфемизации относятся идиомы с компонентом *хер*, которые будучи менее грубыми, чем соответствующие обценные идиомы, оказываются существенно грубее идиом с компонентом *хрен*.

Когда косвенная номинация становится привычной, она уже не воспринимается как попытка избежать прямой номинации табуированной сущности. В силу этого идиомы поля СМЕРТЬ типа *отдать богу душу*, *господь прибрал (кого-л.)*, *уйти в лучший мир*, *закрывать глаза навеки*, *приказать долго жить* не являются эвфемизмами. При этом идиомы типа *груз 200*, *черный тюльпан* относятся к эвфемизмам, поскольку воспринимаются как попытка уйти от прямой

⁶⁶ Как известно, игра позволяет нейтрализовать негативные смыслы и снять культурные запреты с табуированных сущностей. См. по этому поводу [Бахтин 1990].

номинации табуированной сущности в силу того, что в них использовано новое неожиданное и слабо мотивированное обозначение.

В семантическом поле СМЕРТИ присутствует значительное количество идиом, относящихся к стилевому регистру «высокое». Таковы, например, фразеологизмы *проводить в последний путь (кого-л.)*, *перестало биться (чьё-л.) сердце*, *уснуть вечным сном*, *пробил (чей-л.) последний час*. По сути, все эти выражения могли бы быть эвфемизмами, однако их использование в речи мотивировано не столько попыткой избежать прямого упоминания смерти, сколько коммуникативным намерением говорящего выразить уважение к умершему. Именно поэтому данные идиомы не попадают в класс эвфемизмов.

Эвфемизмам в определенном смысле противопоставлены дисфемизмы. Это такие идиомы, которые, будучи обценными или грубыми, ощущаются как производные от обычных идиом литературного языка. Например, идиома *говно на постном масле* воспринимается как производная от *чушь на постном масле*. Таким образом, идиомы-дисфемизмы противопоставлены эвфемизмам-апшифтерам.

Общая система помет фразеологического словаря по четырём шкалам представлена в табл. 1.

Таблица 1

Система стилистических помет идиоматики

Стилевой регистр	Дискурсивные пометы	Временные пометы	Регистровые операторы
высок. [да] минует / минет чаша сия (кого-л.) с нами бог	книжн. ярмарка тще- славия сильные мира сего двуликий Янус	устар. спокон веков / веку [и] пошла пи- сать губерния	эвф. места не столь отдаленные чёрный тюльпан
нейтр. для ровного счёта на каждом шагу знать себе цену	журн. город на Неве по гамбургско- му счёту на злобу дня	совет. чёрная суббота родина слонов {зона нейтраль- ных идиом}	дисф. слава яйцам

Таблица 1 (окончание)

Стилевой регистр	Дискурсивные пометы	Временные пометы	Регистровые операторы
-- Ø -- [значимое отсутствие пометы] спать без задних ног перемывать косточки (кому-л.) до победного снижен. метать икру гуляй, Вася груб. к свиньям [сочасным] из дерьма конфетку сделать неприл. сравнил жопу с пальцем неценз. ...	жарг. в натуре брать на понт гнать пургу прост. на цырлах / цирлах нет [и] в заводе (чего-л.) дать кругаля совидеол. важнейшее из искусств опиум для народа школа коммунизма народн. знать свой шесток за семь вёрст киселя хлебать ехать в Тулу со своим самоваром {зона нейтральных идиом}		

Приведенная таблица требует некоторых дополнительных пояснений. Помета *нейтр.* ранее была охарактеризована как чисто регистровая. Однако и среди временных и среди дискурсивных помет есть своего рода нейтральная зона. Так, для временных помет нейтральными оказываются те идиомы, которые не связываются

с определенными временными ограничениями. А для дискурсивных — те идиомы, которые не относятся к какому-то конкретному подъязыку (жargonу). Кроме того, понятно, что временные и дискурсивные пометы образуют иной тип шкалы, чем регистровые пометы. Регистровые пометы располагаются на градуальной шкале между полюсами: *высок.* и *неценз.* В противоположность этому временные и дискурсивные пометы образуют ряд бинарных оппозиций, в каждой из которых маркированный член противопоставлен нейтральному: *устар.* — *нейтр.*; *журн.* — *нейтр.*; *жарг.* — *нейтр.* Содержание понятия «нейтральности» в сфере временных и дискурсивных помет иное, чем в сфере регистровых помет, что объясняется различием в устройстве соответствующих шкал. Так, если для дискурсивных и временных помет *нейтр.* противопоставлено другим пометам, то для регистровых — *нейтр.*, не являясь членом бинарной оппозиции, занимает место одного из значений градуального параметра между «стилистическим нулем» и пометой *высок.*

Поэтому в выбранном способе представления информации помета *нейтр.* употребляется синкретично: она ставится лишь в тех случаях, когда идиома оказывается нейтральной по всем трем шкалам. Отсюда следует, что помета *нейтр.* не может сочетаться ни с одной из других помет.

Система стилистических помет в сфере фразеологии характеризуется сложными семантическими и прагматическими отношениями. Это проявляется во взаимозависимости некоторых помет. Так, пометы *книжн.* и *высок.* взаимозависимы: идиомы, характерные для письменной речи, часто используются в устной речи в ситуациях, требующих высокого стиливого регистра. Отчасти верно и обратное.

Однако в общем случае пометы разных шкал независимы друг от друга. Так, регистровые пометы *снижен.*, *груб.*, *неприл.* свободно сочетаются с пометой *эвф.*, поскольку эвфемизация (апшифтинг) действует на разных значениях стиливого регистра. Иными словами, если обсценная идиома подвергается действию эвфемизации, то она может стать неприличной, грубой или сниженной. Аналогично неприличные идиомы в процессе апшифтинга могут стать грубыми или сниженными и т.д. Другие дискурсивные пометы также свободно сочетаются с регистровыми, ср. *держат за падло (кого-л.)* — *груб. жарг.* или *(чьё-л.) место у парашаи* — *груб. жарг.*

Вполне типичны также сочетания временных помет с дискурсивными (*пустить красного петуха — устар. народн.*) и с регистровыми пометами (*почить в бозе — устар. высок.*).

До сих пор речь шла в основном об идиомах. И это не случайно, поскольку они демонстрируют максимальное стилистическое разнообразие. В отличие от идиом, коллокации более однородны стилистически и относятся по большей части к области книжного стиля, публицистики, официальной и деловой речи. Например, *ронять / приобретать авторитет; в теплой и дружеской атмосфере; взваливать бремя; состоять на службе; следовать курсом; оказывать влияние*. Большая группа коллокаций относится к нейтральному стилю речи: *обращать внимание, иметь возможность, задавать вопрос, терять время, принимать душ, камера хранения*, и относительно небольшая — к разговорному: *закадычный друг, тихий ужас*. Не следует думать, что среди коллокаций нет выражений с более сниженной регистровой характеристикой, но их относительно мало, ср. *гнилой отмаз* 'некорректная и неубедительная попытка оправдать что-то плохое'. Что касается пословиц, то их стилистические характеристики в паремиологии изучены к настоящему времени недостаточно.

2. Можно ли определить стиль фразеологизма по его составу и семантике?

Стилистические характеристики лексических единиц относятся к плану содержания языкового выражения, однако какая-то часть этой семантической информации попадает в компетенцию прагматики и «вычисляется» по более или менее стандартным правилам прагматической интерпретации. Например, сам факт присутствия выражения *забить стрелку* в неформальном общении молодых людей указывает на его разговорность и даже сниженность. Другой пример: военная команда *в ружье* относится к военному жаргону вовсе не потому, что она содержит какие-то специфические составляющие в семантике или в форме, которые и определяют отнесенность данного выражения к жаргону, а просто потому, что это часть языка военных команд. Эти случаи не описываются никакими правилами и, следовательно, не могут служить примерами для ответа

на вопрос, поставленный в начале данного раздела. В таких случаях выявление стилистических характеристик фразеологизма возможно только с помощью изучения контекстов его употребления в речи — в конкретном дискурсе. Между тем в некоторых случаях стилистические характеристики языкового выражения (точнее, его отнесенность к определенному стилевому регистру) вычисляются по форме или семантике этого выражения.

На регистровые свойства фразеологизмов влияют как минимум четыре важных фактора. Первый фактор — это смысл, передаваемый фразеологизмом (его актуальное значение). Существуют смыслы, которые больше «тяготеют» к стилистически нейтральному способу выражения, и смыслы, для которых более естественно использование сниженных или, наоборот, высоких регистров речи. Этот феномен называется **фактором значения**.

Второй фактор — внутренняя форма, образ, лежащий в основе актуального значения фразеологизма. Условно к фактору внутренней формы можно отнести также и происхождение фразеологизма — в той мере, в которой это ощущается носителем языка. Представляется правдоподобным, что внутренняя форма часто содержит какие-то специфические компоненты, влияющие на прагматические условия употребления соответствующего фразеологизма. Так, стилистическая противопоставленность идиом *имя им легион* и *их как грязи* объясняется, с одной стороны, библейскими ассоциациями, фиксированными в образной составляющей идиомы *имя им легион*, а с другой — явно сниженным образом грязного, заложенным во второй. Здесь реализуется **фактор внутренней формы**.

Третий фактор — лексический состав фразеологизма. Если в состав фразеологизма входят стилистически окрашенные лексемы, то их стилистические особенности распространяются на весь фразеологизм в целом. Например, *по пьяни* — просторечная идиома, поскольку слово *пьянь* просторечно. Следует иметь в виду, что, хотя связь между лексическим составом и образом (внутренней формой) часто присутствует, т.е. идиомы со стилистически окрашенными компонентами часто обладают яркой внутренней формой, которая также может влиять на их стилистические свойства, это совсем не обязательно. В идиоме *по пьяни* никакого ясно ощущаемого образа нет вообще.

К фактору лексического состава следует отнести также рифмы, аллитерации, ассонансы и другие особенности организации плана выражения фразеологизма, оформляющие его как ритмическое целое. Так, наличие рифмы не только способствует устойчивости фразеологизма, но и влияет на его стилистические характеристики. Многие рифмованные идиомы относятся к разговорному и более сниженным стилевым регистрам; ср. идиомы {– Ну?} – *Баранки гну!* и *катись колбаской [по Малой Спасской]*, получающие помету *груб.*; просторечные идиомы *что хочу, то и ворочу*; {– Привет!} – *Привет от старых штиблет!*; {– Говорят...} – *Кур доят*, сниженные выражения {– Вроде...} – *Вроде Володи [и наподобие Кузьмы]*; {– Почему?} – *По кочану!*, а также разговорные идиомы *ищи-свищи (кого-л.)*; *ля-ля(-ля) тополя*; *рёва-корова*; *за ушко да / и на солнышко*; *у матросов нет вопросов*, {– Откуда?} – *От верблюда!* В нейтральном стилевом регистре идиомы с рифмой фактически отсутствуют. Этот феномен влияния на стиль называется **лексическим фактором**.

Четвертый фактор – **временные характеристики фразеологизма**, т.е. является ли она современной или устаревшей. Отнесение фразеологизма к устаревшим или современным не является регистровой характеристикой. Именно поэтому временной параметр, наряду с указанными выше, может рассматриваться как независимый фактор, влияющий на стилевой регистр идиомы. Очень часто устаревшие идиомы воспринимаются как книжные или высокие. Ср. устаревшие идиомы высокого регистра речи *почить в бозе* или *яко тать в нощи*, а также книжные устаревшие фразеологизмы *пробывать в нетях* и *вливать новое вино в старые мехи*.

Выражаемый смысл как фактор стиля. Казалось бы, связи между актуальным значением фразеологизма и его стилистическими характеристиками не существует. Действительно, часто один и тот же смысл можно выразить с помощью весьма разных в стилистическом отношении фразеологизмов. Так, упоминавшаяся выше пара идиом *имя им легион* и *как грязи (кого-л. / чего-л. где-л. / у кого-л.)* выражает смысл ‘большое количество’, при этом первая форма соответствует высокому регистру (и является книжной по дискурсивным характеристикам), а вторая относится к сниженным идиомам. Ср. такие контексты, как *Никто сегодня не может точно сказать, сколько компьютеров и пользователей*

работает в Интернете — **имя им легион** [Корпус Публ.] и **Чего-чего, а цветов здесь как грязи** [Корпус Публ.] В традиционной лексикологии такие случаи обычно называются стилистическими синонимами.

Все крупные тематические группы идиом (см. [Тезаурус]) включают как высокие, так и разговорные, сниженные и т.п. единицы. Действительно, язык (в том числе в сфере идиоматики) должен обладать репертуаром выражения смыслов в разных стилистических регистрах. Тем не менее обнаруживаются смыслы, которые тяготеют к более нейтральному и даже высокому регистрам выражения. Типичным примером такого типа следует считать идиомы с семантикой временных отношений (время). Здесь на фоне нейтрального для идиоматики разговорного регистра обнаруживается большое количество книжных⁶⁷ и высоких идиом. Ср. идиомы *от века, во время оно, пыль веков, сдать в архив (кого-л. / что-л.), уходить корнями (во что-л.), с быстротой молнии, как по мановению руки, до второго пришествия, до скончания века, до гробовой доски, золотой век, на заре туманной юности, с колыбели, час между собакой и волком, младое племя, бальзаковского возраста, во цвете лет*. Велико в этом семантическом поле и содержание нейтральных идиом: *в разгар (чего-л.), с утра до ночи, медовый месяц, бархатный сезон, шаг за шагом, от случая к случаю*.

Сходным образом выглядит семантическое поле пространство, в котором много нейтральных, книжных и высоких идиом:

на открытом воздухе нейтр. — *играть на открытом воздухе* [Корпус Публ.]; оперное и балетное представление *на открытом воздухе* [Корпус Публ.];

черная дыра нейтр. — изучение загадочных *черных дыр* [Корпус Публ.];

бок о бок нейтр. — Катарагама — священный город на юге острова, где *бок о бок* стоят храмы разных религий [Корпус Публ.];

лицом к лицу нейтр. — все сидят *лицом к лицу* [Корпус Публ.]; Впервые я столкнулся с Николаем *лицом к лицу* в саратовской гостинице «Словакия» [Корпус Публ.];

⁶⁷ Хотя помета *книжн.* относится к шкале дискурсивных, а не регистровых помет, книжные фразеологизмы с точки зрения регистровых характеристик не нейтральны — книжные идиомы тяготеют к регистрам выше нейтрального.

города и веси *высок*. — соединить в эфире *города и веси* России [Корпус Публ.];

на каждом шагу *нейтр*. — В Америке *на каждом шагу* автоматы с пирожками и кока-колой [Корпус Публ.];

Туманный Альбион *книжн*. — В конце XIX века *Туманный Альбион* дал миру двух творцов: Обри Бердсли и Оскара Уайльда [Корпус Публ.];

Земля обетованная *высок*. — Михаил Козаков предпочел *Земле обетованной* раскисшую московскую землю [Корпус Публ.]⁶⁸.

По тем же причинам в этом семантическом поле велик процент журнализмов: *Зеленый континент*, *окно в Европу*, *остров свободы*, *порт пяти морей*, *Страна восходящего солнца*.

С другой стороны, обнаруживаются смыслы, которые тяготеют к разговорно-сниженному стилевому регистру. Так, тематическая группа хорошо-плохо содержит довольно значительное количество сниженных идиом, в том числе обценных. Ср. идиомы, связанные с выражением идеи *хорошего*:

будьте-нате *прост*. — Вечером — культурная программа, да такая, что *будьте-нате*: концерты и презентации, спортивные соревнования и деловые клубы, творческие конкурсы и шоу, турниры компьютерных игр, казино, показ мод! [Корпус Публ.];

разлюли-малина *снижен*. — Офицерам в Голландии вообще *разлюли-малина*: вечером они сядут за баранки личных авто и отъедут ужинать и почитать в домашней обстановке [Корпус Публ.];

хоть куда *прост*. — В ту пору Надя была еще *хоть куда*! [Корпус РусПроз.];

всё чики-ники *снижен. жарг*. — Я познакомлюсь с девками из колбасного цеха, и *все будет чики-ники* [РечОб. Инт.];

⁶⁸ Довольно часто идиомы высокого регистра употребляются иронично — особенно в современной публицистике. Иронический контекст использования идиом не понижает их регистровый статус. Меняется способ подачи информации в высказывании, в состав которого входят идиомы: как предполагает ирония, говорится одно, а подразумевается ровно противоположное, т.е. ирония относится к высказыванию (или даже к соответствующему фрагменту текста, а иногда и ко всему тексту в целом), а идиомы — за исключением речевых формул — остаются частью этого высказывания.

всё чих-ных снижен. жарг. — Да просто поставь другой сервер и *все будет чих-ных* [РечОб. Инт.].

Ср. также идиомы, связанные с семантикой плохого:

не ахти прост. — На торжестве женщины были в меньшинстве, и одеты интеллигентки были *не ахти*. [Корпус РусПроз.]; погода была *не ахти* [Корпус Публ.];

жить с ружьем снижен. — Вот такая жизнь, Васек, у них пошла — все сикось-накось. В общем, *жить с ружьем* [РечОб.].

Разумеется, такие семантические поля включают нейтральную, высокую и книжную идиоматику. Ср. *товарный вид, на высоте, высокой / высшей пробы, как манна небесная, божьей милостью, за гранью добра и зла, авгиевы конюшни*. Другое дело, что в процентном отношении в полях с семантикой оценки преобладает именно разговорно-сниженная идиоматика, типичная для обыденной коммуникации. Это связано с тем, что больше обращают на себя внимание отклонения от нормы — как в сторону хорошего, так и в сторону плохого. Именно это и становится темой обсуждения в обыденном общении. А поскольку обыденная, неформальная коммуникация тяготеет к разговорно-сниженному стилю речи, то и фразеологизмы, используемые для выражения этих смыслов, оказываются разговорными или сниженными.

Смыслы, указывающие на нарушение правил общения — максим Грайса [1985] и т.п., — также оказываются стилистически сниженными. Это связано с тем, что сам факт комментирования речевого поведения собеседника не одобряется, поскольку в той или иной мере предполагает вторжение в личную сферу человека и нарушает его права. Большое количество фразеологизмов такого типа — это речевые формулы, актуальное значение которых состоит в указании на неуместность предшествующей реплики собеседника. Так, речевые формулы *не надо ля-ля; короче, Склифосовский!* указывают на нарушение собеседником максим качества, релевантности, манеры речи и т.п. С другой стороны, речевые формулы *ещё чего!; как бы не так!; чего я там забыл?* передают идею отказа, однако в их семантике присутствует также компонент, указывающий на неуместность сказанного ранее:

Яшка говорит: — А теперь — самое время выпить. Поставьте нам ну хотя бы две поллитры! — *Ещё чего!* — сильно возмутилась баба

Груня. — У нас нету. И не бывает сроду! [С. Залыгин. Бабе Ане — сто лет];

— Куда вы? Остановитесь! — воскликнул он. — *Как бы не так*, — процедил огромный мужчина [Д. Гранин. Месяц вверх ногами];

— А я в Африку лечу, — не обиделась птичка. — Хочешь, полетим вместе. — *А чего я там забыл?* — Как хочешь... — снова не обиделась птичка [В. Токарева. Японский зонтик].

Аналогично идиому *скатертью дорога / дорожка*, выражающая семантику отказа и несогласия, ощущается как достаточно грубая, хотя в ее составе нет никаких сниженных слов, а сам образ скорее позитивен, чем негативен: — *Между прочим, мы здесь никого не держим. Хотите уходить — **скатертью дорога**. Другую найдем на ваше место. Помоложе и поспособней* [А. Хайт. Из сборников прошлых лет].

Итак, хотя характер значения и не полностью предопределяет регистровые свойства идиомы, он может использоваться как продуктивная эвристика для предсказания ее стилистических характеристик.

Внутренняя форма как стилеобразующий фактор. Кроме значения, на дискурсивное поведение идиомы оказывает влияние и внутренняя форма. Для нейтрального регистра живой и ясно ощущаемый образ нехарактерен. Так, в идиомах *как нельзя лучше, прийти по праву (кому-л.), на славу, первый сорт, с умом, на уровне, в целости и сохранности* нет яркого образа. Именно поэтому они ощущаются как характерные представители нейтрального стиля. Такова вся служебная фразеология (сложные предлоги, союзы, устойчивые сочетания частиц, вводные словосочетания): *едва не; по крайней мере; по меньшей мере; с тех пор как; в то время как; не только..., но и...* С другой стороны, идиомы с яркой внутренней формой воспринимаются как стилистически окрашенные. Так, идиомы, содержащие во внутренней форме отсылку к античным и библейским сюжетам, явственно ощущаются как книжные или высокие. Например, *как манна небесная, запретный плод, Земля обетованная, перейти Рубикон, нить Ариадны, разрубить гордиев узел*.

Дело здесь не столько в стилистических и фонетических характеристиках отдельных слов, входящих в состав идиомы (см. по этому поводу ниже), сколько в самом образе, к которому они отсылают. Так, часто встречаются идиомы, в составе которых нет сниженной

лексики. Тем не менее сама идиома воспринимается как сниженная из-за различных особенностей образа, лежащего в основе ее актуального значения. Выделяются следующие характеристики внутренней формы, влияющие на отнесение идиомы к сниженным стилевым регистрам.

1. Присутствие идеи brutality — насильственных физических действий:

с порога в зубы, с полпинка, ноги выдернуть, компостировать мозги, взять за горло, взять за жабры, взять за кадык, скрутить в бараний рог, рога обломать, заткнуть рот, заткнуть глотку / пасть.

Все эти идиомы оказываются стилистически сниженными, вплоть до грубых.

2. Наличие во внутренней форме отсылки к действиям, жестам и т.п., которые воспринимаются как неприличные, нарушающие нормы поведения, принятые в обществе: *куда ни плюнь, бежать задрав штаны, плюнуть негде, молчать в портянку.* Так, плевать, обнажать табуированные части тела, прикладывать к телу, и особенно к лицу, грязное (ср. *портянка*) — это все относится к сфере неприличного, по крайней мере, в европейской культурной традиции.

3. Описание во внутренней форме тех или иных проявлений физиологии: *розовые сопли, это вам не баран начхал, от мертвого осла уши; каков стол, таков и стул; весь в мыле; словесный понос.* Например, во внутренней форме идиомы *весь в мыле* представлен образ пота. Хотя слово *мыло* в своем основном значении не связано с физиологией, однако в употреблении такого рода оно осмысливается как обозначение пота человека или животного.

4. Содержащееся во внутренней форме унижающее или неуместное уподобление (скрытое или явное): *раскрыть варежку; старая калоша; любовь прошла, завяли помидоры; откинуть коньки.* Так, в идиоме *откинуть коньки* неуместность уподобления проявляется в соотношении культурно-табуированного концепта смерти с тривиальным физическим действием. В идиоме *раскрыть варежку* рот сопоставляется с варежкой, а речевая деятельность упрощается и примитивизируется — описывается как элементарное (однократное) и плохо контролируемое физическое действие. И первое, и второе приводит к тому, что одно из проявлений интеллектуальной

деятельности человека — речь — сводится к простейшей двигательной активности, слабо связанной с интеллектом. В остальных приведенных примерах неуместность сравнения еще более очевидна.

К этому же типу относится уподобление человека животному: *врать как сивый мерин; как собак нерезаных; с паршивой овцы хоть шерсти клок; для бешеной собаки семь вёрст не крюк; рыльце в пушку; тыловая крыса; метать икру.*

5. Абсурдность образа: *вешать лапшу на уши; свихнуть себе мозги; тюрьма плачет (по кому-л.); пробы ставить негде (на ком-л.); жуть с ружьем.* Абсурдность образа часто достигается гиперболизацией: *не вышептать (Наши родные овощи из Подмоскovie скромно занимают на рынке один-единственный крайний ряд в большом павильоне. А цены на морковь, капусту, свеклу — не вышептать [Корпус Публ.]);* контаминацией разных идиом: *молчать как рыба об лед* (из *молчать как рыба* и *биться как рыба об лед*). Большое количество речевых формул, указывающих на неуместность предстоящего речевого акта, содержит во внутренней форме отсылку к абсурдной ситуации. Так, внутренняя форма идиомы *держи карман шире* основана на абсурдном предложении приготовиться к получению большого количества ресурса, при том что актуальное значение указывает на то, что ничего получить не удастся. Ср. *Думаешь отблагодарил? Держи карман шире — сто граммов даже не поставил [Корпус Детект.].* Абсурдна также внутренняя форма идиомы-реакции *да... только шнурки поглажу* с семантикой отказа на какую-либо просьбу: — *Сейчас же иди и извинись перед Мариной! — Да, сейчас, только шнурки поглажу...* [ХудТексты Инт.].

6. Наличие во внутренней форме символов и квазисимволов, связываемых в культуре данного языкового сообщества со сферой «плохого»: *как грязи, свинья грязь найдет, раздался голос из помойки, не на помойке найти, в гробу видать [и в белых тапочках].* В приведенных примерах в качестве символов плохого выступает «грязное» (*грязь, помойка, свинья*) и «смерть» (*гроб*).

Отметим, что стилистическим регистром идиомы «управляет» здесь и в подобных случаях не столько само слово, сколько его семиотическая интерпретация. Так, идиома *не ударить в грязь лицом* также содержит компонент *грязь*, но в отличие от идиомы *как грязи*, не воспринимается как сниженная. Дело в том, что во внутренней форме идиомы *не ударить в грязь лицом* фокусируется не столько

идея «грязного», сколько семиотически значимое перемещение из вертикального положения «вниз лицом». К тому же наличие обязательного отрицания в ее лексическом составе и образе (*не уда- рить...*, т.е. 'не упасть') оказывает влияние на восприятие компонента *грязь* — отрицается нежелательная ситуация.

Кроме указанных факторов, на стиль влияет наличие элементов игры, например, смешное (*Вася Пупкин*), сознательное нарушение грамматических норм (*хлопотать лицом*). В литературном языке глагол *хлопотать* не может управлять дополнением в творительном падеже: нельзя хлопотать кем-то или чем-то. Ср. также нарушение грамматических норм в идиомах *иметь место быть, две большие разницы, как только так сразу*.

Влияние лексического состава фразеологизма на его стиль.

Если в лексическом составе фразеологизма есть слова сниженных регистров, то весь фразеологизм в целом приобретает те же стилистические характеристики, что и соответствующие лексемы. Так, из-за слова *переть* (в толковом словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой это слово получает помету *прост.* [ТСРЯ]) идиомы *переть бугром, переть как на буфет, переть как бык, переть как танк* оказываются стилистически сниженными. Аналогично идиома *разевать пасть* снижена из-за слова *пасть*, имеющего помету *грубо-прост.* [ТСРЯ]. Ср. также *заткнуть глотку / пасть (кому-л.), раскрыть пасть, пасть порву!* Из-за лексического состава оказываются сниженными и идиомы *чёрта лысого!; из дерьма конфетку сделать; дурак и уши холодные*. Понятно, что в идиомах указанного типа к снижению регистра приводит и специфическая внутренняя форма, которая в этих случаях сочетается с фактором лексического состава.

Важный фактор снижения стилистического регистра фразеологизма — это наличие в нем сходных в фонетическом отношении компонентов — в том числе и рифмующихся элементов. Особенно характерен этот фактор для просторечия: *явился не запылится; муж объелся груш; день-деньской; хорошая мысль приходит опосля; чин-чинарём; как потопал, так и полопал; что хочу, то и ворочу*. Довольно часто в сниженной идиоматике присутствуют искусственные слова, элементы которых рифмуются: *всё чики-пики, всё чих-ных, не хухры-мухры, цацки-пецки, штучки-дрючки, трали-вали, шахер-махер*.

Временной фактор. Из сочетаний регистровых помет с временными наиболее очевидный и довольно частый случай — сочетаемость помет *устар.* *высок*. Ср. следующие идиомы: *почить в бозе; яко / как тать в нощи; врачу, исцелися сам!; милостивый государь; честь имею [кланяться]; страха ради иудейска*;⁶⁹ *божий перст; смирение паче гордости; отправить к праотцам (кого-л.); сосуд греха; питаться акридами и диким медом; божий промысел*. Устаревшие формы в составе данных идиом воспринимаются как принадлежность высокого стиля.

Взаимодействие разных факторов. Рассмотренные факторы, влияющие на регистровые характеристики идиом, очевидно, не исчерпывают все существующие возможности. Выше уже отмечалось, что описанные факторы стиля действуют вместе. Это относилось к случаям, когда все факторы действуют **в одном направлении**. Рассмотрим еще несколько подобных примеров. Так, в идиоме {— ...тепло} — *Из носа потекло* в сторону снижения действуют факторы абсурдности образа и его физиологичности, а в идиоме *без сопливых разберемся* физиологичность образа сочетается с семантикой отказа, предусматривающей нарушение прав собеседника. В идиоме *не суй свое свиное рыло в наш огород* актуальное значение отказа совмещается с унижающим уподоблением человека свинье и присутствием в лексическом составе сниженного слова *рыло*.

Факторы стиля могут действовать и **разнонаправленно**. Результат в каждом случае оказывается индивидуальным и априори трудно предсказуемым. Так, выражение *переть на рожон* является исходно библеизмом, в котором, по-видимому, произошла замена глагола *идти* на глагол *переть*. Ср. слова Иисуса, обращенные к Савлу: *Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна* (синодальный перевод)⁷⁰. Несмотря на библейское проис-

⁶⁹ В современном языке эта идиома употребляется, как правило, в модифицированном значении и исключительно в рамках иронических контекстов. Ср.: *Достаточно сказать, что своевременно оказался я в Томском медицинском институте и засел в нем на пять полных лет, и **страха ради иудейска** даже на каникулы не появлялся дома* [А. Стругацкий. Дьявол среди людей].

⁷⁰ Поскольку известно, что в одной из версий перевода (зафиксированной у Даля) это высказывание имеет форму *жестокое ты есть противу рожна прати*, можно предполагать, что глагол *переть* появился в составе идиомы как пароним старославянского *прати* ‘жать, давить’.

хождение этого выражения, общие характеристики идиомы в целом меняются из-за глагола *переть* в сторону просторечия. Почему стилистические характеристики именно этого глагола оказываются более значимыми, чем фактор внутренней формы, связанной в этом случае с библейским сюжетом, остается не вполне понятным и требует дополнительного изучения. Видимо, в данном случае доминирование фактора лексического состава над фактором внутренней формы объясняется тем, что для большинства носителей языка эта идиома утратила свои библейские ассоциации.

Задание 1. Идиомы *незнамо когда, чаи гонять, всю дорогу, давать пешака, хорошая мысль приходит опосля, на кой ляд, эдаким манером, принесла нелёгая, на полном серьёзе* ощущаются как стилистически маркированные — по дискурсивной шкале они получают помету *прост*. Имеются ли у этих идиом какие-то характеристики по другим шкалам? Какие сочетания помет вы бы предложили для каждой из этих идиом?

Задание 2. Идиомы *ослиные уши торчат, голубой экран, закрома родины* являются журнализмами. Однако для их исчерпывающей стилистической характеристики необходимо приписать им какие-то дополнительные пометы из временной или регистровой шкалы. Какие дополнительные пометы вы могли бы предложить для каждой из этих идиом? Обоснуйте свое решение и проиллюстрируйте его контекстами употребления.

Задание 3. Понятие «нейтральности» не является чисто регистровым и, следовательно, можно было бы представить себе систему записи, в которой нужно было бы использовать три различные пометы *нейтр.*: *нейтр*₁ (о времени), *нейтр*₂ (для характеристики стилового регистра) и *нейтр*₃ (для отражения дискурсивных свойств). Приведите примеры идиом на каждый из типов нейтральных помет.

Задание 4. Если в словаре помета *нейтр.* используется синкретично, т.е. одновременно обозначает нейтральное значение по всем трем шкалам, то какие случаи возможных сочетаний помет не будут отражены при такой нотации? Для выполнения задания используйте «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» [Тезаурус].

Задание 5. Известно, что идиомы в разных значениях могут иметь разные стилистические характеристики, ср. *сумасшедший дом* в значении «место пребывания и лечения сумасшедших» относится к нейтральным, а в значении «беспорядок» — к идиомам, маркируемым «стилистическим нулем», соответствующим во фразеологии разговорному регистру речи. Найдите еще подобные примеры.

Задание 6. Выделенные в этой главе факторы, влияющие на стилевой регистр идиом, действуют и на материале пословиц. Так, очевидно, что в пословице *любовь зла — полюбишь и козла* стилистическая сниженность объясняется абсурдностью образа. Приведите примеры пословиц, регистровая принадлежность которых объясняется действием этого и других факторов.

Задание 7. Несмотря на бедность стилистического потенциала коллокаций, они также подвержены действию стилеобразующих факторов: фактора значения, фактора внутренней формы, лексического и временного факторов. Так, коллокация *червь сомнения* воспринимается как высокая из-за наличия в ее составе устаревшего, высокого слова *червь*. Найдите примеры коллокаций, в которых действуют этот и другие факторы.

Рекомендованная литература

- Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. М., 2004. С. XVI—XVII [инвентарь стилистических помет и принципы их расстановки в русско-английском фразеологическом словаре].
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1967. С. 19—20 [описание стилистических помет, используемых в словаре].
- Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009. С. 13—15 [описание стилистических помет, используемых в словаре].

АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Термин «авторская фразеология» многозначен. С одной стороны, под авторской фразеологией понимаются те специфические особенности использования фразеологизмов, которые присущи конкретному носителю языка и выделяют его среди других говорящих на этом языке. Здесь имеются в виду уникальные модификации идиом — как формальные, так и содержательные. С другой стороны, все те фразеологизмы, использование которых характерно для идиостиля конкретного говорящего, также называются авторской фразеологией. Авторская фразеология, как правило, изучается на материале произведений известных писателей и поэтов⁷¹. Это объясняется прагматическими причинами: они более интересны для общества, поскольку рассматриваются как часть национальной культуры.

В сфере, близкой к литературоведению, термин авторская фразеология часто понимается в совершенно ином смысле: как крылатые слова, вошедшие в языковую практику из произведений важного для данной культуры автора. К авторским фразеологизмам в таком понимании относятся, например, известные строки из «Евгения Онегина»: *ученый малый, но педант; как денди лондонский одет; в окно смотрел и мух давил* (ср. герменевтический анализ выражений такого рода в [Добродомов, Пильщиков 2008]). В литературе отмечается, что подобные выражения часто используются как средство интертекстуальной отсылки. Ср. последнюю строку из стихотворения Пушкина «Осень» *Плывет. Куда ж нам плыть?..* и ее переосмысление в стихотворении Д. Самойлова «И что еще за странная привычка...»: *И все же мы живем, подозревая / В себе нали-*

⁷¹ Ранее термин «фразеология» иногда использовался в значении авторского идиостиля. «Под фразеологией, в узком смысле слова, — понимается совокупность приемов и методов, определяющих физиономию речи того или другого автора, резко очерчивающих индивидуальность его стиля. В таком смысле можно говорить о *фразеологии* Ломоносова, Пушкина, Гоголя и др.» [Михельсон 1902—1903: Т. 1, VI].

чье океанских сил. / И все же — может, вывезет кривая / И поплыву, куда еще не плыл [Григорьева, Иванова 1985: 55].

В лингвистической традиции такое понимание авторской фразеологии не стало общепринятым. С чисто лингвистической точки зрения фразеология любого человека является авторской. Специфические особенности употребления языковых форм, характерные для идиостиля конкретного говорящего, распространяются и на область фразеологических единиц.

Рассмотрим основы классификации авторских фразеологизмов на примере идиом. Выделяются следующие типы авторского употребления идиом:

- авторские лексические модификации идиомы;
- авторские грамматические трансформации;
- авторские семантические модификации идиомы;
- авторские фреквенталии;
- авторские деархаизмы.

Помимо указанных типов употребления, обычно говорят и о **собственно авторских идиомах**, т.е. фразеологизмах, которые типичны для данного автора и не встречаются в речи других людей. Отметим, что такие формы исключительно редки, поскольку они противоречат одному из признаков идиомы — повторяемости и устойчивости в дискурсе. Тем не менее данный тип полезно выделять, поскольку он отражает потенциал использования языка.

Замечание. При описании авторской идиоматики писателей прошлого (например, авторов XIX в.) возникают значительные сложности. Дело в том, что изучение специфики употребления идиом требует выполнения следующих условий:

- 1) известна (и описана) норма или нормальное состояние того, что является объектом исследования;
- 2) известна граница между нормальным и ненормальным варьированием формы и смысла;
- 3) при изучении состояний объекта исследования в разные периоды времени, т.е. языка в различные эпохи, понятно, как изменялась норма с течением времени.

Выполнение этих — в сущности минимальных — условий весьма затруднительно, если мы говорим о языке авторов прошлых ве-

ков. Мы очень приблизительно можем судить о литературной норме тех лет, тем более у нас практически нет данных о различных речевых жанрах отстоящих во времени эпох. Например, выражение *кошки из избы нечем выманить* (нечто вроде 'быть очень бедным') представлено только у Ф.М. Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные»: *И в доктора поступал, и в учителя отечественной словесности готовился, и об Гоголе статью написал, и в золотопромышленники хотел, и жениться собирался — жива-душа калачика хочет, и она соглашалась, хотя в доме такая благодать, что нечем кошки из избы было выманить.*

Информации об особенностях функционирования этого выражения в языке того времени нет. Есть косвенные указания на то, что это диалектная идиома, употребляющаяся в пермских говорах. Принять окончательное решение относительно статуса этого выражения как чисто авторского или, наоборот, широко использовавшегося в ту эпоху, располагая лишь имеющимися на сегодня результатами описания лексического состава языка XIX в., не представляется возможным. Ограничения такого типа требуют компромиссных решений. Важно осознавать компромиссный характер описания авторской фразеологии, относящейся к ушедшим эпохам.

Разберем каждый из типов авторского употребления идиом более подробно, используя материал произведений авторов XIX в., в том числе Ф.М. Достоевского и А.С. Пушкина, а также ряда современных авторов, включая и одного из самых интересных — Саши Соколова, активно экспериментирующего с языком.

Авторские лексические модификации идиомы. Первый тип преобразований характеризует те случаи, когда в той или иной степени меняется компонентный состав идиомы, представленной в литературном языке рассматриваемого периода времени.

В романе Достоевского «Бесы» встречаются преобразования ряда идиом, например, идиома *не ударить в грязь лицом* ≈ 'сохранить свой социальный статус в сложной ситуации' употребляется в форме *не ударить себя в грязь: Разумеется, Степан Трофимович в грязь себя ударить не мог, да и манеры его были самые изящные.*

Более сложный случай представляет собой ситуация, когда с точки зрения современного языка имеется явное изменение общепринятой формы идиомы, но точно удалось установить, что для

языка соответствующего периода это было нормой. Например, варьирование идиомы *быть на равной / дружеской / короткой ноге* вполне типично для разговорного языка XIX века. Ср. *быть на деликатной / тонкой / благородной / прекрасной / родственной ноге* и т.п. у Ф.М. Достоевского. У А.С. Пушкина в переписке и в набросках и планах обнаруживаются такие сочетания, как *быть на старой ноге* и *быть принятым на ноге фрейлен*. Ср. *Кн. Одоевский выдумал сказку о Богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девицы призваны были ко двору, и приняты на ноге фрейлен* [Богородицыны дочки].

У Н.С. Лескова встречается форма *на хозяйственной ноге*, у Н.В. Гоголя — *был на такой ноге, что не уступал иным и кавалерийским*, у В.А. Соллогуба — *на коммерческой ноге*. Варьирование касается в первую очередь содержательной характеристики — типа указываемого отношения, выраженного определением компонента фразеологизма — существительного *нога*. Иными словами, во времена Пушкина это была не идиома, а фразеологизм-конструкция.

Лексические модификации идиом характерны и для творческого метода Саши Соколова. С семантической точки зрения они могут проявляться в заменах (в том числе синонимических и антонимических), контаминации идиом, материализации метафоры и некоторых других преобразованиях.

Сущность синонимической замены при лексической модификации состоит в том, что компоненты идиомы заменяются квазисинонимами, что приводит к возникновению различных стилистических эффектов. Так, замена слова *глаза* в идиоме *мозолить глаза на гляделки* привлекает внимание читателя к использованному выражению: *Ты надежды на скорый отход мой покинь, еще помаячу там-сям, еще помозолю гляделки некоторым чуток* [Между собакой и волком]. Отметим попутно, что замена глагола *мозолить* на *помозолить* в приведенном примере также оказывается нестандартной заменой. Своеобразный стилистический эффект порождается заменой слова на антоним с отрицанием: *Нету худа без нехуда, вот и Дзындзырэла с удачей вдруг*. В данном случае замена *добра* на «*нехудо*» (при норме *нет худа без добра*) позволяет коммуникативно выделить идею плохого.

В творчестве Саши Соколова представлена и несинонимическая замена компонента. Ср. *С ноября по апрель, ежедневно, без*

выходных, бобылье и уроды наподобие Вашенского корреспондента звенят и крутятся на зеркале вод, а как смеркнется — так Вы приветствуете их в трехэтажной тошиловке, прозванной **с чьей-то заезжей руки кубарэ** [Между собакой и волком]. Здесь замена компонента *легкой* (ср. с *легкой руки*) на форму *заезжей* обусловлена ситуацией: речь идет о некоем случайном человеке, оказавшемся в этой местности. Среди несинонимических замен выделяется особый подкласс — замена типа «часть — целое»: *Но вы сами извилиной пошевелите*, куда я с данной вакансии соскочу, где еще дармового горючего вам всем, неприкаянным, нащежу [Между собакой и волком] (*извилиной* вместо *мозгами*; ср. словарную форму *шевелить мозгами*); «А вы не **ошиблись** случайно **замком?**» — спросил Модерати [Палисандрия] (*замком* вместо *дверью*; ср. исходную форму *ошибиться дверью*).

Возможны и антонимические замены. Так, в следующем примере из «Палисандрии» в идиоме *сам бог велел* слово *бог* заменено на слово *черт*: *Потому что потом у вас же и в остальных империях в результате все тех же противоречий сгорело всякого барахла на миллиарды драхм: ипподромы и велодромы, кунсткамеры и рейхстаги, мосты и механические мастерские. А уж библиотекам **сам черт велел**: ведь — папирус* [Палисандрия].

Изменению компонентного состава может сопутствовать изменение референтного статуса, что, в свою очередь, порождает эффект материализации метафоры, лежащей в основе идиомы. Ср. *Вопрос хозяина поставлен таким ребром и глядит такую контррадиацию к общему тону беседы, что Ксенофонт Ардальоныч с Никодимом Ермолаичем прямо вздрагивают, будто кто из монтекристо тут выталил* [Между собакой и волком]; *Я обычно с коллегой одним соображал на двоих. Скажи подфартило: у него этой нет, а у меня противоположной, и мы **снюхались, как те бобики***. Два сапога — пара, нас с почтением все узнавали вокруг [Между собакой и волком]. Ввод указательного местоимения придает существительному в составе идиомы конкретно-референтный статус, опять-таки способствующий материализации метафоры.

Замечание. Прием материализации метафоры относится к случаям языковой игры. Суть его заключается в том, что стертая метафора, лежащая в основе идиомы, актуализуется и конкури-

рует с актуальным значением. Ср. пример материализации метафоры из романа Саши Соколова «Палисандрия»: *В значительное отличие от первого, сидевшего на рыцарском кресле, второй господин восседал на высокой конструкции для расслабленных, что будила в Вашем воображении образ **турус на колесах**. Кроме колес у нее различались страховочные перильца по трем сторонам, спинка и полка для ночного горшка под сиденьем с овальным провалом [Палисандрия].* Обсуждение деталей устройства, называемого *турусы*, не только формирует образ, но и привносит в него новые нетривиальные детали — страховочные перильца, полка для ночного горшка и т.п.

Иногда нестандартная замена компонента сопровождается контаминацией разных идиом. Интересный случай такого рода представлен в следующем контексте. *«Простите меня, старика, Светлана Иосифовна», писал я ей в частности, «но боюсь, Вы не ведали, что творили. Ваш батюшка ревности был восхитительно чужд. Да и к кому — среди сборища маразматических мозгляков и гнид, которые его тогда окружали и были рассеяны лишь с приходом Лаврентия — мог бы ее ревновать этот ладный и годный еще хоть куда **Дон-Кихот без упрека и страха?**»* [Палисандрия]. Здесь контекстная синонимическая замена (*Дон-Кихот* вместо *рыцарь*) сочетается со скрытой контаминацией идиом *рыцарь без страха и упрека* и *рыцарь печального образа* — альтернативном самоназвании Дон-Кихота. В этом контексте содержится еще одна авторская модификация: *Вы не ведали, что творили*. Стандартные условия употребления этой идиомы предполагают только 3-е лицо настоящего времени: *Не ведают, что творят*. Этот тип модификаций относится уже к сфере грамматики.

Поэтический текст в силу специфики своей формы может навязывать автору лексические модификации, определяемые не только содержательными, но и формальными соображениями — ритмом, рифмой, размером. Ср. идиому *пройти огонь, воду и медные трубы* в примере из стихотворения И.А. Бродского «Памяти Т.Б.»: *Может, и к лучшему. Что сказать бы / Смог бы тебе я? Про наши свадьбы, / Роды, разводы, **проход сквозь трубы / Медные, пламень, чужие губы;** / т.е., с каким беспримерным рвением / Трудимся мы над твоим забвеньем.*

Авторские грамматические трансформации. Данный тип авторских трансформаций представлен идиомами, которые меняют в авторском языке свои грамматические характеристики. Характерный пример такого рода — изменение модели управления глагольной идиомы. Так, в примере из «Братьев Карамазовых» идиома *сойти с ума* в значении ‘испытывать сильное чувство любви по отношению к кому-л., что сопровождается чрезмерной концентрацией внимания на этом человеке и проявляется в деятельности лица, испытывающего данное чувство, напоминая поведение душевнобольного’ использована в совершенном виде с управлением *по кому-л.*: *Слушай дальше: Митеньке теперь пересекает дорогу старикашка отец. Ведь тот **по** Грушеньке **с ума** вдруг **сошел**, ведь у него слюна бежит, когда на нее глядит только.* Такое употребление в рассматриваемом значении ощущается как ненормальное. Ср. стандартное употребление *Она **по** нему уже давно **с ума** сходит.*

Аналогичные отклонения от современной нормы встречаются и у других авторов XIX в.: <...> *помнишь Варварушку из Кинешмы? — совсем **с ума** сошла **по** нем; как уехал, так в прорубь кинуться хотела, руки на себя наложить* [П.И. Мельников-Печерский. В лесах].

В современном языке такое управление и такая аспектуальная форма допустимы только для значения ‘находиться в состоянии направленного на что-л. аффекта, которое сопровождается чрезмерной концентрацией внимания на чем-л. и проявляется в соответствующей деятельности, что напоминает поведение душевнобольного’: *Весь мир **сошел с ума по** футболу; простой парень, который **сошел с ума по** машинам; У нас кот **сошел с ума по** своей кошачьей жратве.*

Грамматическая трансформация может быть связана и с грамматическими категориями именных компонентов. Так, идиома *сыр-бор разгорелся* используется только с ед. ч. формы *сыр-бор*, однако в авторском употреблении это ограничение может нарушаться: *Отвлекитесь от ваших потусторонних забот и взгляните окрест: пепелища. А какая безнравственность, по каким пустякам **разгораются эти сыр-боры!*** [Саша Соколов. Палисандрия]. Помимо грамматической модификации, в приведенном контексте обнаруживаются также эффекты материализации метафоры, поскольку выше говорится о пожарах — *взгляните окрест: пепелища.* Это позволяет отнести рассматриваемое употребление к игровым.

К грамматическим девиациям употребления можно отнести также снятие отрицания у идиом, включающих отрицание как обязательный компонент. Например, идиома *не пришей кобыле хвост* не допускает опущения отрицания, однако такая форма реализуется в следующем контексте: *Вам милее Сашка Людников — как-никак он пасынок, а я **пришей кобыле хвост!*** [А. Авдеенко. В поте лица своего]. Интересно, что изменение актуального значения здесь не происходит. Возможен и другой случай, когда снятие отрицания меняет и семантику идиомы. Так, в примере *Патрику Тандержету чрезвычайно понравился «Мужской клуб», он сразу **почувствовал себя** здесь **в своей тарелке*** [В. Аксенов. Ожог] идиома *[чувствовать себя] не в своей тарелке* при снятии отрицания понимается ровно в противоположном смысле — нечто вроде ‘чувствовать себя нормально’. Отметим, что в языке XIX в. снятие отрицания в последней идиоме было, видимо, нормой. Ср. *Хорош бывает Вячеслав Илларионович на больших званных обедах, даваемых помещиками в честь губернаторов и других властей: тут он, можно сказать, совершенно **в своей тарелке*** [И.С. Тургенев. Два помещика]. Для современного языка такая модификация воспринимается, скорее, как нестандартная, а в ряде случаев используется в контекстах языковой игры. Ср. *Ориентиром мне служило лицо того, красного, который сидел кренделем. Он сидел в кресле, **как в тарелке, как в своей тарелке**, и кивал с добродушием, из чего было ясно: всё в порядке, ругают* [И. Грекова. Без улыбок].

Другой случай грамматической девиации — возможность преобразования сравнительного оборота в выражение с творительным падежом сравнения. Ср. регулярные преобразования типа *смотреть как волк ↔ смотреть волком; выглядеть как дурак ↔ выглядеть дураком; извиваться как уж ↔ извиваться ужом*. Некоторые идиомы такое преобразование не допускают. Так, можно сказать *стоять горой* и нельзя в этом значении *стоять как гора*. Идиома *как снег на голову* не допускает трансформации в выражение с творительным падежом, однако в произведениях Саши Соколова такое преобразование обнаруживается: *Я к брату бы и сам с пристрастием **снегом на голову**, там дури сколько влезет* [Между собакой и волком].

Авторские семантические модификации идиомы. Семантическое варьирование предполагает то или иное изменение значения идиомы. В самом простом случае происходит изменение семанти-

ческой сочетаемости, свидетельствующее о модификации значения. Так, идиома *руки марасть* употребляется обычно по отношению к чему-либо, снижающему общественный статус человека. Однако в примере из «Братьев Карамазовых» эта идиома относится к поэтическому творчеству: *Вот он как ходил-то ко мне, тогда и сочинил эти стишонки. «В первый раз, говорит, **руки мараю**, стихи пишу, для обольщения, значит, для полезного дела. Забрав капитал у дурищи, гражданскую пользу потом принести могу»*. Вряд ли в нормальном случае написание стихов компрометирует автора. Следует отметить, что в языке XIX в. фиксируются употребления данного выражения по отношению к написанию текста, основанные на метонимии: написание текста пером и чернилами часто приводило к тому, что пальцы пачкались. Ср.: *Приятелей у Крошечкина было множество, но, во-первых, все это были люди необыкновенно глубокие, а потому «как следует писать об этом предмете, братец, времени нет, а коротенько писать — не стоит **руки марасть**»; а во-вторых, все они проводили время по большей части в «Британии» и потому не всегда бывали трезвы* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге].

Разумеется, модификации семантической сочетаемости в употреблении идиом, приводящие к известным сдвигам в значении, обнаруживаются и в современном языке. Ср. контекст из «Палисандрии» Саши Соколова: *Насколько же нужно не уважать мать с отцом, живших, что говорится, **плечом к плечу**, чтобы на потребу сенсации намекать на какие-то страсти-мордасти в духе шекспировского «Отелло»*. В стандартном случае идиома *плечом к плечу* сочетается с глаголами типа *стоять, идти, встать, воевать, сражаться, работать*. Сочетание *жить плечом к плечу* создает эффект языковой игры.

Изменение семантики, проявляющееся в сочетаемости, обнаруживается также для идиомы *пустить по рукам* в следующем контексте: *Самсику вдруг стало весело, он открыл футляр и, никого не стесняясь, закусил ветчиной рубленой, а потом вынул сакс и проиграл начало новой темы, **пустил ее по рукам*** [В. Аксенов. Ожог]. В основном употреблении идиома *пустить по рукам* значит 'сделать так, чтобы что-то (обычно книги, письма, записки и т.п.) стали известны многим людям, переходя от одного человека к другому'. А в данном контексте речь идет об игре на саксофоне.

Еще один пример семантической модификации — использование идиомы *час от часу*. В современном языке она обозначает изменение в сторону ухудшения и ассоциируется с выражением *час от часу не легче*. Во времена Пушкина этого ограничения не было, соответственно, многие контексты из его произведений с данной идиомой воспринимаются с точки зрения современного узуса как семантически модифицированные: *Дни, месяцы проходили, и влюбленный Ибрагим не мог решиться оставить им обольщенную женщину. Графиня час от часу более к нему привязывалась* [Арап Петра Великого].

В редких случаях авторская модификация семантики идиомы оказывается настолько радикальной, что приводит к почти антонимичному значению. Так, идиома *бить баклуши* в обычной ситуации используется для обозначения ситуации безделья. Однако в стихотворении И.А. Бродского «Тритон» она приобретает значение процесса творческого созидания: *Там, где прошлое плюс / Будущее вдвоем / Бьют баклуши, творя / Настоящее, вкус / Диктует массам объем. / И отсюда — моря.*

Авторские фреквенталии. Четвертый тип образуют идиомы, встречающиеся в обычном языке, но употребляющиеся в языке рассматриваемого писателя существенно более часто. Для Достоевского к числу таких фразеологических единиц относятся идиомы, характеризующие ненормальные ментальные состояния, в частности *сойти с ума*. К авторским фреквенталиям относится и фразеологизм *по крайней мере*. Конкорданс этого словосочетания включает 685 вхождений по 35 художественным произведениям. В противоположность этому, близкое по значению выражение *по меньшей мере* не является «словом Достоевского»: всего зафиксировано лишь три употребления. Тем самым на одно употребление *по меньшей мере* приходится более 200 употреблений *по крайней мере*.

Можно было бы подумать, что в русском языке времен Достоевского распределение между *по крайней мере* и *по меньшей мере* было именно таким, т.е. частота *по крайней мере* радикально превосходила частоту *по меньшей мере*. Однако это не так. Анализ корпуса текстов Н.В. Гоголя показывает, что различие в частотности этих единиц не так велико, как у Достоевского: одно употребление *по меньшей мере* соответствует 83 употреблением *по крайней мере*.

Частотная диспропорция между *по крайней мере* и *по меньшей мере* связана со значением этих выражений. Семантика фразеологизма *по меньшей мере* слишком определена и точна по сравнению с выражением *по крайней мере*, которое позволяет делать суждения менее категоричными. Так, во фразе *Он не мог объяснить, по крайней мере, тогда еще не мог объяснить, что через тех ничтожных мушек открываются не ведомые никому процессы развития жизни* [Д. Гранин. Зубр] первое утверждение *Он не мог объяснить* ослабляется и уточняется последующим утверждением *тогда еще не мог объяснить*, вводимым *по крайней мере*. В данном примере замена грамматического фразеологизма *по крайней мере* на фразеологизм *по меньшей мере* невозможна. Это связано с тем, что при использовании выражения *по меньшей мере* ослабления тезиса не происходит: **Он не мог объяснить, по меньшей мере, тогда еще не мог объяснить...* Выражение *по меньшей мере* точно указывает границу возможного. Для Достоевского меньшая категоричность семантики выражения *по крайней мере* оказалась решающей при выборе между этими двумя квазисинонимическими фразеологизмами⁷²:

Степан Трофимович ждал меня в истерическом нетерпении. Уже с час как он воротился. Я застал его как бы пьяного; первые пять минут *по крайней мере* я думал, что он пьян [Бесы];

— Вы напрасно беспокоитесь за старика слугу Григория Васильева. Узнайте, что он жив, очнулся и, несмотря на тяжкие побои, кажется, останется жив несомненно, *по крайней мере* по отзыву доктора [Братья Карамазовы].

Еще одним примером авторской фреквенталии может служить идиома *валять дурака*, широко представленная в художественных произведениях В. Аксенова (*Андрей, перестань дурака валять, закричала она; Настроение такое шутить, дурака валять*). А идиома *стукнуть кулаком по столу* часто встречается в произведениях А. и Б. Стругацких (*Трахнуть бы кулаком по столу да прикрикнуть, чтобы молчал*), А. Рыбакова (*Он сел, ударил кулаком по столу; Вадим впал в бешенство, стучал кулаком по столу*) и В. Аксенова (*Он вылил в свой стакан остатки водки, стукнул кулаком по столу и расхохотался пуще прежнего*).

⁷² См. подробнее [Баранов, Добровольский 2008: 165—190; 522—528].

Авторские деархаизмы. Иногда современные писатели для создания необходимого художественного эффекта используют идиомы, давно вышедшие из употребления. Так, устаревшее выражение *семо и овамо* ‘туда и сюда; везде’ употребляется рядом современных авторов. При этом могут преследоваться разные художественные цели. В повести Саши Соколова «Между собакой и волком» создается абсурдный мир, и использование нарочито устаревших идиом — лишь одно из средств построения усложненного мифологизированного повествования: *И тут волка я усмотрел за сувоями. Не удивляйтесь, зимой эта публика так и снует **семо-овамо**, следов — угол. Лафа им, животным, что воды мороз мостит, и без всякой погибели обойдешься.* А в антиутопии Т. Толстой «Кысь» описывается крушение цивилизации и возрождение феодального быта. Использование устаревших идиом в речи рассказчика и диалогах персонажей создает соответствующий колорит: *Укроп весь выпололи **семо и овамо**, площадку расчистили граблями.* Ср. также устаревшую идиому *ни гласа ни воздыхания* в романе А.И. Солженицина «Бодался теленок с дубом»: *Прошло еще полтора месяца — все было так же, **ни гласа ни воздыхания.***

Часто устаревшие выражения воспроизводятся с различными модификациями — как формы, так и значения. Ср. идиому *подбитый ветром* (об одежде, не защищающей от холода, а также о легкомысленном человеке) в следующих контекстах: *Ожидавшие переправы красноармейцы в **подбитых холодным волжским ветром** шинелях сидели на барже, лепясь один к другому, стараясь не прикасаться к налитанному холодом железу* [В. Гроссман. Жизнь и судьба]; *Какой шепот жалостливого узнавания проходит по залу, когда появляется пьянюшка Кирза (актриса А. Хованская), существо зыбкое, в скрученных чулочках, с пухлыми старушечьими щеками, тускло глядящая из-под свалывшейся шапки, держащая верную клеенчатую кошелку на сгибе локтя (о эти полусогнутые ручонки, смуглые от грязи пальчики, о резиновые опорки, о походочка **ветром подбитая!**)* [Л. Петрушевская. Московский неореализм]. В романе В. Гроссмана обнаруживается расширение формы идиомы с эффектами материализации метафоры, а в статье Л. Петрушевской — сдвиг значения, проявляющийся в нестандартной сочетаемости: идиома характеризует походку.

Вообще, употребление устаревших форм, в том числе и идиом, типично для авторского стиля Саши Соколова. Ср. встречающиеся в повести «Между собакой и волком» идиомы *выписывать / выделять мыслете* 'идти заплетающейся походкой', *охулки на руку не класть* 'не упускать своей выгоды': *Нет, сказали, оно у него не ахти, табак его обстоятельство, только и остается утех, что мыслете выделять; Что уж там, она ему отпускает грех, вольному воля, охулки на руки не клади, только и ты, дружочек, не обессудь: вероятно, обеспокою порой.*

Собственно авторские идиомы. Наконец, выделяются собственно авторские идиомы — словосочетания, часто используемые только данным автором и обладающие теми или иными свойствами идиоматичности значения. Как было отмечено выше, этот класс фразеологизмов является в определенном смысле искусственным, поскольку противоречит идее устойчивости и словарности. Истинная идиома должна быть по определению единицей лексикона.

Однако, несколько расширяя определение идиомы, можно выделить данный класс, имея в виду потенциальную способность языка создавать в речи носителей новые фразеологические единицы. В качестве примера собственно авторской идиомы можно привести выражение *в прах*, представленное в различных произведениях Достоевского в значении интенсификатора при предикатах с семантикой эмоционального состояния, ср. <...> *встал, поклонился как-то боком, косолапо, застыдился в прах, кстати уж задел и грохнул об пол ее дорогой рабочий столик* [Бесы] <...> *и может накутить, набуянить, разобидеть кого-нибудь в прах и доказать ему, что он все это может, что все это в «наших руках»* [Записки из мертвого дома]. Отметим, что в произведениях Голя, Толстого, Тургенева и Чехова такая идиома не встречается. Представлена лишь идиома *разбить / рассыпаться в прах*, передающая идею уничтожения.

Естественно ожидать появление собственно авторских идиом в произведениях писателей, экспериментирующих с языком или пытающихся имитировать диалектные и жаргонные особенности речи персонажей. Так, у А.И. Солженицина встречаются выражения *тараканьи силенки, душить всеми катками, стучать копытами* (\approx *топать ногами*), *слабеть животом*, которые могли бы претендовать на статус авторских идиом.

К авторским выражениям можно отнести и словосочетание *шалашовка разливная*, использованное Юзом Алешковским по отношению к В.И. Ленину: — **Шалашовка разливная. Прекрати тесисикать** [Синенький скромный платочек]. Данное выражение носит очевидно игровой характер и мотивировано известным эпизодом из биографии Ленина, мифологизированным советской историографией: в 1917 г. Ленин скрывался от преследований Временного правительства в шалаше в поселке Разлив.

У Юза Алешковского встречается также выражение *чесать за ушами*, используемое им в разных значениях: — **Чешите**, — говорю, — *товарищ международный артист, за ушами у международного урки. Слушаю вас. Только без темени* [Кенгуру]; — *Хотите прочитать его показания? Он же сознался.* — *Только не надо*, — говорю, — *Карпов, чешать у меня за ушами и кормить помоями* [Карусель].

Часто авторскими оказываются эксплицитные сравнения, поскольку в качестве образца, эталона проявления признака может использоваться что-то, что этим признаком обладает, но не представлено в языковом сознании социума как образец. Так, обычно, говоря об абсолютно лысой голове, используют сравнение с коленкой или с бильярдным шаром: *лысый как коленка / как бильярдный шар*. В то же время выражение *лысый как яйцо* в языковом сознании не фиксировано, хотя яйцо вполне может рассматриваться как эталон отсутствия волос. Эта семантическая потенция проявляется у концепта «яйцо» в авторских употреблении; ср. контекст из В. Аксенова: *Один художник, похожий на Карла Маркса, со своей бородой и гривой седых волос, внезапно сказал мне: — Привет! Как дела? Помнишь, мы вместе работали, творчески так трудились 18 лет назад? Чудо узнавания произошло, хотя, когда я его знал, он был лыс, как яйцо* [Алхимический лимон...].

В поэзии собственно авторская фразеология встречается не менее часто, чем в прозе. Можно предположить, что в поэтическом тексте имеются дополнительные факторы, способствующие возникновению чисто авторских фразеологизмов. С одной стороны, это формальные факторы: ритм, размер и рифма, а с другой — художественное своеобразие поэтического текста, предполагающее уникальность способов осмысления привычных понятий. Ср. выражения *жить в ином пределе, дойти до дальнего конца, сойти в Ха-*

ронову ладью, сорваться с берега земного со значением ‘смерти’ в поэзии В. Ходасевича; ср. [Коршкова 2008].

В настоящее время авторская фразеология описывается преимущественно в форме словарных изданий. Ср., например, словарное представление фразеологии А.Н. Островского в [Ломов 1982], описание крылатых выражений А.С. Пушкина в [Мокиенко, Сидоренко 1998] и словарь фразеологии В.В. Маяковского [Ничик, Ронгинский 1991]. Понятно, что в подобных словарных изданиях авторская фразеология понимается очень широко.

* * *

Фразеология в целом тесно связана с индивидуальными особенностями использования языка, поскольку из всего множества фразеологизмов каждый говорящий употребляет только какую-то небольшую часть. Индивидуальность носителя языка особенно явно проявляется в авторской идиоматике. Рассмотрение идиоматики в рамках значительного, но в то же время ограниченного по объему и индивидуальному стилю корпуса текстов одного автора позволяет увидеть различные измерения функционирования идиом и подсказывает методы их изучения, а также потенциал развития фразеологии. В этом смысле исследование авторской идиоматики важно не только для описания особенностей художественного текста и стиля писателя, но и для собственно семантического анализа. Иными словами, авторская фразеология демонстрирует одновременно и потенциал фразеологической системы, и реальные отклонения от существующего стандарта.

Задание 1. Охарактеризуйте тип авторской модификации идиом в следующих примерах:

С полуслова я понял товарища и предлагаю до выписки, без всяческих контрибуций *ноги отсюда умыть*. А документы? Чего тебе в тех документах, бумажками сыт не будешь, в частности, если липовые [Саша Соколов. Между собакой и волком];

Завлеченный шумом, заходит с улицы во двор, изволит желтеть аксельбантами, побрякивать шпорами и, побрякивая в усы, воздыматься по черной, к несчастью довольно засаленной, лестнице, околоточный,

добрый приятель московского, а некоторым образом и столичного, метранпажей; в сапогах, поперек себя шире, зато отменный картежник, ветреник, *не круглый дурак выпить*, при сабле — и вообще славный малый [Саша Соколов. Между собакой и волком].

Задание 2. Определите причины возникновения юмористического эффекта в следующем контексте. Выделите случаи, связанные с авторским употреблением фразеологизмов:

Точные определения:

- Бюст Пушкина во весь рост.
 - Три богатыря: Минин и Пожарский.
 - Я достиг своего фиаско!
 - Голова не болит ни грамма.
 - Человека два медсестры.
 - Во-первых, три причины.
 - До кости мозгов
- [Абрам Терц. Голос из хора].

Задание 3. Определите, в чем особенности употребления устаревшей идиомы *охулки на руку не класть* в приводимом ниже контексте. Используйте имеющиеся фразеологические словари и НКРЯ.

<...> я разрешаю Вам пользоваться моими набросками широко, без стеснения, до неиспользования кавычек включительно, иначе Вы станете это делать без разрешения и испытывать естественную неловкость, а я не хочу *налагать* Вам *охулки на руки* ни в каком отношении <...> [Саша Соколов. Палисандрия].

Задание 4. Выявите авторские особенности употребления идиом в следующем контексте:

Он буркнул просто: «этому <...>, который все придумал, надо в рыло дать за такие штуки. Гнать его в три шеи». Можно сказать, просто выругался. А они все дословно выполнили. И по шее ровно три раза дубинкой засадили — мол, если не получается один раз в три шеи, сделаем три раза в одну. Своя же служба безопасности, представляете? Которая пропуск проверяла и под козырек брала... — Ариэль всхлипнул. — А проект закрыли. — Совсем закрыли? — спросил Т. — Угу. — А как же кредит? Ариэль прищурился на Т. — Знаете, граф, — сказал

он, — я вам даже описать не могу, до какого мне это фиолетового барабана [Викт. Пелевин. Граф Т.].

Рекомендованная литература

Бабкин А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. Л., 1970. С. 106—215 [рассматриваются особенности использования фразеологизмов в языке писателя и условия их усвоения литературным языком].

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997. С. 17—35 [дается подробная классификация окказиональных модификаций фразеологизмов].

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Предметом сопоставительной фразеологии в узком смысле являются фразеологизмы разных языков, имеющие сходные семантические или структурные характеристики. Таким образом, от сопоставительного подхода следует отличать типологические исследования в области фразеологии, которые характеризуются, во-первых, большим разнообразием сравниваемых языков и, во-вторых, тем, что в типологии обращается внимание на системные свойства фразеологии, а не на сходства и различия конкретных единиц. Внимание сопоставительного подхода к значению конкретных фразеологизмов разных языков объясняет связь этого направления с проблемами перевода. Предметом сопоставительного анализа являются не только отдельные фразеологизмы, но и их группы, объединяемые по тому или иному признаку.

1. Типы межъязыковой эквивалентности

Долгое время основным вопросом сопоставительного анализа фразеологии оставалась классификация и описание типов межъязыковой эквивалентности (см. об этом в обзорной работе [Korhonen 2007: 586]). Обычно выделяются «полные эквиваленты»; «частичные эквиваленты»; «фразеологические аналоги» и «безэквивалентные фразеологизмы».

«Полные эквиваленты» предполагают идентичность значения, внутренней формы, а также синтаксической и лексической структуры; ср. рус. *буря в стакане воды* и нем. *ein Sturm im Wasserglas* или рус. *играть с огнем* и англ. *to play with fire*. Некоторые «полные эквиваленты» допускают минимальные морфологические и лексические различия, не затрагивающие образной основы идиомы; ср., например, варьирование граммы числа субстантивных компонентов в следующих парах идиом различных языков: нем. *von*

Kopf bis Fuß (букв.: «с головы до ноги») и рус. *с головы до ног* или рус. *высотать из пальца* и нем. *sich aus den Fingern saugen* (букв.: «из пальцев»). Ср. также различия в выборе глагольного компонента между русской идиомой *превратиться в соляной столб* и немецкой *zur Salzsäule erstarren* (букв.: «окоченеть в соляной столб»).

Под «частичными эквивалентами» в литературе чаще всего понимаются фразеологизмы разных языков с близкими актуальными значениями и лексико-синтаксическими структурами. В этом случае допускаются и модификации внутренней формы; ср. рус. *встать не с той ноги* и англ. *to get out of bed on the wrong side* (букв.: «встать с постели с неправильной стороны»). Можно сказать, что отношение частичной эквивалентности имеет место, когда при семантическом сходстве сопоставляемые идиомы характеризуются еще и существенным (но не полным) сходством в компонентном составе и синтаксической структуре, причем сходство явно доминирует над различиями.

«Фразеологические аналоги» хотя и обладают близкими актуальными значениями, но различаются внутренней формой; ср. рус. *одетый с иголки* и англ. *spic and span*; рус. *подложить свинью (кому-л.)* и англ. *to play a dirty trick (on sb.)* (букв.: «сыграть грязную шутку с кем-л.»); рус. *(у кого-л.) не все дома* и нем. *(jmd.) hat nicht alle Tassen im Schrank* (букв.: «у кого-л. не все чашки в шкафу»); англ. *hot potato* (букв.: «горячая картошка») и нем. *heißes Eisen* (букв.: «горячее железо») со значением «щекотливая тема»; англ. *to be like a cat on hot bricks* (букв.: «как кошка на горячих кирпичах»), нем. *wie auf glühenden Kohlen sitzen* (букв.: «сидеть как на раскаленных углях») и рус. *сидеть как на иголках*. «Фразеологические аналоги» характеризуются семантическим сходством при (почти) полном отсутствии формального сходства, т.е. сходства синтаксической структуры и компонентного состава. В разных концепциях это явление известно под разными названиями: ср., например, понятие «функционально-семантической эквивалентности» (*funktionelle Bedeutungsäquivalenz*) в [Mellado Blanco 2007].

Большую часть фразеологического состава образуют «безэквивалентные фразеологизмы», т.е. фразеологизмы, не имеющие эквивалентов в сопоставляемом языке. Так, у русской идиомы *объяснить на пальцах* ни в английском, ни в немецком языке нет идиом-эквивалентов. Ее, конечно, можно перевести на эти языки,

например, на английский как *to explain as simply as possible*, но понятно, что подобные описательные переводы не являются единицами фразеологической системы языка. Ср. также немецкую идиому (*etw.*) *nicht übers Herz bringen können* (букв.: «не мочь пронести что-л. через сердце»), которая может быть переведена на русский только описательно, с помощью свободного сочетания слов типа *не мочь себя заставить (сделать что-л.)*. Довольно часто безэквивалентность объясняется какими-то культурно-историческими реалиями, фиксированными во внутренней форме. Так, английская идиома *to cut (sb.) off with a shilling* (букв.: «отрезать кого-л. шиллингом») ‘лишить кого-л. наследства’ мотивирована тем, что завещатели часто оставляли лишенным наследства один шиллинг в доказательство того, что это не простая забывчивость, а намеренное решение.

Отметим, что выделение различных типов межъязыковой эквивалентности несколько искусственно и преследует в первую очередь цель классификации материала. С практической точки зрения различие между перечисленными типами вряд ли значимо. Действительно, в соответствии с изложенными принципами получается, что нем. *ein Sturm im Wasserglas* и рус. *буря в стакане воды* — «полные эквиваленты», в то время как идентичная им по актуальному значению английская идиома *a tempest in a teapot* — это уже «частичный эквивалент», поскольку *teapot* ‘чайник’ — не то же самое, что *стакан воды* или *Wasserglas*, а следовательно, в их разных составляющих можно усмотреть некоторые различия. При этом понятно, что и в лексикографии, и в переводческой практике с этими тремя идиомами вполне можно работать как с хорошими эквивалентами.

Критерии для разграничения отдельных классов в таких классификациях определяются, скорее, интуитивно, что проявляется в наличии большого количества переходных случаев. Действительно, почему мы рассматриваем пару идиом нем. *aus einer Mücke einen Elefanten machen* и рус. *делать из мухи слона* как «частичные эквиваленты», а англ. *hot potato* и нем. *heißes Eisen* — как «аналоги»? И в том и в другом случае они различаются ровно на один субстантивный компонент. Интуитивно понятно, что семантические различия между ‘мухой’ и ‘комаром’ (*Mücke*), скорее, не существенны для внутренней формы ‘делать из некоего очень малень-

кого насекомого какое-то очень большое животное', в то время как разница между 'картошкой' (*potato*) и 'железом' (*Eisen*) влияет на структуру исходного концепта и может проявляться в специфике актуального значения. Тем не менее очевидно, что в ряде случаев принять обоснованное решение при отнесении пары идиом к тому или иному классу межъязыковой эквивалентности крайне сложно. Существенно, что для многих практических задач — в частности для преподавания иностранных языков, перевода и составления словарей — важно другое: выявить и описать различия в употреблении внешне схожих фразеологизмов сопоставляемых языков и — говоря шире — помочь найти наиболее подходящий способ передачи значения выражения языка источника на соответствующее выражение языка цели.

Хотя выделение типов эквивалентности между идиомами разных языков обнаруживает сложности (часть из которых была представлена выше), попытки классификаций такого типа полезны. Описание, основанное на подобной классификации, дает некое (пусть достаточно огрубленное) представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях фразеологии сопоставляемых языков. Выделяемые на основании данных критериев эквиваленты следует рассматривать как гипотетические, поскольку описание фразеологии, ориентированное на критерии такого рода, ничего не говорит о реальном функционировании сопоставляемых выражений. Подобная классификация может использоваться как исходный пункт для исследования специфики употребления фразеологизмов с близкой семантикой в каждом конкретном языке. Понимаемую таким образом гипотетическую межъязыковую эквивалентность можно назвать **системной**.

2. Эквивалентность в системе языка и в переводе

Для того чтобы ответить на вопрос о природе межъязыковых эквивалентов во фразеологии, нужно выделить два различных аспекта эквивалентности:

- а) эквивалентность в переводе, т.е. отношение между данным фразеологизмом языка источника и его переводом на

язык цели в определенном тексте (не обязательно с помощью фразеологизма)

и

б) эквивалентность в системе языка, т.е. отношение между сопоставляемыми фразеологизмами языка источника и языка цели на системном уровне.

Очевидно, что выбор переводного эквивалента в большой степени зависит от контекста. Эквиваленты в системе языка — это более или менее (прежде всего семантически) сходные идиомы двух или более сопоставляемых языков. Поскольку такие эквиваленты чаще всего обнаруживают определенные межъязыковые различия, термин *эквивалентность* употребляется в этом случае не вполне строго. В принципе, то же самое можно сказать и об эквивалентности в переводе, поскольку очевидно, что она задается общими параметрами текста, а не отдельными лексическими единицами, в том числе фразеологизмами. Иными словами, переводчик ориентируется не на семантическое (и тем более формальное) сходство отдельных лексических единиц (слов или фразеологизмов), а на содержание текста в целом. Материал различных языков показывает, что подлинной эквивалентности во фразеологии практически не существует.

Остановимся подробнее на каждом из упомянутых аспектов: межъязыковой эквивалентности в переводе и межъязыковой эквивалентности в системе языка.

2.1. Эквивалентность в переводе идиом

Можно говорить о двух важнейших отличиях переводческой эквивалентности от системной. Во-первых, первая ориентирована на конкретный текст, а вторая — на лексическую систему. Во-вторых, эквивалентность в переводе — это однонаправленное отношение, в то время как эквивалентность в системе языка определяется как двустороннее отношение [Hallsteinsdóttir, Farø 2010: 146]. К указанным двум различиям можно добавить еще и третье: перевод идиомы, употребленной в тексте оригинала, совсем не обязательно осуществляется с помощью идиомы языка-цели. Это может быть отдельное слово, окказиональное образное выражение или перифраза. Более того, свободное словосочетание в языке источника может переводиться в языке цели фразеологизмом. Таким образом, переводческая эквивалентность фразеологизмов оказывается существенно иной категорией, чем системная. Такое понимание переводческой

эквивалентности расширяет представления о возможностях межъязыкового перефразирования, а также о роли контекстных условий для подбора адекватного соответствия и способствует развитию как теории перевода, так и сопоставительной фразеологии.

Идеальная эмпирическая база для исследования переводных эквивалентов — это корпуса параллельных текстов. Обратимся к русско-немецкому параллельному корпусу, содержащему роман Ф.М. Достоевского «Идиот» и три его различных перевода на немецкий язык: два последних по времени — перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э.К. Разин (псевдоним известной переводчицы Элизабет Керрик), изданный в начале XX в. и затем многократно переиздававшийся⁷³. Рассмотрим пример вариантов перевода на немецкий язык устаревшей идиомы *бубновый валет*, употреблявшейся в XIX в. в значении ‘мошенник, плут’ (от символической интерпретации этой карты, восходящей к французской культурной традиции)⁷⁴:

- 1) Она всю жизнь будет меня за *валета бубнового* считать (да это-то ей, может быть, и надо) и все-таки любить по-своему; она к тому готовится, такой уж характер [Ф.М. Достоевский. Идиот];
- 1a) Ihr Leben lang wird sie mich für einen *Karo-Buben* [букв.: *бубнового валета*] halten (aber vielleicht ist es genau das, was sie braucht) und mich trotzdem auf ihre Art lieben; sie stellt sich schon darauf ein, das ist eben ihr Charakter [неп.: S. Geier];
- 1b) Sie wird mich zeit ihres Lebens für einen *miesen Gauner* [букв.: *подлого мошенника*] halten (das braucht sie vielleicht) und

⁷³ Излагаемые результаты получены с использованием «Корпуса Австрийской Академии» (AAC — Austrian Academy Corpus), созданного в Австрийской академии наук в Вене. Далее привлекаются также материалы подкорпуса параллельных текстов Национального корпуса русского языка (www.ruscorgpora.ru), корпус Института немецкого языка в Мангейме DeReKo (<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>) и корпус немецкого языка XX в. Берлинско-Бранденбургской академии наук (www.dwds.de).

⁷⁴ Эта идиома была достаточно известна еще и в начале XX в. Ср. название известного художественного объединения «Бубновый валет», придуманное М. Ларионовым в противовес претенциозным и псевдоутонченным названиям, характерным для культурной жизни того времени.

mich dennoch auf ihre Weise lieben; darauf stellt sie sich ein, das liegt in ihrem Charakter [пер.: Н. Herboth];

- 1с) Sie wird mich ihr Leben lang für einen *dummen Jungen* [букв.: *глупого мальчишку*] halten — das ist ja aber vielleicht gerade das, was sie haben will! — und mich dabei doch auf ihre Art lieben; wenigstens bereitet sie sich dazu vor, das ist nun einmal ihr Charakter [пер.: Е.К. Rahsin].

Примеры показывают, насколько различными могут быть конкретные переводческие решения. Перевод, предлагаемый С. Гайер (1а), абсолютно адекватен: малопонятная русская идиома *бубновый валет* переводится с помощью такого же малопонятного немецкого композита *Karo-Bube*. При этом сохраняется образная основа выражения и его уникальный колорит. Потери в общедоступности смысла мотивированы, во-первых, тем, что и русский читатель текста оригинала находится не в лучшем положении, а во-вторых, тем, что носители немецкого языка могут при желании выяснить значение этого выражения. Известно, что немецкий язык находился в XVIII и XIX вв. под столь же сильным влиянием французского, что и русский. Перевод (1b) раскрывает семантику русского фразеологизма *бубновый валет* и в этом смысле также адекватен. Перевод (1с) менее точен, что вообще характерно для переводческой практики начала XX в. Хотя общий смысл данной реплики Гани Иволгина, обращенной к князю Мышкину, передан верно, значение идиомы *бубновый валет* искажено: ‘мошенник’ и ‘глупый мальчишка’ — весьма разные персонажи. В подобных случаях вообще нельзя говорить об эквивалентности: ни о переводческой, ни тем более о системной.

В 60-е и 70-е годы XX в. в работах по сопоставительной фразеологии часто высказывалось мнение, что переводчик должен стремиться к сохранению общего уровня «фразеологичности» текста. Иными словами, если в определенном фрагменте текста по каким-то причинам не удастся перевести идиому с помощью идиомы, то эта «потеря» обязательно должна быть компенсирована, т.е. переводчик должен вставить идиому языка-цели в каком-то другом месте, чтобы общее количество фразеологизмов исходного текста в целом сохранялось. Понятно, что подобные требования довольно наивны и вряд ли обоснованы с точки зрения критериев адекватности перевода. Фразео-

логизмы (даже в художественном тексте) не имеют самостоятельной ценности. Переводятся смысловые фрагменты текста, а не отдельные лексические единицы. При этом особенности индивидуального стиля автора, которые хороший перевод должен сохранять, не обязательно привязаны к конкретным фразеологизмам. Гораздо более значимыми с этой точки зрения оказываются авторские метафоры, стилистическая окраска текста, ритмические характеристики фразы и т.п. Идиомы проявляют себя как элемент авторского стиля лишь в нестандартных употреблении: например, в случаях обыгрывания их внутренней формы, окказионального варьирования их структуры, включения в каламбурные контексты и пр. Ср. следующий фрагмент из романа Г. Грасса «Жестяной барабан», изобилующий идиомами — в том числе с авторскими игровыми модификациями — и его перевод на русский язык (фразеологизмы выделены курсивом):

- 2) Mama konnte sehr lustig sein. Mama konnte sehr ängstlich sein. Mama konnte schnell vergessen. Mama hatte dennoch ein gutes Gedächtnis. Mama *schüttete mich aus* und *saß* dennoch *mit mir in einem Bade*. Mama ging mir manchmal verloren, aber ihr Finder ging mit ihr. Wenn ich Scheiben zersang, handelte Mama mit Kitt. Sie *setzte sich* manchmal *ins Unrecht*, obgleich es ringsherum *Stühle genug gab*. Auch wenn Mama *sich zuknöpfte*, blieb sie mir aufschlußreich. Mama fürchtete die Zugluft und *machte* dennoch ständig *Wind*. Sie lebte auf Spesen und zahlte ungerne Steuern. Ich war *die Kehrseite ihres Deckblattes* [G. Grass. Die Blechtrommel].
- 2а) Мама могла быть очень веселой. Мама могла быть очень робкой. Мама могла скоро забывать. Однако у мамы была хорошая память. Мама *выплеснула вместе с водой и меня*, и она же *сидела со мной в одной ванне*. Я иногда терял маму, но ее искатель ходил рядом с ней. Если я пением разрезал стекла, мама подавала замазку. Будучи неправа, мама часто *стояла на своем*, хотя вокруг хватало стульев, чтобы сесть. Даже когда мама была *застегнута на все пуговицы*, она оставалась для меня открытой. Мама боялась сквозняков и, однако, то и дело *поднимала бурю*. Она жила на издержки и не любила накладных расходов. Я был *рубашкой верхней карты в ее колоде* [пер.: С.Л. Фридлянд].

Этот фрагмент, в котором Оскар описывает свою маму, содержит (в явном виде и в форме аллюзий) следующие фразеологизмы: *das Kind mit dem Bade ausschütten* (букв.: «вместе с водой выплеснуть и ребенка»), *im gleichen / in einem Boot sitzen* (букв.: «сидеть в одной лодке»), *sich ins Unrecht setzen* («быть несправедливым»; букв. «сесть в несправедливость»), *sich zwischen zwei Stühle setzen* (букв.: «сесть между двух стульев»), *Wind machen* («хвастаться»; букв. «делать ветер»), *die Kehrseite der Medaille* (букв.: «оборотная сторона медали»), а также метафору *zugeknöpft*, приблизительно соответствующую русской идиоме *застегнутый на все пуговицы*. Во многих случаях эти выражения удачно переведены, но не во всех. Так, языковая игра, основанная на противопоставлении фразеологизмов *sich ins Unrecht setzen* и *sich zwischen zwei Stühle setzen* потеряна, хотя ее несколько компенсирует противопоставление глаголов *стоять* (как компонента фразеологизма *стоять на своём*) и *садиться* (ср. *хотя вокруг хватало стульев, чтобы сесть*). Языковая игра *Mama fürchtete die Zugluft und machte dennoch ständig Wind* хорошо передана с помощью противопоставления *сквозняка* и *бури* (*мама боялась сквозняков и, однако, то и дело поднимала бурю*), но значение идиомы *Wind machen* «хвастаться» сохранить при этом не удалось. Словосочетание *die Kehrseite ihres Deckblattes* ассоциируется с идиомой *die Kehrseite der Medaille*, в русском переводе *рубашка верхней карты в ее колоде* эта ассоциация потеряна. Понятно, что любое из предложенных С.Л. Фридлянд решений является переводческим эквивалентом и часто не имеет никакого отношения к понятию эквивалентности в системе языка.

В разобранных выше примерах отказ от использования «полного эквивалента» мотивирован большей частью художественными особенностями текста и творческой волей переводчика. Встречаются, однако, и случаи, когда отказ от использования «полного эквивалента» продиктован самой системой языка.

2.2. Эквивалентность в системе языка

Приведенная выше классификация типов эквивалентности — «полные эквиваленты»; «частичные эквиваленты»; «фразеологические аналоги» и «безэквивалентные фразеологизмы» — относится именно к системному аспекту сопоставления языков. Однако оказывается, что выделенные на таких основаниях пары полных или

частичных эквивалентов часто обнаруживают в реальных контекстах употребления различия в семантике.

Так, русская идиома *водить за нос (кого-л.)* имеет в немецком языке, казалось бы, идеальный эквивалент, идентичный как по актуальному значению, так и по образной составляющей: (*jmdn.*) *an der Nase herumführen*. Даже лексические и синтаксические структуры этих двух идиом обнаруживают большое сходство. Тем не менее оказывается, что выражение (*jmdn.*) *an der Nase herumführen* может быть переведено на русский язык с помощью идиомы *водить за нос (кого-л.)* далеко не во всех случаях. Ср. примеры (3) и (4).

- 3) In Wahrheit hatte er [Wolfgang Schäuble] aber 100.000 Mark <...> bekommen <...>. Und das hat er im Deutschen Bundestag <...> verschwiegen und hat das erst später, vier Wochen später in einem Fernsehinterview aufgedeckt und da haben viele gesagt, <...> der hat den Deutschen Bundestag *an der Nase herumgeführt*.
- 3а) На самом деле он [Вольфганг Шойбле] получил 100.000 марок. Причем он скрыл это от бундестага и только позднее, спустя четыре недели, признался в этом во время телеинтервью. И многие сказали тогда: он просто *одурачил* немецкий парламент.
- 4) <...> und man rief seinen gesamten Stab zusammen und ließ verlauten, daß Richard Stuart sie alle *an der Nase herumgeführt hätte* <...>.
- 4а) И тогда созвали весь его штаб и объявили, что Ричард Стюарт *обвел* их всех *вокруг пальца*.

Дело в том, что русская идиома *водить за нос (кого-л.)* практически не употребляется в форме совершенного вида; ср. *провел за нос*⁷⁵. А немецкая идиома (*jmdn.*) *an der Nase herumführen* довольно часто встречается в контекстах, коммуникативно выделяющих результат и требующих, таким образом, в переводе на русский совершенного вида. Следовательно, несмотря на интуитивно ощущаемую эквивалентность выражений (*jmdn.*) *an der Nase herumführen* и

⁷⁵ Употребление русской идиомы *водить за нос* в формах совершенного вида вообще возможно, но нетипично.

водить за нос (кого-л.), эта эквивалентность не может расцениваться как полная. В отличие от случаев, обсуждаемых в предыдущем разделе, невозможность использования «нормального» эквивалента в переводе зависит здесь не от эстетических задач и не от субъективного решения переводчика, а от системных особенностей сопоставляемых идиом. Системно эквивалентными оказываются в данном случае не идиомы (*jmdn.*) *an der Nase herumführen* и *водить за нос (кого-л.)* в целом (как это традиционно предполагалось), а только их конкретные видовые варианты — описание продолженного (а не законченного) действия. В случаях обозначения законченного действия более адекватными эквивалентами немецкого выражения будут глаголы *надуть*, *одурачить* или фразеологизм *обвести вокруг пальца*. Таким образом, традиционная классификация типов межъязыковой эквивалентности оказывается слишком грубой, поскольку она не учитывает все значимые системные параметры, в частности категорию глагольного вида. Традиционные типы позволяют выделить выражения, которые могут лишь претендовать на статус системной эквивалентности.

Идиомы представляют собой настолько сложно организованные единицы лексикона, что полного совпадения выражений разных языков по всем релевантным аспектам ожидать довольно трудно. Параметры, по которым должна осуществляться проверка кандидатов на эквивалентность, можно упорядочить по трем основным семиотическим осям: **семантике, синтактике и прагматике**.

Часто различия между сопоставляемыми фразеологизмами обусловлены сразу несколькими параметрами. Так, несовпадение между идиомами *водить за нос (кого-л.)* и (*jmdn.*) *an der Nase herumführen* проявляется, с одной стороны, в сочетаемостных запретах (синтактика), а с другой — в семантических различиях (запрет событийного осмысления выражения *водить за нос* — часть его значения).

Говоря о роли семантики в определении межъязыковой эквивалентности, следует выделить различия в актуальном значении и различия в образной составляющей (которая является частью семантики). Так, сопоставляемые выражения могут совпадать по своему актуальному значению, но не по образной основе — и тем самым отклоняться от идеала полной эквивалентности. И наоборот:

они могут обладать практически идентичной внутренней формой, но не совпадать по актуальному значению.

Остановимся на этом случае несколько подробнее. Различия в **актуальных значениях** сопоставляемых идиом могут быть трех видов. Во-первых, это могут быть **«ложные друзья переводчика»**. Ср. следующие примеры: рус. *лезть из кожи вон* и нем. *aus der Haut fahren* со значением ‘сильно сердиться’, а не ‘сильно стараться’; англ. *to beat about the bush* ‘говорить не по существу’ (ср. рус. *ходить вокруг да около*) и нем. *(bei jmdm.) auf den Busch klopfen* ‘пытаться осторожно выяснить что-л. у кого-л.’ или нем. *in den Wind reden / sprechen* ‘говорить, не будучи услышанным’ и рус. *бросать слова на ветер* ‘говорить, не думая, давать поспешные, необдуманные обещания’.

Во-вторых, это могут быть **«межъязыковые квазисинонимы»**, т.е. фразеологизмы, близкие, но не идентичные по значению. Примерами могут служить такие пары идиом, как рус. *черным по белому* и нем. *schwarz auf weiß* или рус. *рвать на себе волосы* и нем. *sich die Haare raufen*. В первом случае семантические различия проявляются в том, что немецкая идиома *schwarz auf weiß* фокусирует официальный характер документа, «написанного черным по белому», в то время как русское выражение подчеркивает, что речь идет о чем-то абсолютно ясном и понятном; ср. *Читай внимательней! Там же черным по белому написано, что на что влияет*. Эти различия проявляются и в сочетаемости. Для русской идиомы характерно сочетание со словами *стоит* и *написано*, а для немецкой — со словами *geben* ‘дать’, *bekommen* ‘получить’, *besitzen* ‘обладать’, *haben* ‘иметь’⁷⁶. Тонкие семантические расхождения между выражениями *черным по белому* и *schwarz auf weiß* могут быть обусловлены этимологической памятью немецкой идиомы. Своей широкой известностью она обязана следующей строке из «Фауста» Гёте: *Denn was man schwarz auf weiß besitzt, kann man*

⁷⁶ Так, в корпусе Института немецкого языка DeReKo из 223 контекстов с этой идиомой 192 описывают ситуацию получения официального документа или обладания им (часто противопоставляемой ситуации устной договоренности). Из 165 контекстов из НКРЯ, в которых встретилась русская идиома *черным по белому*, только 16 допускают наличие семантического компонента ‘официально’.

getrost nach Hause tragen (букв.: «Ведь то, что имеешь черным по белому, можно спокойно взять домой»)⁷⁷.

Выражения *рвать на себе волосы* и *sich die Haare raufen* различаются тем, что русская идиома употребляется в ситуации, когда человек испытывает сильную досаду или отчаяние по поводу чего-то уже случившегося, причем чаще речь идет о том, чего можно было избежать, а немецкая идиома выражает, как правило, граничащую с отчаянием беспомощность перед решением предстоящей задачи.

В-третьих, это может быть **«асимметричная полисемия»**. Под асимметричной полисемией понимаются случаи, когда сопоставляемые выражения обнаруживают различные значения, причем семантически соотносимы лишь некоторые из них. Так, русская идиома *испустить дух* имеет два значения: ‘умереть’ (*Государыня испустила дух*) и ‘перестать существовать’ (*«Великий почин» испустил дух — субботников больше нет*). А немецкая идиома *den / seinen Geist aufgeben*, которую традиционно описывают как «полный эквивалент» русской, — в современном языке имеет только одно значение: ‘перестать существовать’ (значение ‘умереть’ устарело и практически вышло из употребления). Данное семантическое различие связано и с прагматикой (в широком понимании), поскольку частотность того или иного выражения и его временные характеристики — такие как факторы архаизации или потери актуальности для современного словоупотребления — находятся в сфере компетенции прагматики.

Что касается различий в **образной составляющей**, то они могут быть проиллюстрированы с помощью обсуждавшейся выше пары идиом *an der Nase herumführen* и *обвести вокруг пальца*. Поскольку в тех случаях, когда выражение *водить за нос* не подходит в качестве эквивалента из-за своих аспектуальных особенностей и более удачным соответствием оказывается идиома *обвести вокруг пальца*, подлинной системной эквивалентности добиться не удастся. Внутренняя форма этих фразеологизмов настолько различна, что полными эквивалентами их считать нельзя.

Различия в прагматическом потенциале сопоставляемых единиц проявляются прежде всего в их привязке к тем или иным ти-

⁷⁷ Ср. эти строки в переводе Н. Холодковского: Спокойно мы домой те-традь несём: / Топор не вырубит, что писано пером.

пам речевых актов. Приведем пример. Немецкая идиома *ich fress(e) einen Besen / will einen Besen fressen* (букв.: «я сожру метлу») имеет, казалось бы, неплохие корреляты в русском языке — идиомы *лопни мои глаза* и *провалиться мне на месте*. Конечно, эти идиомы не могут считаться полными эквивалентами даже в рамках традиционного сопоставительного анализа: они сильно отличаются друг от друга по образной составляющей и могут, следовательно, претендовать лишь на статус «фразеологических аналогов». Однако различия этим не ограничиваются. Немецкая идиома *ich fress(e) einen Besen / will einen Besen fressen* может употребляться в «контекстах уверения» и в «контекстах сомнения». Ср. следующие примеры из словаря [Duden 11: 111–112].

- 5) Wenn es nicht klappt, *fresse ich einen Besen*. (букв.: «Если это не получится, я сожру метлу» — ‘уверяю тебя, что это получится’)
- 6) „Mensch“, sagte jemand ziemlich vernehmlich, „*ich fress' einen Besen*, wenn das nicht dem Jungen seine Schwester ist“. [Baldwin, Übers., Welt 269] (букв.: «– Послушай, — сказал он довольно громко, — я сожру метлу, если это не сестра того парня» — ‘уверяю тебя, что это сестра того парня’)
- 7) *Ich will einen Besen fressen*, wenn das stimmt. (букв.: «Я сожру метлу, если это правда» — ‘я сильно сомневаюсь в том, что это правда’)

Русские фразеологизмы *лопни мои глаза* и *провалиться мне на месте* могут употребляться лишь в речевых актах уверения. Так, было бы очень странно использовать их в переводе контекста (7): *Лопни мои глаза / провалиться мне на месте, если это правда*. Такое высказывание было бы возможно, только если интерпретировать его как клятву, т.е. если переосмыслить сомнение в некотором положении дел как уверение в том, что это положение дел не имеет места.

В широком смысле к сфере прагматики относятся такие факторы, как принадлежность выражения к тому или иному стилевому регистру, его временные характеристики (устаревшее vs. новое), степень употребительности, привязка к конкретному типу дискурса и пр.

Исследование эквивалентности в системе языка имеет для фразеологии как теоретическое, так и практическое значение. Одна из важнейших проблем заключается в том, что между принципиально схожими идиомами сопоставляемых языков — языком источника и языком цели — практически всегда обнаруживаются определенные семантические, прагматические и сочетаемостные различия, которые должны быть выявлены и описаны. Особенно это важно в тех случаях, когда традиционное описание постулирует отношение «полной эквивалентности», игнорируя невозможность взаимозамены соответствующих идиом в реальных контекстах. Практическая сторона системной эквивалентности — это ее отражение в двуязычных словарях.

Задание 1. Найдите пары идиом — из русского языка и изучаемого иностранного языка, — которые в словарях описываются как эквивалентные, но обнаруживают различия в употреблении. Для выявления различий используйте существующие корпусы.

Задание 2. В русском языке имеется идиома *пускать пыль в глаза* (кому-л.). В английском языке обнаруживается близкая по компонентному составу идиома *to throw dust in (sb.'s) eyes*. Определите, существуют ли семантические различия между этими формами в русском и английском языках. Для выполнения задания используйте словари и корпусы текстов. Как бы вы квалифицировали данную пару? Это «полные эквиваленты», «частичные эквиваленты», «ложные друзья переводчика» или «межъязыковые квазисинонимы»?

Задание 3. Английская идиома *black sheep* и немецкая *schwarzes Schaf* практически полностью эквивалентны. А как они соотносятся с русской идиомой *паршивая овца*? Определите, существуют ли между ними семантические различия и, если да, то какие.

Задание 4. Сравните фразеологизмы: рус. *родиться в сорочке*, англ. *to be born with a silver spoon in one's mouth*, фр. *être né(e) avec une cuiller d'argent dans la bouche* и нем. *mit einem silbernen Löffel im Mund*

geboren sein. Выявите с помощью словарей и примеров из имеющихся корпусов особенности значений этих идиом. Какие из них можно считать эквивалентными, а какие — нет? Обоснуйте свой вывод.

Задание 5. Часто фразеологизмы не имеют фразеологических эквивалентов в других языках из-за особенностей их происхождения. Английская идиома *prunes and prism(s)* ‘жеманная манера говорить’ обязана своим возникновением следующему литературному фрагменту:

‘Papa is a preferable mode of address,’ observed Mrs. General. ‘Father is rather vulgar, my dear. The word Papa, besides, gives a pretty form to the lips. Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, are all very good words for the lips: especially prunes and prism. You will find it serviceable, in the formation of a demeanour, if you sometimes say to yourself in company — on entering a room, for instance — Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, prunes and prism.’ [Ch. Dickens. Little Dorrit]

— «Папа» — более подходящая форма обращения, — заявила миссис Джeneralь. — «Отец» — это довольно вульгарно, душа моя. Кроме того, слово «папа» придает изящную форму губам. «Папа», «пряник», «палисандр», «персики и призмы» — прекрасные слова для губ, особенно «персики и призмы». Было бы очень полезно, в смысле приобретения хороших манер, если бы вы время от времени, будучи в гостях или, например, входя в комнату, повторяли про себя: «Папа, пряник, палисандр, персики и призмы». [Ч. Диккенс. Крошка Доррит]

Объясните, почему межъязыковая эквивалентность в таких случаях затруднена. Найдите сходные русские примеры невозможности точного перевода на другие языки.

Рекомендованная литература

Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания, 1997. № 5 [обсуждаются идиомы-интернационализмы, т.е. фразеологизмы, происходящие из единого источника, — сходства и различия в их функционировании].

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980 [рассматриваются примеры непараллельного семантического развития фразеологизмов в близкородственных языках].

Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980. С. 10—12 [определяются основные направления сопоставительных исследований во фразеологии]; С. 13—22 [выявляются особенности и источники сопоставительного анализа фразеологии].

Korhonen J. Probleme der kontrastiven Phraseologie // HSK Phr. Vol. 1. Berlin; N.Y., 2007. P. 574—589 [дается классификация традиционно выделяемых типов межъязыковой эквивалентности фразеологизмов].

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ

В главе «История фразеологии: направления исследований» уже отмечалось, что исследование культурно-национальных особенностей по данным фразеологии является достаточно традиционным и популярным направлением. На протяжении многих лет в работах по фразеологии (в особенности, если они выполнялись в рамках традиционного языкознания) утверждалось, что идиомы представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа. Так, А.М. Бабкин писал по этому поводу, что идиоматика — это «святая святых национального языка», что в идиоматике «неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации» [Бабкин 1979: 7].

Априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально-специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным. Действительно, не вполне ясно, почему мы должны усматривать некую национальную или культурную специфичность в таких идиомах, как *не моргнув глазом* (*Если в банк придет запрос — а нет ли там у вас денег Ивана Ивановича, замеченного в разных неприглядных делах? — вам, не моргнув глазом, ответят на этот вопрос отрицательно*) или *во весь голос* (*в вечернюю пору пел во весь голос прощальные песни, наводя тоску и на себя, и на лошадей* [В. Астафьев. Обертон]). Таким образом, распространение национально-культурной специфичности на все фразеологизмы конкретного языка не вполне корректно.

В наделении всей идиоматики национально-специфическими чертами проявилось произвольное смешение различных аспектов рассмотрения языка. Дело в том, что большинство идиом, как и других образно-метафорических единиц лексикона, относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники номинации. Следствием такого несовпадения оказываются либо различия в образной составляю-

щей плана содержания близких по значению идиом, либо несовпадения актуального значения при близости внутренней формы (см. подробнее по этому поводу главу 9). Последнее понятно, поскольку метафора, лежащая в основе внутренней формы идиомы, может в разных ситуациях коммуникативно высвечивать, или профилировать, различные семантические следствия. Так, русская идиома *пускать пыль в глаза (кому-л.)* и английское выражение *to throw dust in / into (sb.'s) eyes* абсолютно идентичны по образной составляющей. Однако они обнаруживают существенные различия в актуальных значениях. Английская идиома значит 'сбивать с толку кого-л., отвлекать внимание кого-л. от чего-л., чего он не должен видеть или знать'. Это значение в русском языке, скорее, передается идиомой *заговаривать зубы*. Русская же идиома *пускать пыль в глаза* означает нечто вроде 'своим внешним видом и поведением стараться создать у окружающих впечатление о себе как о человеке, имеющем более высокий социальный статус, чем это есть на самом деле'. Из данного различия нельзя сделать вывод, что в русской и англосаксонской культурах бытует различное отношение к пыли или к глазам. Просто в английской идиоме идея препятствия визуальному восприятию порождает смысл 'отвлечение внимания', а в русской — смысл 'маскировка, сокрытие правды'. Такое развитие значений никак не является культурно значимым фактором. Скорее, речь идет о случайном выборе языком того или иного следствия из метафоры.

То же самое можно сказать и о противоположной ситуации: когда одно и то же актуальное значение мотивируется различными образами. Возвращаясь к разобранным примерам, отметим, что смысл 'отвлечение внимания' передается в русском и английском языках разными способами; ср. *to throw dust in / into (sb.'s) eyes* и *заговаривать зубы*. Однако из этого нельзя сделать вывод, что в русской культуре зубы важнее, чем глаза, или что действие *to throw* 'бросать' для носителя английского языка связано с управлением вниманием человека, а для русскоговорящих аналогичная идея выражается только действием 'заговаривать'.

Таким образом, не все различия между языками культурно-мотивированны — даже если за этим стоят какие-то регулярные способы концептуализации действительности. Так, концепт *way* эксплуатируется английским языком существенно активнее, чем

русским — концепт путь; ср. *this way, please* ‘сюда, пожалуйста’, *the right way of doing a thing* ‘правильный метод’, *in one or another way* ‘так или иначе’, *way of thinking* ‘взгляды’, *in some ways* ‘в некоторых отношениях’, *in a way* ‘в известном смысле, до некоторой степени’, *the other way round / around* ‘наоборот’, *by the way* ‘кстати, между прочим’, *out of the way* ‘необыкновенный’. Тем не менее было бы странно сделать из этого вывод о большей значимости данного концепта в английской культуре, чем в русской.

Позитивная программа в изучении национально-культурной специфики фразеологии должна основываться на принципах, которые допускают проверку. Здесь возможны два подхода к исследованию. Во-первых, национально-культурная специфика некоторого явления данного языка может определяться относительно некоторого другого языка. Такой подход может быть назван **сопоставительным**. Во-вторых, у самих носителей языка есть какие-то представления о национальной маркированности тех или иных единиц своего языка вне сопоставления с другими языками. Такой подход называется **интроспективным**.

Охарактеризуем эти два направления более подробно.

1. Сопоставительный подход

При сопоставительном подходе специфичными признаются все факты одного языка, которые представляются нетривиальными с точки зрения традиционной народной культуры носителей другого языка, т.е. исследуются пары языков. Понятно, что при таком подходе данные прочих (не сопоставляемых в данный момент) языков и культур не принимаются во внимание. Разумеется, не все межъязыковые различия, выявленные таким образом, будут культурно значимыми⁷⁸. Можно исходить из того, что определение культурной значимости языкового факта предполагает существование аналогов в других знаковых системах, связанных с традиционной народной культурой — фольклором, народной мифологией, песенной традицией и пр. (ср., например, [Никитина 1993]).

⁷⁸ Некоторые соображения по этому поводу высказываются в работах А. Вежицкой, ср., например, [Wierzbicka 1992].

Само по себе уникальное с языковой точки зрения обозначение какой-то культурной реалии не является достаточным условием для отнесения соответствующей языковой формы к культурно-специфичным. Ср. в связи с этим идиому *черный ворон* (*черный воронок*). Будучи идиомой с идентифицирующей семантикой, т.е. идиомой, допускающей референтное употребление⁷⁹, она обозначает денотат, с которым связан целый комплекс культурно-исторических ассоциаций. В этом смысле сам денотат оказывается уникальным и культурно маркированным. Однако это не имеет никакого отношения к языку в смысле его культурной специфики. С точки зрения сопоставительного подхода здесь оказывается существенной отсылка к концепту ворон, играющему важную роль в русском фольклоре, и к символике черного цвета, что и позволяет говорить о культурной специфике выражения *черный ворон* как факте русского языка в сравнении с другими языками; ср. эквивалентную немецкую идиому *grüne Minna* (букв. «зеленая Мина») и английскую *Black Maria* (букв. «черная Мария»)⁸⁰.

Несмотря на очевидные сложности, связанные с исследованием культурно-специфических черт фразеологических систем, обращение к внутренней форме идиом (образно-метафорической или символической в своей основе) в некоторых случаях позволяет выявлять существенные межъязыковые различия, фиксирующие несовпадения в интерпретации определенных фрагментов действительности разными языковыми сообществами, причем лишь некоторые из этих концептуальных различий окажутся культурно значимыми.

Типичным примером культурно-специфичной русской идиомы, выделяемой в рамках сопоставительного подхода (при сравнении с каким-либо из германских или романских языков), может служить выражение *при царе Горохе*, апеллирующее к фольклорной традиции: *Армения и, соответственно, Карабах стали частью России по договору 1813 года. Наши ура-патриоты любят вспоминать, что было наше при царе Горохе!* [Корпус Публ.]. В одной из реконструкций, предложенной А. Журавлевым, внутренняя форма данного выражения отражает русскую народную смеховую культуру —

⁷⁹ Элементы типологии идиом с точки зрения референциальных характеристик см. [Добровольский 1990б].

⁸⁰ Эта английская идиома (особенно, в написании *Black Maria*) имеет также значение 'катафалк'.

черты «“раблезианской филологии” — игры смыслами, словесных экспериментов по совмещению несовместимого, юмористического снижения образа властителя» [Журавлев 2009]. Отметим, однако, наличие в культуре некоторых европейских стран такого персонажа, как Бобовый король (ср. известную картину фламандского живописца Якоба Йорданса «Бобовый король»).

Часто квалификация некоторой специфичности в семантике идиомы как культурно значимой требует привлечения дополнительного языкового материала — других выражений, связанных по внутренней форме с исследуемой идиомой, т.е. анализа парадигматических связей анализируемого выражения. Разберем характерный пример из вестмюнстерландского диалекта немецкого языка. В ситуации, когда разбивается фарфоровая чашка, носители этого диалекта обычно употребляют фразеологизм *de Seele geht nao de Fabrick hen* (букв.: «душа возвращается на фабрику»)⁸¹. С когнитивной точки зрения данный фразеологизм базируется на концептуальной метафоре ЧАШКА — ЭТО ЧЕЛОВЕК. Эта метафорическая модель включает, в частности, следующие аналогии (correspondences в терминологии Дж. Лакоффа):

- а) у человека есть душа → у чашки есть душа;
- б) человек умирает → чашка разбивается;
- в) душа умершего человека покидает его тело → душа разбившейся чашки покидает свою бrenную оболочку;
- г) душа человека возвращается к творцу → душа чашки возвращается на фабрику, где она была сделана.

Помимо того, что метафора персонификации фарфоровой посуды не закреплена в узусе ни литературного русского, ни литературных германских языков⁸², предпосылки возникновения такого фразеологизма требуют культурной интерпретации. Как аналогия (г), представленная в компонентном составе идиомы в явном виде,

⁸¹ Этот и другие примеры вестмюнстерландских фразеологизмов были любезно предоставлены нам Э. Пиирайнен, которой авторы приносят искреннюю благодарность.

⁸² Возможна, однако, персонификация артефактов других типов; ср. нем. *das Kleid gibt seinen Geist auf* (букв.: «платье испускает дух»), *das Auto haucht seinen Geist aus* (букв.: «машина испускает дух»); рус. *телевизор дышит на ладан*.

так и аналогии (а-в), реконструируемые на основе буквального прочтения идиомы как прагматические пресуппозиции, должны, по-видимому, интерпретироваться в духе «народной мифологии», согласно которой акт изготовления чашек метафорически уподобляется акту творения. Уникальным по сравнению с известными нам литературными языками и культурно значимым является здесь не столько обращение к метафоре персонификации, сколько наведение фокуса на ее «загробные» следствия.

В пользу отнесения когнитивных оснований появления фразеологизма *de Seele geht nao de Fabrick hen* к фактам традиционной культуры носителей вестмюнстерландского диалекта говорят характерные для этой местности народные обычаи, фиксирующие представления о душе как о материальной сущности, которой нужно открыть окно и указать путь для перемещения после смерти. Согласно обычаю умершего в открытом гробу на три дня кладут непосредственно под чердачным окошком, чтобы душе было легче найти выход. Характерно, что одно из диалектных наименований чердачного окошка — *Liekspier* (от *Liek* ‘труп’). Значимость и устойчивость этого обычая подкрепляется и другими языковыми свидетельствами, ср. идиомы *he kick et leste Maol dōōr’t Balkenschlopp* (букв.: «он в последний раз смотрит в чердачное окошко») и *he steck de Nösse nao’t Balkenschlopp* (букв.: «он высунул нос в чердачное окошко») со значением ‘он умер’.

Важно подчеркнуть, что культурная специфика обсуждаемой концептуальной метафоры душа — это материальный объект хорошо видна именно на фоне литературных языков (ср. наиболее близкие немецкий и нидерландский, в которых данная метафорическая модель отсутствует), но не на фоне других диалектов. По-видимому, диалекты в большей степени, чем литературные языки, отражают остатки мифологического мышления.

Культурная значимость фразеологизма повышается в тех случаях, когда в его структуре присутствует символическая составляющая (типа *крест* в идиоме *нести свой крест*). В [Арутюнова 1988: 157—158] указывается на более высокий семиотический статус символа по сравнению с образом. Это отчасти связано с тем, что символ чаще интерпретируется в терминах культуры. Значимость символов, зафиксированных в составе фразеологизмов, может быть ограничена сферой языка (ср. *рука* как символ помощи в группе идиом *иметь*

свою **руку** где-л., быть чьей-л. правой **рукой**, протянуть **руку** помощи кому-л.) или же распространяться и на другие семиотические системы (ср. **креста** на тебе нет, где **крест** — символ христианской добродетели, обладающий этой функцией и за пределами языка).

Таким образом, национально-культурный компонент плана содержания фразеологизмов, выделяемый при сопоставительном подходе, базируется, как правило, на образной составляющей и увязывается с когнитивно значимыми различиями между языками. Связь между языковым выражением, концептуальной структурой и национальной культурой неоднократно постулировалась в лингвистических исследованиях, прежде всего (в различных теоретических контекстах) в работах Дж. Лакоффа и А. Вежбицкой. Ср. характерное высказывание из [Лакофф, Джонсон 2008: 175]: «Новые метафоры обладают способностью творить новую реальность. <...> Если новая метафора становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей деятельности, она изменит эту систему, а также порождаемые ею представления и действия. Многие изменения в культуре возникают как следствие усвоения новых метафорических понятий и утраты старых».

В связи с этим важно еще раз подчеркнуть три момента: 1) не всякое различие в способах языкового означивания (кодирования) действительности является когнитивно релевантным; 2) не всякое когнитивно релевантное различие значимо в аспекте национальной культуры; 3) культурная релевантность единиц языка должна поддерживаться их связью с другими семиотическими кодами (в первую очередь с фольклором, мифами, верованиями и т.п.), что в одних случаях осознается носителями языка, а в других — нет.

2. Интроспективный подход

Интроспективный подход основан на представлении о наличии «имманентных» национально-культурных характеристик безотносительно к специфике других языков и культур. Исследовательские эвристики этого типа имеют, скорее, психолингвистический характер. Задача исследования формулируется как поиск ответа на вопрос, в чем состоит национальная специфика того или иного языка глазами его носителей. Наиболее адекватными исследовательскими

приемами в этом случае представляются опрос информантов и различные тесты, направленные на выяснение отношения носителей языка к соответствующим лингвистическим фактам. Так, например, сигналом наличия «имманентной» национальной специфики может быть мнение о неуместности данного высказывания в устах иностранца. Показательны также наблюдения над речью носителей языка, в частности употребление ими метатекстовых комментариев типа *как говорят в народе*, что может свидетельствовать о национальной маркированности языкового выражения, вводимого таким образом говорящим в беседу.

Национально-культурная специфика в ее «интроспективном» варианте должна проявляться в наличии ограничений на употребление, не связанных с собственно семантическими параметрами. Ср., например, употребление идиомы *это тебе / вам не у Пронькиных [чай пить]* в следующем контексте: *Федор спустился на лифте на первый этаж и вышел в холл отеля. «Да, это тебе не у Пронькиных... Умеют создать настроение, черт!» — восхищался он, оглядывая непривычный для него холл [Корпус Детект.].* В этом контексте рассматриваемая идиома выглядит вполне органично. Однако ее использование для описания и оценки реалий других стран вряд ли можно признать нормальным. Ср. хотя и аутентичный, но, тем не менее, странный контекст, в котором сопоставляются реалии Австралии и Европы: *Есть и в Сиднее новости: если осенью у нас появилось первое гигантское казино, то теперь открылись два первых легальных публичных дома. Не у Пронькиных! Пусть не думает Европа, что у нас тут глухая провинция!* [Корпус Публ.].

Подобные идиомы неуместны также в переводах художественных текстов, особенно в прямой речи персонажей. В статье [Segura García 1997: 224], посвященной анализу переводов произведений Марио Варгаса Льосы на немецкий язык, указывается на невозможность перевести распространенную в перуанском варианте испанского языка идиому *el chino de la esquina* (букв. «китаец на углу») ‘маленький продовольственный магазин традиционного типа’ с помощью семантически эквивалентной немецкой идиомы *Tante-Emma-Laden* (букв. «лавка тети Эммы»). Добавим от себя, что также странно было бы использовать во французском переводе этого романа название *Ed l'Epicier* — «Эд бакалейщик», привязанное к французской культуре. Действительно, эти номинации культурно

и исторически обусловлены. В первом случае имеется в виду, что изначально традиционная сфера бизнеса китайцев в Латинской (отчасти и в Северной) Америке была связана с открытием небольших магазинчиков с товарами повседневного спроса, работающими почти круглые сутки. Очень часто они размещались на пересечении улиц — «на углу». Фактически это копирование бизнес-практики торговцев в Юго-Восточной Азии: точно так же располагаются небольшие продовольственные магазины на Тайване, в Гонконге, в Макао. Немецкая идиома содержит практически полностью вышедшее из употребления женское личное имя, которое связывается в сознании носителей языка с простотой и традиционным укладом жизни. Французская номинация также содержит личное имя. В силу этого рассматриваемые идиомы могут быть использованы только в рамках соответствующих культурных пространств.

Для интуитивного восприятия фразеологизма как национально-специфического значимыми моментами оказываются также особенности его формальной организации⁸³. В качестве таких особенностей, с одной стороны, могут выступать факторы осложнения формы (рифмование, звуковое подобие и т.п. — *авось да небось, сами с усами, тишь да гладь [да божья благодать], ни кола ни двора; куда ни кинь, всюду — клин; огород городить*), а с другой — определенная маркированность отдельных компонентов фразеологизма. Сюда относится, в частности, наличие в структуре фразеологизма национальных имен собственных и их производных (*во всю ивановскую, коломенская верста, показать кузькину мать, шемякин суд*)⁸⁴, персонажей «народной мифологии» (*к лешему*), слов-реалий (*в белый свет как в копеечку, моя хата с краю*), традиционных атрибутов народного быта (*не дышлою кроен, не лыком шит*), элементов народной семиотики (*не дулей делан*), архаичных компонентов (*бить челом*) — в особенности, если они не встречаются за пределами компонентного состава идиом и паремий, т.е. являются уникальными (*за тридевять земель, змея подколодная, турусы на колесах*). Сюда же

⁸³ Нестандартность плана выражения фразеологизмов в принципе может выступать как смысловой фактор, оказывая влияние на их употребление. В контексте решения иных задач на это обратил внимание А.Д. Райхштейн [1980: 50].

⁸⁴ Это касается также и личных имен, связанных с национальной историей, ср. как *Мамай прошел, мамаево побоище*.

относятся идиомы с нестандартными морфологическими формами компонентов. Употребление этих форм может быть основано на языковой игре (ср. с *таким* в контекстах типа *Конфеты кончились, и пришлось пить чай с таким*), на диалектном искажении формы (ср. идиому *ни туды и ни сюды*, производную от идиомы *ни туда и ни сюда*, которая не обладает соответствующими коннотациями). Наконец, нестандартность морфологической формы компонента может объясняться ее архаичностью (*ничтоже сумняшеся, темна вода во облацех*).

Как это ни парадоксально звучит, носители языка склонны считать «исконно народными» (т.е. в высокой степени «своими») единицы, содержащие не вполне понятные элементы, причем часто эти элементы не являются этимологически исконными (например, *ни бельмеса не понимать, сбить с панталыку*). Согласно данным этимологов, *бельмеса* и *панталыку* — это исходно формы тюркских языков. Это явление, по-видимому, сродни «процессу сакрализации непонятных текстов», о котором писали Ю.М. Лотман и А.М. Пятигорский [Лотман, Пятигорский 1992: 136].

Любое свойство единиц языка должно тем или иным образом проявляться в тексте. Следовательно, для того чтобы убедиться в реальности некоторого гипотетически постулируемого свойства, целесообразно обратиться к текстам. Применительно к обсуждаемому здесь свойству — национальной маркированности фразеологических единиц — это означает, что текст, подчеркнуто стилизованный под традиционно-сказовую манеру, должен обнаруживать фразеологизмы (идиомы и поговорки), обладающие описанными выше признаками.

Эта идея подтверждается анализом глав «Зайтильщина», «Дзынзырэлы», «От Ильи Петрикеича» из романа Саши Соколова «Между собакой и волком», написанных в сказовой манере. В этих главах представлены идиомы с уникальными и квазиуникальными компонентами (*выделявать мыслете, и вся недолга, вывести всю подноготную, с покону веков, на шермака, сума переметная, калики перехожие, как тать, точить лясы, семо и овамо*), с нестандартными морфологическими формами компонентов (*вынь да положь, темна вода во облацех*), с именами собственными (*кондрашка хватила / Кондратий хватил; наобум Лазаря; каким макарон; Федот, да не тот*), со словами-реалиями (*не лаптем щи*

хлеба́ть, с суконным рылом в калаши́ный ряд), а также идиомы, в организации формы которых участвуют такие факторы дополнительного осложнения, как рифмирование, аллитерации, ассонансы и т.п. (*явился не запылился, днем с огнем не сыщешь, и смех и грех, горе горевать, огород городить, ни брат ни сват, ни дать ни взять, салом по сусалам, ни кожи ни рожи, наш пострел везде поспел, ни шатко ни валко, тишь да гладь, шиш-свищи, взятки гладки с кого-л., с боку припёку*).

Ряд идиом обнаруживает одновременно несколько обсуждаемых признаков: ср., *Федот, да не тот* (имя собственное + рифмирование), *сикось-накось, штучки-дрючки, с бухты-барахты, шуры-муры, тити-мити* 'деньги', *тяп да ляп, тары-бары* (рифмирование + уникальные компоненты).

Аналогичные эффекты наблюдаются и в произведениях других авторов, использующих стилизацию под фольклор. Обратимся к материалу «Блохи» Евгения Замятина — пьесы, представляющей собой инсценировку «Левши» Н. Лескова. Пьеса «Блоха» является одним из блестящих образцов сказовой манеры, поэтому в ней встречаются национально маркированные языковые средства, в том числе и фразеологизмы, ср. идиомы с уникальными компонентами (*ни за (по)нюх табаку, хоть бы хны, ни синь-пороху, распустишь нюни, иди ты к ляду*), с именами собственными (*Митькой звали*⁸⁵), со словами-реалиями (*не лаптем щи хлеба́ть*), фразеологизмы, построенные на звуковом подобии (*тяп-ляп, ревя реветь*). Особенно широко представлены рифмованные присказки, ср. *в одном кармане — блоха на аркане, а в другом — мощи тараканы; ни свету, ни совету, ни толку нету; сани до Казани, язык до Киева; жизнь наша — копейка, судьба — индейка*.

* * *

Следует подчеркнуть, что между свойством национальной специфичности и выделенными выше признаками нет безусловной зависимости. Так, достаточно очевидно, что не все идиомы, содержащие уникальный компонент, ощущаются как «специфически

⁸⁵ В значении, близком идиоме *поминай как звали*, т.е. «бесследно исчез; пропал».

русские». С другой стороны, можно представить себе ряд идиом, не обнаруживающих обсуждаемых здесь признаков и тем не менее воспринимаемых как национально-специфические явления, ср. встречающиеся в «Блохе» и «Между собакой и волком» идиомы *зубы заговаривать, от греха подальше, разуть глаза, лямку тянуть, достаться на орехи*.

Иными словами, можно говорить лишь об определенных свойствах фразеологизмов, помогающих в первом приближении очертить круг явлений, претендующих на национальную маркированность соответствующих форм.

Что касается противопоставления сопоставительного и интроспективного подходов, то их различия достаточно очевидны. Например, большинство идиом с символически нагруженными компонентами (ср. *хлеб* в значении 'основной ресурс жизнеобеспечения') являются культурно-специфичными с точки зрения таких языков, как японский, китайский и языки Юго-Восточной Азии. Так, функцию, сопоставимую с функцией хлеба — в этих языках выполняет концепт риса. Ср. также цветковые и числовые символы, привязанные к конкретным культурам. Понятно, что эти идиомы совсем не обязательно воспринимаются как специфичные «изнутри» своей собственной культуры. Так, вряд ли идиомы типа *зарабатывать себе на хлеб* ощущаются носителями русского языка как «сугубо русские» выражения. С другой стороны, как было показано выше, идиомы с нетривиальными особенностями формы очень часто воспринимаются носителями языка как культурно-специфичные, при том что они не обязательно являются таковыми при сопоставлении с другими языками. Так, идиома *сломя голову* воспринимается как «исконно-русская», однако с точки зрения сопоставительного подхода не обнаруживает культурной специфики, ср. нем. *Hals über Kopf* и англ. *head over heels*.

Задание 1. В произведениях Саши Соколова встречаются идиомы *моряк с печки бряк, живем — хлеб жуем, снова-здорово*:

А по новой траве — моряк с печки бряк, опять под баркас зовет, ветоши корабельной полно туда натаскал.

Так вот, я ему говорю, Сила дорогой Силыч, Так вот и живем мы с тобой, хлеб жуем мы.

Тут мы с Сильчем пригубили опять, **снова-здорово**, Или, что называется, повторили.

Определите, по каким основаниям их можно отнести к национально-специфичным.

Задание 2. Для усиления стилистического эффекта «народности» часто используются специальные приемы. Например, аллитерации, как в контексте *Много бродил я, трудился и выбивался из жил, обаче более бил баклухи* [Саша Соколов. Между собакой и волком]. Определите, какие приемы усиления этого стилистического эффекта представлены в следующих фрагментах из произведений Саши Соколова и Евгения Замятина:

<...> а у ребяток с валенками **просак**; **Быть безысходно в просаках** — Ильи Джынжирелы удел; И опять я **в просаке**, когда, гордясь, поручику советую в билет заглянуть.

Нет у Коли-Николая **ни кола**, / Лишь костылики. И валит, валит снет. / Непогода. И галдят колокола, / И летят куда-то галки на ночлег.

Скорбно и Зимарь-Человеку жену губить, но и он от решения не отступается. Жаль тебя, он ей плачется, топить ведь везу. А не вез бы, она ему, шельма ветхая, совет подает, сколь годов, оглянись, вместе отбыто. Да вот то-то и оно, Зимарь сетует, столь годов, что терпеть тебя ни дня более не могу, опостынула. Но прошу, продолжает, в положение мое войди и зла на олуха не держи особенно. Что уж там, она ему отпускает грех, **вольному воля, охулки на руку не клади**, только и ты дружок, не обессудь: вероятно обеспокою порой. Не обязательно, говорит, еженощно жди, ну, а все-таки, нет-нет да и загляну постращать.

Сбили, сбили с панталыку Илью, очутился он **с боку припёку**, потешается публика над его субботами.

<...> а там постреливают, там — командир бравый, шагом марш, разоряется, не то — пристрелю. Ничего не попишешь — пришлось шагать, ну и оторвало, конечно, и выбросило **к лешему** за фашины.

Авось! А это слышал: **авоська веревки вьет, небоська петли затягивает?** Нет, вы мне толком скажите: чего вы такое сделаете?

А вы как думали, я скажу, полагали — **лыком я шит, дулей делан?** надеялись — мякина у точильщика в котелке?

Захвастали англичане — ну прямо не продыхнешь. У вас-де, говорят, ни свету, ни совету, ни толку нету. У вас-де, говорят, *лаптем щи хлебают, гвоздем хлеб ковыряют...*

Умные хвалили, дураки хаяли, потому — кроме потехи — кой-кому *доставалось на орехи*, чего и вам желаю.

Задание 3. В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» [Тезаурус] рассмотренные особенности плана содержания русских идиом — их национальная маркированность — фиксируются с помощью специальной пометы *народн.* Эту помету имеют в Тезаурусе, например, такие выражения: *было [и / да прошло] и / да былём поросло; на морковкино заговенье; с петухами; от горшка два вершка; мал мала меньше; седина в бороду, [а] бес в ребро; мать сыра земля; семь вёрст до небес [и всё лесом]; куда Макар телят не гонял; скатертью дорога / дорожка; [и] поминай как звали.* Найдите еще в Тезаурусе идиомы с данной пометой и определите, на каком основании эта помета им приписана.

Задание 4. Для отражения национального своеобразия идиом в некоторых словарях используется помета *народн.* — «народное». Определите, какие из приводимых ниже идиом получили бы данную помету в словаре. Объясните свое решение.

на свою голову; как ножом по сердцу; ни в сказке сказать, ни пером описать; хлопнуть дверью; в тридевятом / тридесятом царстве / государстве; не по плечу; доказывать, что ты не верблюд; в некотором царстве, в некотором государстве; танталовы муки; пир на весь мир; забубенная головушка; еле на ногах стоять; гнать поганой метлой; змея подколотная, искать приключения на свою голову; по белу свету; размять косточки.

Рекомендованная литература

- Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970. С. 106—215 [культурно-значимые тексты как источник фразеологии].
- Журавлев А.Ф. Кто такой царь Горох? // Учительская газета, 6.10.2009 [происхождение и национально-культурное своеобразие идиомы *при царе Горохе*].

Телия В.Н. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка // В.Н. Телия. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 214—269 [обсуждается влияние культурно-национальных факторов на возникновение и функционирование фразеологической системы].

Телия В.Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телии. М., 2006. С. 12—14 [способы словарного описания культурной составляющей семантики идиом].

Заключение: фразеология как лингвистическая дисциплина и ее перспективы

Развитие современной лингвистической теории в значительной мере обуславливается в настоящее время новыми технологиями обработки лингвистических данных. Это в полной мере относится и к фразеологии. С появлением больших и репрезентативных корпусов текстов стало возможным изучать те аспекты функционирования фразеологических единиц, которые ранее были практически недоступны для исследования из-за огромных затрат времени на сбор эмпирического материала. Так, авторские особенности использования фразеологизмов можно эффективно исследовать, если тексты соответствующего автора организованы в корпус, снабженный инструментами поиска и классификации получаемых данных. Более того, изучение авторской фразеологии требует сопоставления с текстами других авторов того же периода, т.е. привлечения фонового корпуса. Сама постановка такой задачи в традиционной методологии была бы невозможна.

Технологии корпусной лингвистики существенно меняют и многое другое во фразеологических исследованиях. Существенно расширяется материал для изучения варьирования фразеологических единиц. При использовании корпусов параллельных текстов появляется возможность анализа реально представленных вариантов перевода фразеологизмов с одного языка на другой, что позволяет выявлять тонкие семантические различия между сопоставляемыми единицами.

Наличие корпуса существенно расширяет базу для создания фразеологических словарей; упрощается сложная и отнимающая много времени процедура формирования словника, ускоряется и становится более объективным отбор примеров. Исследование примеров из репрезентативного корпуса позволяет определить семантическую структуру фразеологизмов (количество значений, семантические связи между значениями). Корпусные данные указывают на те грамматические формы, в которых чаще всего употребляется та или иная идиома, что дает возможность правильно отразить эти особенности в словарном представлении.

Может показаться, что использование корпусов во фразеологии — это лишь новая технология, которая не дает приращение тео-

рии. Однако появление новых данных — радикальное расширение эмпирической базы — существенно влияет и на развитие теории фразеологии. Метод, как это часто бывает, не просто используется для сбора и обработки данных, но позволяет поставить новые задачи и тем самым радикально меняет теорию. Перспектива фразеологических исследований видится в плодотворном взаимодействии новейших технологий обработки языковых данных и теории фразеологии.

Литература

- Абаев В.И. Понятие идеосемантики // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т. XI.
- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1989.
- Англо-русский словарь глагольных словосочетаний = English-Russian dictionary of verbal collocations / под ред. Э.М. Медниковой. М., 1986. [АРСГС]
- Аничков И.Е. Идиоматика и семантика // И.Е. Аничков. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Антонян К.В. Принцип *sapienti sat* в китайском дискурсе // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. М., 2008.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. О работах И.Е. Аничкова по идиоматике // Вопросы языкознания. 1989. № 6.
- Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. М., 1993.
- Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995а.
- Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995б.
- Апресян Ю.Д. Типы информации для словаря синонимов // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995в.
- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / предисл. Ю.Д. Апресян. 2-е изд., испр., доп. М.; Вена, 2004. [НОСС]
- Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского словаря: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1993.

- Арутюнова Н.Д. От образа к знаку // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988.
- Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д, 1964.
- Архангельский В.Л. Фразеологические отношения и классификация фразеологических единиц в современном русском языке // Вопросы русской фразеологии. М., 1966.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л., 1964.
- Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
- Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. 1977. Л., 1979.
- Бабкин А.М. Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Баранов А.Н. Грамматическая фразеология: возможности компьютерного анализа // Фразеология в машинном фонде русского языка. М., 1990.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бенсон М., Бенсон Э., Илсон Р. Комбинаторный словарь английского языка. М., 1990.
- Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. 2-е изд. М., 1975.
- Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов н/Д, 1997.
- Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. 3-е изд. М., 2005.

- Богуславский И.М., Иомдин Л.Л. Безусловные обороты и фраземы в толково-комбинаторном словаре // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 2. М., 1982.
- Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телии. М., 2006. [БФС].
- Борисова Е.Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М., 1995.
- Василий Буй. Русская заветная идиоматика. М., 1995.
- Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. Л., 1946.
- Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография: избранные труды. М., 1977.
- Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
- Виноградов В.В. История слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1994.
- Вознесенская М.М. Топологический аспект многозначности идиом // Труды международной конференции «Диалог—2010». М., 2010.
- Всеволодова М.В., Лим С.Ё. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. М., 2002.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.
- Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 1977.
- Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 5.

- Гак В.Г., Мурадова Л.А., Будницкая И.А. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М., 2006.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Григорьева А.Д. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.
- Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Язык поэзии XIX—XX веков. М., 1985.
- Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. Г.В. Рамишвили. М., 1984.
- Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.
- Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Русско-английский фразеологический словарь. М., 2005.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994 [репринтное воспроизведение издания 1903—1909 гг.].
- Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб.; М., 1879.
- Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка: словарь-справочник. М., 1983.
- Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д, 1979.
- Добровольский Д.О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков: на материале немецкого, английского и нидерландского языков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990а.
- Добровольский Д.О. Типология идиом // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М., 1990б.
- Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина». М., 2008.
- Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. М., 1967.
- Жуков В.П. Способ фразеологической аппликации и классификация фразеологического материала // Системность русского языка. Новгород, 1973.

- Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
- Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986.
- Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
- Журавлев А.Ф. Кто такой царь Горох? // Учительская газета. 6.10.2009.
- Иомдин Л.Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог—2006». М., 2006.
- Иомдин Л.Л. В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 7 (14). М., 2008.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach, 1980, Bd. 6.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Коршкова Е.А. Процессуальные фразеологизмы с семантикой смерти в лирике В. Ходасевича // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. М.; Кострома, 2008.
- Крушевский Н.В. Об аналогии и народной этимологии // Н.В. Крушевский. Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
- Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / под ред. В.Н. Телии. М., 2004.
- Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. М., 1970.
- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М., 1984.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.

- Ларин Б.А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологических материалов // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А. и др. Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э.И. Левинтовой. М., 1985.
- Левонтина И.Б. Из какого сора // Троицкий вариант. 2 ноября 2010.
- Ломов А.Г. Фразеологический словарь драматургии А.Н. Островского. Самарканд, 1982.
- Лотман Ю.М., Пятигорский А.М. Текст и функция // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992.
- Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. М., 2004. [первое издание: N.Y., 1995]
- Максимов С.В. Крылатые слова. СПб., 1891.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М., 1997.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома, 2008.
- Мельчук И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4.
- Мельчук И.А., Жолковский А.К. и др. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. [ТКС].
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2. СПб., 1902—1903.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980.
- Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1998.
- Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
- Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

- Ничик Н.Н., Ронгинский В.М. Словарь фразеопотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского. Симферополь, 1991.
- Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I: Проблемы языкового значения. М., 2001.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.
- Петренко В.Ф., Нистратов А.А., Романова Н.В. Рефлексивные структуры обыденного сознания (На материале семантического анализа фразеологизмов) // Вопросы языкознания. 1989. № 2.
- Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка [1931] // Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Потебня А.А. Мысль и язык. 2-е изд. Харьков, 1892.
- Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Тула, 1968.
- Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
- Регина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И. Устойчивые словосочетания русского языка. М., 1976.
- Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. М., 2006.
- Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2002.
- Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. II.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 частях. СПб., 1806—1822. [САР].
- Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телии. М., 1995. [СОВРЯ].

- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985—1988 (3-е издание). [МАС].
- Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1976.
- Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2007. [Тезаурус].
- Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007. [ТСРЯ].
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964—1973.
- Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. М., 1990.
- Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009. [ФОС].
- Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Федорова. М., 2000. [ФСРЛЯ].
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX вв.: в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1991.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1967. [ФСРЯ].
- Фразеология в контексте культуры / под ред. В.Н. Телии. М., 1999.
- Хэллiday М.А.К. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. М., 1980.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.
- Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. М., 1982.
- Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
- Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб., 1996.

Шанский Н.М., Быстрова Е.А. 700 фразеологических оборотов русского языка. 2-е изд. М., 1978.

Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Зимин В.И. Фразеологические обороты русского языка. М., 1988.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1995.

Шкляров В.Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. М., 1977.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. 2-е изд., стереотип. М., 2006.

Энциклопедия «Русский язык» / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997. [ЭРЯ].

Яранцев Р.И. Русская фразеология. М., 1997.

Abraham W. Idioms in contrastive and in universally based typological research: toward distinctions of relevance // Proceedings of the first Tilburg workshop on idioms / ed. by M. Everaert, E.-J. van der Linden. Tilburg, 1989.

Agricola E. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Völlig neu bearb. Aufl. Mannheim etc., 1992.

Bar-Hillel Y. Idioms // Machine translation of languages: fourteen essays / ed. by W.N. Locke, A.D. Booth. Cambridge, Mass., 1955.

Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volkes. Berlin, 1864.

Burger H. Unter Mitarbeit von H. Jaksche. Idiomatik des Deutschen. Tübingen, 1973.

Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin, 1998.

Burger H., Buhofer A., Sialm A. Handbuch der Phraseologie. Berlin; N.Y., 1982.

- Cacciari C., Glucksberg S. Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings // *Understanding word and sentence*. Amsterdam etc., 1991.
- Cacciari C., Glucksberg S. Imagining idiomatic expressions: literal or figurative meanings? // *Idioms: structural and psychological perspectives* / ed. by M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder. Hillsdale, NJ, 1995.
- Cacciari C., Rumiati R.I., Glucksberg S. The role of word meanings, transparency and familiarity in the mental images of idioms // *Proceedings of IDIOMS* / ed. by M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder. Tilburg, 1992.
- Cacciari C., Tabossi P. The comprehension of idioms // *Journal of memory and language* 27, 1988.
- Černyševa I.I. *Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede*. Moskva, 1980.
- Chafe W.L. Idiomaticity as an anomaly in the Chomskyan paradigm // *Foundations of language* 4, 1968.
- Cowie, A.P. (ed.). *Phraseology: theory, analysis, and applications*. Oxford: 1998.
- Cowie A.P., Mackin R. *Oxford dictionary of current idiomatic English*. Vol. I: *Verbs with prepositions and particles*. Oxford, 1975 [2nd ed. entitled *Oxford dictionary of phrasal verbs* 1993]. [ODCIE 1].
- Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R. *Oxford dictionary of current idiomatic English*. Vol. II: *Phrase, clause and sentence idioms*. Oxford, 1983 [retitled *Oxford dictionary of English idioms* 1993]. [ODCIE 2].
- Cruse D.A. *Paradigmatic relations of inclusion and identity III: Synonymy* // *Lexikologie: Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen = Lexicology: An international handbook on the nature and structure of words and vocabularies* / ed. by D.A. Cruse et al. Berlin; N.Y., 2002.
- Dictionnaire des combinaisons de mots* / Sous la direction de D. Le Fur. Paris, 2007. [DCM].
- Dobrovol'skij D. *Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik*. Leipzig, 1988.

- Dobrovol'skij D., Filipenko T. Russian phraseology // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research (HSK-Reihe) / ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick. Vol. 2. Berlin; N.Y., 2007.
- Dobrovol'skij D., Piirainen E. Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive. Bochum, 1997 [re-print 2000].
- Dobrovol'skij D., Piirainen E. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Amsterdam; Oxford etc., 2005.
- Dobrovol'skij D., Piirainen E. Zur Theorie der Phraseologie: kognitive und kulturelle Aspekte. Tübingen, 2009.
- Eiselein J. Die Sprichwörter und Sinnreden des deutschen Volkes in alter und neuer Zeit. Zum erstenmal aus den Quellen geschöpft, erläutert und mit Einleitung versehen. Donauöschingen, 1838 [Nachdruck Leipzig 1980].
- Fillmore Ch.J. Construction grammar. Course reader for linguistics 120 A. University of California, Berkeley, 1990.
- Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions. The case of 'let alone' // Language 64 / 3, 1988.
- Fraser B. Idioms within a transformational grammar // Foundations of language 6, 1970.
- Friederich W. Moderne deutsche Idiomatik. München, 1966.
- Galinsky A, Glucksberg S. Irrelevant literal meanings can be inhibited during idiom processing // Social cognition 18, 2000.
- Gibbs R.W. Spilling the beans on understanding and memory for idioms in conversation // Memory and cognition 8 / 2, 1980.
- Gibbs R.W. Skating on thin ice: literal meaning and understanding idioms in conversation // Discourse processes 9, 1986.
- Gibbs R.W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive linguistics 1–4, 1990.
- Gibbs R.W. Why idioms are not dead metaphors // Idioms: Processing, structure, and interpretation / ed. by C. Cacciari, P. Tabossi. Hillsdale, NJ, 1993.

- Gibbs R.W. Idiomaticity and human cognition // Idioms: structural and psychological perspectives / ed. by M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder. Hillsdale, NJ, 1995.
- Gibbs R.W., Nayak N.P. Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms // *Cognitive psychology* 21, 1989.
- Gibbs R.W., Nayak N.P., Bolton J.L., Keppel M.E. Speakers' assumptions about the lexical flexibility of idioms // *Memory and cognition* 17, 1989.
- Gibbs R.W., Nayak N.P., Cutting C. How to kick the bucket and not decompose: analyzability and idiom processing // *Journal of memory and language* 28, 1989.
- Gibbs R.W., O'Brien J. Idioms and mental imagery: the metaphorical motivation for idiomatic meaning // *Cognition* 36 / 1, 1990.
- Görner H. Redensarten. Kleine Idiomatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1979.
- Hallsteinsdóttir E., Farø K. Interlinguale Phraseologie: Theorie, Praxis und Perspektiven // *Yearbook of Phraseology* (2010). Berlin; N.Y., 2010.
- Hardy Ch. Networks of meaning: a bridge between mind and matter. Westport; L., 1998.
- Häusermann J. Phraseologie: Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse. Tübingen, 1977.
- Howell J. Paroimiographia. Proverbs. L., 1659.
- Jackendoff R. Twisting the night away // *Language* 73, 1997.
- Jaksche H., Sialm A., Burger H. (Hrsg.). Reader zur sowjetischen Phraseologie. Berlin; N.Y., 1981.
- Keysar B., Bly B.M. Swimming against the current: Do idioms reflect conceptual structure? // *Journal of pragmatics* 31, 1999.
- Korhonen J. Probleme der kontrastiven Phraseologie // *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* = *Phraseology: an international handbook of contemporary research* (HSK-Reihe) / ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick. Vol. 1. Berlin; N.Y., 2007.

- Körte W. Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen. Nebst den Redensarten der Deutschen Zech-Brüder und Aller Praktik Großmutter, d.i. der Sprichwörter ewigem Wetter-Kalender. Gesammelt und mit vielen schönen Versen, Sprüchen und Historien in ein Buch verfasst. Leipzig, 1837 [Reprint Hildesheim 1974].
- Kuiper K. Syntactic aspects of phraseology II: Generative approaches // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research (HSK-Reihe) / ed. by H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N.R. Norrick. Vol. 1. Berlin; N.Y., 2007.
- Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of philosophical logic 2, 1973.
- Longman dictionary of English idioms / Editorial Director T.H. Long. Managing Editor D. Summers. Harlow, 1979. [LDOEI].
- Makkai A. Idiom structure in English. The Hague, 1972.
- Meiner J.S. Alphabetisch geordnetes Wörterbuch über Deutsche Idiotismen, Provinzialismen, proverbialische Sprecharten, Volks-Ausdrücke und andere im gemeinen Leben vorkommende Sprachwendungen etc. in entsprechendes Latein übergetragen. Leipzig, 1821.
- Mellado Blanco C. Die Frage der Äquivalenzkriterien in der kontrastiven Phraseologie // Puente entre dos mundos: Últimas tendencias en la investigación traductológica alemán-español / ed. by B. Santana, S. Roiss, Á. Recio. Salamanca, 2007.
- Moon R. Fixed expressions and idioms in English: a corpus-based approach. Oxford, 1998.
- Naciscione A. Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Needham W. Limits on literal processing during idiom interpretation // Journal of psycholinguistic research 21, 1992.
- Nunberg G., Sag I.A., Wasow T. Idioms // Language 70, 1994.
- Oudin A. (1640): Cvnositez françoises, povr server de svplément avx dictionnaires, ov Recveil de plusieurs belles proprietes, avec vne infinité de Prouerbes & Quolibets, pour l'explication de toutes sortes de Liures. Paris. [Reprint: Genève ¹1971, ²1993; Internet: <http://gallica.bnf>].

- fr / ; CD-Rom: Le grand atelier historique de la langue française. Paris [2002]].
- Pescetti O. Proverbi Italiani. Verona, 1598 [reprint, ed. by C. Lapucci. Firenze, 1993].
- Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research (HSK-Reihe) / ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick. 2 volumes. Berlin; N.Y., 2007. [HSK Phr]
- Piirainen E. Culture in figurative language: "Standard Average European" vs. Dialects // L'espace euro-méditerranéen: Une idiomaticité partagée. Actes du colloque international (Hammamet 19, 20 & 21 septembre 2003) / ed. by T. Baccouche, H. Burger, A. Haecki-Buhofer, S. Mejjri. Vol. 2. Tunis, 2004.
- Proost K. Paradigmatic relations of phrasemes // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research (HSK-Reihe) / ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick. Vol. 1. Berlin; N.Y., 2007.
- Ray J. Collection of English proverbs. Cambridge, 1670.
- Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 2., neu bearb. und aktualisierte Auflage. (=Duden Band 11). Mannheim etc., 2002. [Duden 11].
- Röhrich L. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg i.B., 1973.
- Sailer J.M. Die Weisheit auf der Gasse, oder Sinn und Geist deutscher Sprichwörter. Augsburg, 1810.
- Schellhorn A. Teutsche Sprichwörter, sprichwörtliche Redensarten und Denksprüche gesammelt, in Ordnung gebracht, und mit den nöthigsten Erklärungen begleitet. Nebst einem Anhang von Sprichwörtern und Denksprüchen in lateinischen Versen für Studierende und Studierende. Nürnberg, 1797.
- Schemann H. Synonymenwörterbuch der deutschen Redensarten. Stuttgart, 1991.

- Schemann H. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redensarten im Kontext. Stuttgart, 1993.
- Schweigert W.A. The comprehension of familiar and less familiar idioms // Journal of psycholinguistic research 15 / 1, 1986.
- Schweigert W.A. The muddy waters of idiom comprehension // Journal of psycholinguistic research 20, 1991.
- Schweigert W.A., Moates D.R. Familiar idiom comprehension // Journal of psycholinguistic research 17 / 4, 1988.
- Segura García B. Kulturspezifische Phraseologismen in literarischen Texten und ihre Interferenzen beim Übersetzen vom Spanischen ins Deutsche // Phraseme im Text: Beiträge aus romanistischer Sicht. Bochum, 1997.
- Serz G.Th. Teutsche Idiotismen, Provinzialismen, Volksausdrücke, sprüchwörtliche und andere im täglichen Leben vorkommende Redensarten in entsprechendes Latein übertragen und nach dem Alphabet geordnet. Nürnberg, 1797.
- Swinney D.A., Cutler A. The access and processing of idiomatic expressions // Journal of verbal learning and verbal behavior 18, 1979.
- Titone D.A., Connine C.M. On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions // Journal of pragmatics 31, 1999.
- Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. Leipzig, 1867–1880 [Neudruck Stuttgart 1987].
- Wasow T., Sag I.A., Nunberg G. Idioms: an interim report // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists / ed. by S. Hattori, K. Inoue. Tokyo, 1983.
- Weinreich U. Problems in the analysis of idioms // Substance and structure of language / ed. by J. Puhvel. Berkeley-Los Angeles, 1969.
- Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y.; Oxford, 1992.
- Wotjak B., Heine A. Syntaktische Aspekte der Phraseologie I: Valenztheoretische Ansätze // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international

handbook of contemporary research (HSK-Reihe) / ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick. Vol. 1. Berlin; N.Y., 2007.

Wray A. Formulaic language and the lexicon. Cambridge, 2002.

Zinglé H. Dictionnaire combinatoire du français — Expressions, locutions et constructions (Relié). Paris, 2003.

Текстовые источники

Корпус немецко-русских параллельных текстов Национального корпуса русского языка. URL: [http:// www.ruscorpora.ru / search-param.html](http://www.ruscorpora.ru/search-param.html) [НКРЯ]

Corpora⁸⁶ des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: [http:// www.dwds.de](http://www.dwds.de) [DWDS]

Das Deutsche Referenzkorpus des IDS Mannheim im Portal COSMAS II (Corpus Search, Management and Analysis System). URL: [https:// cosmas2.ids-mannheim.de / cosmas2-web](https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web) [DeReKo]

⁸⁶ Орфографические варианты Корпус и Corpus употребляются здесь в соответствии с написанием, принятом на конкретном портале или сайте: Корпус в COSMAS II и Corpus в DWDS.

Список сокращений

АРСГС — Англо-русский словарь глагольных словосочетаний = English-Russian dictionary of verbal collocations / под ред. Э.М. Медниковой. М., 1986.

БФС — Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телии. М., 2006.

Корпус Детект. — Корпус детективной литературы

Корпус Публ. — Корпус современной русской публицистики

Корпус РусПроз. — Корпус художественной литературы 60—90 гг.

МАС [Малый академический словарь] — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М., 1985—1988.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (там же представлены корпуса параллельных текстов: <http://www.ruscorpora.ru/search-para.html>)

НОСС — Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / предисл. Ю.Д. Апресян. 2-е изд., испр., доп. М.; Вена, 2004.

РечОб. — Речевое общение.

РечОб. Инт. — Речевое общение Интернета.

САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 частях. СПб., 1806—1822.

СОВРЯ — Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телии. М., 1995.

Тезаурус — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2007.

ТКС — Мельчук И.А., Жолковский А.К. и др. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007.

ФОС — Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009.

ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Федорова. М., 2000.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.

ХудТексты Инт. — Художественные тексты Интернета.

ЭРЯ — Энциклопедия «Русский язык» / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997.

DCM — Dictionnaire des combinaisons de mots / Sous la direction de D. Le Fur. Paris, 2007.

DeReKo — Das Deutsche Referenzkorpus des IDS Mannheim im Portal COSMAS II (Corpus Search, Management and Analysis System): <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>

Duden 11 — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 2., neu bearb. und aktualisierte Auflage. (=Duden Band 11). Mannheim etc., 2002.

DWDS — Corpora⁸⁷ des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts: <http://www.dwds.de>

HSK Phr — Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research (HSK-Reihe) / ed. by H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N.R. Norrick. 2 volumes. Berlin; N.Y., 2007.

LDOEI — Longman dictionary of English idioms / Editorial Director T. H. Long. Managing Editor D. Summers. Harlow, 1979.

ODCIE 1 — Cowie A.P., Mackin R. Oxford dictionary of current idiomatic English. Vol. I: Verbs with prepositions and particles. Oxford, 1975 [2nd ed. entitled Oxford dictionary of phrasal verbs 1993].

ODCIE 2 — Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R. Oxford dictionary of current idiomatic English. Vol. II: Phrase, clause and sentence idioms. Oxford, 1983 [retitled Oxford dictionary of English idioms 1993].

⁸⁷ Орфографические варианты Корпус и Corpus употребляются здесь в соответствии с написанием, принятом на конкретном портале или сайте: Корпус в COSMAS II и Corpus в DWDS.

Предметный указатель

В данный указатель включены термины и понятия, обсуждаемые в книге, причем только те из них, которые существенны в предлагаемой концепции.

А

авторская идиома 189
авторская идиоматика/фразеология 189, 190
антоним/антонимия 20, 22, 99, 109—113

В

варьирование [идиомы] 152, 155, 156, 197
внутренняя форма 32, 67, 104, 130, 131—150
внутренняя форма языка 130
вокабула 157
временные пометы 167—169

Г

гипотеза интерференции 31
Грамматика конструкций 25, 26, 88, 89
грамматическая фразеология 83
грамматический фразеологизм 83—86, 89

Д

двойная актуализация 133, 136
двуязычные словари 152, 154, 157, 219
декаузатив 20, 65, 126
детерминация 9—11
диатеза 123, 124
дискурс 47, 54, 71, 78, 80, 85, 103, 106, 131, 151, 161—163, 166

дискурсивные пометы 166, 168, 172—175
дисфемизм 169, 172

И

идиоматика 117—119, 127, 134, 143, 151, 165, 178, 180, 222
идиоматичность 144—147
идиоматичность цитации 50, 51
идиомы-комментарии → речевая формула
идиомы-перформативы → речевая формула
иконичность 45, 59
имплицитная техника [отражения внутренней формы] 147
интерденденция 9
интроспективный подход [к национально-культурной специфике идиом] 224, 228, 230—232

К

каузатив/отношение каузативности 20, 36, 100, 124—126
квазисиноним 59, 104, 106, 216, 219
квазисинонимия → синоним/синонимия
квазиидиомы 14, 15
коллокация 15, 23, 34, 69, 73—77, 92, 96, 97, 151, 152, 156, 175, 187

- коллокации-magn 75
- коллокации-mult 75, 76
- коллокации-oper-func 75
- коллокации-real-fact 75
- коллокации-sing 75, 76
- метафорические коллокации 76

компонентная непрозрачность → непрозрачность

конверсив 20, 36, 123—125, 127, 128

конверсия 123—124

констелляция 9

концептуальная метафора 30, 31, 227

концептуально-метафорическая гипотеза 30

крылатые слова 34, 50, 69, 92—96, 98, 108, 151

квазисимволы → символы

Л

лексикография 18, 35, 151, 152, 154, 157, 207

лексические функции 16, 23, 73, 75—77

лексический / словарный вход 157, 159, 266

лемма 157, 159

М

материализация метафоры 94, 133, 191—194, 199

метафора 30, 31, 45, 47, 48, 61, 106, 130, 133, 162, 212, 223, 226—228

метафорическая модель 31, 54, 226

метафорические коллокации → коллокация

метаязык 23, 25, 147

метонимия 48, 117

многозначность 5, 99, 114, 117, 118

- регулярная многозначность/полисемия 114, 118—120

модель «Смысл—Текст» 14—16, 75, 96, 98, 147

модификация [идиомы] 188—191, 193, 195—197, 202

мотивация 27, 30, 56, 78, 130, 131, 139, 141, 146

Н

национально-культурная специфика 222, 224, 229

непрозрачность 44—47, 52—54, 59, 65, 69

- компонентная непрозрачность 56, 57
- непрозрачность выводимости 53, 54
- непрозрачность редуцированной формы 54—56

О

образ 19, 30—32, 38—40, 60, 76, 94—96, 121, 130, 138, 139, 141, 143, 148, 149, 176, 181—183, 185, 187, 193

образная составляющая 5, 30, 32, 37, 111, 145, 147, 176, 214, 215, 217, 218, 222, 223, 228

омоним/омонимия 120, 121, 156

онимизация 59—61, 66

операторы введения/отражения внутренней формы 146, 147

П

падежная роль → глубинный падеж

парадигма семантической деривации → семантическая деривация

пассив/пассивизация 14, 15
перевод 38, 40, 92, 103, 155, 205, 207–215, 229, 237

переинтерпретация 5, 44–47, 52–54, 58–60, 65, 69

- п. в точном смысле 47, 48,
- идиоматичность цитации 50, 51
- интенциональная п. 48, 49
- псевдоисчерпание 51, 52
- референциальная п. 49–51

поговорка 11, 14, 67, 69, 71, 77–83, 96, 97

полисемия → многозначность
полуавтономные речевые формулы → речевая формула

пословица 9, 11, 14, 34, 35, 37, 68, 70, 77–83, 96, 97, 108, 151, 175, 187

прагматика [фразеологизмов] 17, 50, 215, 217, 218

псевдоисчерпание → переинтерпретация

психолингвистика/психолингвистический 5, 8, 29, 32, 228

Р

регистровые операторы 169, 172, 173

регулярная многозначность/полисемия → многозначность

редупликация 59

референциальная переинтерпретация → переинтерпретация

речевая формула 11, 14, 70–72, 77, 80, 96–98, 180, 183

- идиомы-комментарии 71
- идиомы-перформативы 72

- полуавтономные р.ф. 71
- формулы вопроса 72
- формулы ответа 72, 96

С

семантический класс 17, 73, 74, 89, 118, 120

символы 39, 105, 183, 227, 228, 233

синоним/синонимия 99, 102–109, 113, 128, 143, 152–154, 158, 161, 178,

синтаксические преобразования/трансформации 20, 23–25, 64, 65, 124,

ситуативные клише 14, 69, 91, 92, 108

следствия из метафоры 30, 106, 133, 223, 227

слова-ограничители 137

словарь₁ [справочное издание] 29, 33–36, 56, 76–78, 107, 109, 113, 134, 145, 146, 151–159, 161–165, 202, 208, 218, 219, 235, 237

словарь₂ [абстрактная категория, противопоставленная грамматике] 43, 56, 63, 75, 101, 108, 169

словарь-тезаурус 34, 101, 109, 152, 157, 159, 164, 165, 178, 186, 235

«Смысл–Текст» → модель
«Смысл–Текст»

сопоставительный подход [к национально-культурной специфике идиом] 224–228, 233

стилистические пометы 5, 18, 134, 135, 153, 157, 159, 161–163, 172, 174, 187

структура словарной статьи 157,
158, 160

Т

тезаурус → словарь-тезаурус
толкование 38, 90, 115, 134–136,
141, 145–150, 152, 158, 159

У

уникальные компоненты →
компонент [идиомы, фразеоло-
логизма]
усложнение дескрипции 58, 59
усложнение способа указания на
денотат 45, 47, 52, 58–60, 65,
66
устойчивость [словосочетания,
фразеологизма] 62–65, 69, 91,
92

Ф

формальное варьирование/варь-
ирование формы → варьиро-
вание

формулы вопроса → речевая
формула

формулы ответа → речевая
формула

фрагема 9, 14, 16, 90

фразеологизмы-конструкции 25,
69, 86–90, 96, 98, 108

фразеологические словари

фразеологическое выражение 67

фразеологическое единство 67

фразеологическое сочетание 67

фразеологическое сращение 67

фразеосхема 12, 88–90

Э

эвфемизм 142, 168–172

этимологическая память 132, 216

Я

языковая игра 60, 61, 133, 136,
149, 192, 196, 213, 231

Именной указатель

В указатель вошли фамилии авторов научных исследований, упоминавшихся в тексте. Не включались писатели, произведения которых использовались как материал для анализа.

А

Абаев 132
Александрова 102
Амосова 9
Аничков 9
Антонян 56
Апресян 53, 102, 114, 118, 132,
146, 164
Арсентьева 37
Арутюнова 227
Архангельский 9, 10, 21, 41
Ахманова 134

Б

Бабкин 21, 29, 34, 41, 160, 204,
222, 235
Балли 7, 45, 53, 66, 67, 98
Баранов 47, 66, 71, 72, 85, 133,
150, 159, 160, 187, 198
Бахтин 171
Бенсон М. 156
Бенсон Э. 156
Бинович 154
Блай 32
Бирих 29, 41, 109, 153, 154, 155
Богуславский 90
Бодуэн де Куртенэ 7
Борисова 156
Будницкая 154
Бургер 13
Быстрова 156
Бюхман 93

В

Вежбицкая 224
Величко 90
Вендлер 64
Виноградов 7, 8, 67, 83, 84, 98,
140, 162
Вольф 154
Вознесенская 114
Всеволодова 90
Выготский 62

Г

Гак 40, 41, 53, 154, 220
Гиббс 30
Голдберг 88
Грайс 180
Григорьева 189
Гришин 154
Гумбольдт 130
Гудков 39
Гуревич 155

Д

Даль 34, 139, 140, 185
Дерибас 77
Джонсон 30, 106, 228
Диброва 18
Добровольский 36, 47, 66, 72, 77,
133, 160, 187, 198, 225
Добродомов 188
Дозорец 155

Е

Евгеньева 154
Ельмслев 9

Ж

Жолковский 23, 146
Жуков 18, 21, 24, 42, 99, 108, 109,
129, 153, 154, 158
Журавлев 225, 226, 235

З

Зимин 156
Зорько 154

И

Иванова 189
Илсон 156
Иомдин 90
Иорданская 15, 16, 90, 92, 98, 146,
147

К

Каччари 31
Кизар 32
Кобозева 110
Ковшова 39
Копыленко 10
Коршкова 202
Крушевский 139
Кунин 9, 18, 21, 154
Кустова 118

Л

Лакофф 30, 106, 226, 228
Ларин 66, 98, 108
Левинтова 154
Левонтина 141
Лим 90
Ломоносов 7, 41, 188

Лотман 231

Лубенская 34, 128, 134, 160, 187

М

Мелерович 19, 21, 22, 132, 155,
204
Мельчук 15, 16, 40, 53, 66, 75, 90,
92, 98, 146, 147
Мидер 8
Михельсон 29, 34, 150, 152, 188
Мовшович 154
Мокиенко 19, 21, 22, 36, 41, 109,
132, 153, 154, 155, 202, 204, 220
Молотков 18, 42, 160
Мурадова 154

Н

Никитина 224
Нистратов 32, 33
Ничик 202
Новиков 110

О

Ожегов 33

П

Падучева 118, 126
Петренко 32, 33, 102
Пермяков 77
Пиирайнен 39, 226
Пильщиков 188
Попова 10
Поливанов 7
Потебня 7, 131, 150
Пятигорский 231

Р

Райхштейн 37, 221, 230
Регина 77
Резник 144
Рецкер 154

Рогожникова 86
Розина 118
Романова 32, 33
Ронгинский 202

С

Сидоренко 109, 129, 153, 154
Снегирев 34
Скловский 144
Срезневский 7
Степанова 29, 41, 109, 153, 154,
155

Т

Телия 22, 38, 41, 42, 236,
Тюрина 77

Ф

Фасмер 132
Федоров 152
Фелицына 155
Филиппов 156
Филлмор 25, 88, 90
Фляйшер 13
Фортунатов 7
Фреге 58

Х

Хомский 23
Хэллидей 164

Ч

Чейф 131
Черданцева 154
Чернышева 9, 12, 13

Ш

Шанский 18, 67, 68, 156
Шахматов 7
Шведова 33, 184
Широкова 77

Шкляров 109, 129, 153, 154, 158
Шмелев 11, 12, 88, 89, 102, 131,
161, 169

Я

Яранцев 157

A

Abraham 36
Agricola 156

B

Bar-Hillel 16
Bly 32
Bolton 30
Büchmann 93
Burger 13, 14, 42

C

Cacciari 31
Černyševa 12
Connine 30
Cowie 8
Cruse 106
Cutler 29
Cutting 30

D

Dobrovol'skij 36, 39, 42

E

Eiselein 35

F

Farø 209
Filipenko 42
Fillmore 25, 90
Fleischer 13
Fraser 23
Friederich 35

G

Galinsky 29
Gibbs 29, 30
Glucksberg 29, 31
Görner 35

H

Hallsteinsdóttir 209
Hardy 102
Häusermann 13
Heine 24
Howell 35

J

Jackendoff 90
Jaksche 13

K

Keppel 30
Keysar 32
Korhonen 37, 205, 221
Körte 35
Kuiper 24

L

Lakoff 137

M

Makkai 8
Meiner 35
Mellado Blanco 37, 206
Moates 30
Moon 8

N

Naciscione 107, 161
Nayak 30
Needham 29
Nunberg 90

O

O'Brien 30
Oudin 35

P

Pescetti 35
Piirainen 39
Proost 99, 129

R

Ray 35
Röhrich 35
Rumiati 31

S

Sag 90
Sailer 35
Schellhorn 35
Schemann 35
Schweigert 30
Segura García 229
Serz 35
Swinney 29

T

Tabossi 31
Titone 30

W

Wander 35
Wasow 90
Weinreich 23
Wierzbicka 224
Wotjak 24
Wray 8

Z

Zinglé 156

Указатель фразеологизмов

Выбор опорных компонентов, по которым осуществляется алфавитизация представленных в указателе выражений, определяется следующей иерархией:

- существительное
- прилагательное
- наречие
- числительное
- глагол
- частица (кроме отрицательной частицы *не*)
- местоимение
- предлог
- союз
- междометие

Алфавитизация происходит по первому из компонентов идиомы, занимающих самое высокое место в иерархии, т.е. при наличии двух существительных алфавитизация происходит по первому существительному, а при наличии двух прилагательных — по первому прилагательному (если существительных вообще нет) и т.д. Например, идиома *не ударить в грязь лицом* алфавитизируется по существительному *грязь* как первому существительному в лемме. Тот лексический элемент, по которому осуществляется алфавитизация, маркируется полужирным выделением первой буквы.

Различные грамматические формы старшего компонента упорядочиваются по алфавиту. Так, идиома, содержащая словоформу *руками*, предшествует идиомам с компонентом *руки*. Алфавитизация идиом с одинаковым старшим компонентом осуществляется по алфавитному месту слов, стоящих слева от этого компонента (а если слева все компоненты у идиом совпадают, то по правой части). Например, идиомы с общим старшим компонентом *свет* располагаются в следующем порядке: *ни свет ни заря*, *Новый Свет*, *отправить на тот свет*, *отправиться на тот свет*, *получить зеленый свет*, *чуть свет*.

Любой факультативный компонент, помещенный в квадратные скобки (в том числе и старший по иерархии), при алфавитизации не учитывается.

Если структурно обязательный компонент, по которому должна осуществляться алфавитизация, допускает лексические замены (причем ни один из вариантов не воспринимается как производный от некой базовой формы), эти варианты рассматриваются как самостоятельные идиомы и образуют разные словарные входы.

Идиомы в указателе приводятся в упрощенном виде — без валентностей. Исключение составляют те случаи, когда без валентностей не ясен смысл выражения.

РУССКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

А

авось да небось 230
ронять/приобретать **авторитет** 175
питаться **акридами** и диким медом 185
Александр Третий 61
Туманный **Альбион** 65, 179
открыть **Америку** 48
ангел во плоти 101
ходячий **анекдот** 49
разводить **антимонии** 41
арапа заправлять 47
сдать в **архив** 178
поставить на **атас** 128
стоять на **атасе** 128
в теплой и дружеской **атмосфере** 175
не **ахти** 180, 200

Б

подбить **бабки** 65
вот тебе, **бабушка**, и Юрьев день 69, 71, 77, 82
забивать **баки** 47
бить **баклуши** 10, 44, 106, 153, 197
окончен **бал** 48
ловить **балду** 100

банка с пауками 48
 кровавая баня 49
 по барабану 204
 это вам не баран начхал 182
 вернемся к нашим баранам 26
 {— Ну?} — Баранки гну. 72, 143, 177
 дать по башке 105, 106, 119
 башню сорвало 107
 бедность не порок 80
 будет вам и белка, будет и свисток 72
 реветь/выть белугой 140
 копаться в чужом грязном белье 106
 ни бельмеса не понимать 231
 сорваться с берега земного 202
 за всё берется, да всё не удается 78
 кто возьмет билетов пачку, тот получит водокачку 95
 для блезира 65
 блондинка — она и в Африке блондинка → X — он и в Африке X 86
 на блюдецке с голубой каемочкой 95, 96
 блюстителю порядка 167
 снюхаться как бобики 192
 бог весть какой 113
 бог дал, бог взял 27
 дай бог 113
 избави бог 70
 кто рано встает, тому бог дает 97
 не бог весть какой 113
 с нами бог 172
 не дай бог 113
 сам бог велел 192
 чем богаты, тем и рады 81
 отдать богу душу 171
 ах, боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна 95
 почить в бозе 120, 175, 177, 185
 бок о бок 178
 лежать на боку 106, 153
 с боку припёка/припёку 18, 232, 234
 не борода, а бородача → не X, а X-ище 88
 {— Где?} — У тебя на бороде. 72, 143
 за что боролись, на то и напоролись 71

наговорить сорок **бочек** [арестантов] 46
бочка Данаид 36
бездонная **бочка** 36
катить **бочку** 101
двоюродный **брат** 11
ни **брат** ни сват 51, 52, 59, 232
братья наши меньшие 122
не видеть **бревна** в собственном глазу 40
взваливать **бремя** 175
не в **бровь**, а в глаз 137
жгучий **брюнет** 15, 73, 75
дать в **бубен** 63, 119
переть **бугром** 101, 184
светлое **будущее** 49, 122
будьте-нате 179
взять на **буксир** 146
лакмусовая **бумажка** 48
ни **бум-бум** 166
богатенький **Буратино** 136
лезть в **бутылку** 49, 158
бутылку раздавить 101
буря в стакане воды 49, 205, 207
переть как на **буфет** 184
с **бухты-барахты** 232
переть как **бык** 184
брать **быка** за рога 27, 48, 53
была не была 82, 83
было [и/да прошло] и/да быльём поросло 235
с **быстротой молнии** 178

В

вагон и маленькая тележка 106, 128, 147
ночная **ваза** 168
бубновый **валет** 210, 211
ванька-встанька 66
ванька мокрый 60, 61
ваньку валять 66, 148
любопытная **Варвара** 66
раскрыть **варежку** 182
а **Васька** слушает да ест 98

Вася Пупкин 66, 166, 184
 голый **Вася** 61, 66
 гуляй, **Вася** 165, 173
 заступать на **вахту** 76
 не **ведают**, что творят 193
 вылить **ведро** помоев 48, 106
век вековать 59
век свободы не видать 72
 золотой **век** 178
 от **века** 178
 во **веки** веков 59
 мафусаиловы **веки** 65
 на **веки** вечные 41, 59
 смежить **веки** 11
 спокон **веков/веку** 172
 доказывать, что ты не **верблюд** 235
 {— Откуда?} — От **верблюда**. 72, 143, 177
 семь **вёрст** до небес [и все лесом] 235
 за семь **верст** киселя хлебать 163, 167, 173
 коломенская **верста** 70, 230
верхушка айсберга 48
 бросать слова на **ветер** 17, 18, 216
 плевать против **ветра** 104
 подбитый **ветром** 168, 199
 отошел в **вечность** 104
 не **взирая** (на что-л.) 10
 ты у меня будешь **взрослых** уважать → ты у меня Р 90
взрыв аплодисментов 76
взрыв негодования 76
взрыв удивления 76
взрыв эмоций 76
взятки гладки 232
 товарный **вид** 180
видимо-невидимо 106
 выдавший **виды** 108
 видал **виды** 108, 154
вилами по/на воде писано 128
вменить в вину 11
винтиков не хватает 107
 оказывать **влияние** 175

обращать **в**нимание 175
вовсе не 10
 темна **во**да во облацех 231
 седьмая **во**да на киселе 20, 40, 97
водой не разольешь 128
 лить **во**ду на мельницу 24
 носить **во**ду решетом 104, 147
воды в рот набрал 128
воды не замутит 101
выйти сухим из воды 147
 тише **вод**ы, ниже травы 101
вожжа под хвост попала 100
 а **во**з и ныне там 95
взлететь на воздух 65
 на открытом **воз**духе 178
 иметь **воз**можность 175
 бальзаковского **воз**раста 178
 ходить **во**круг да около 216
волк в овечьей шкуре 70
 ма́тёрый **во**лк 106, 108, 154
 {— ...товарищ...} — Тамбовский **во**лк тебе товарищ./Твои товарищи в
 Брянском лесу бегают, хвостами машут. 143
волка ноги кормят 37
 сколько **во**лка ни корми, он все в лес смотрит 77
волков бояться — в лес не ходить 69, 82
 смотреть **во**лком 195
 хоть **во**лком вой 100
 {— Вроде...} — Вроде **Во**лоди [и наподобие Кузьмы]. 177
 наше **всё** 65
всего ничего 59
всем и каждому 59
выйти из себя 55, 100, 158
выкрасить и **выб**росить 52
вынь да **поло**жь 52, 67, 231
 на **вы**соте 180
 вот тебе и **вы**ходной → вот тебе и Р/Х 87, 88
 не **вы**шептать 183

Г

по газонам не ходить 69

считать галок 153
 сесть в галошу 18
 гений всех времен и народов 49
 свадебный генерал 28
 упал, очнулся — гипс 95
 во главе угла стоять/быть 128
 во главу угла ставить 128
 глаз-алмаз 49, 59
 ради прекрасных глаз 41
 глаза залить 101
 все глаза выплакал 100
 закрыть глаза навеки 107, 120, 171
 лопни мои глаза 218
 мозолить глаза 191
 не глаза, а глазищи → не X, а X-ище 88
 продавать глаза 153
 разуть глаза 233
 смежить глаза 11
 чтоб глаза повылезали/вылезли 72
 потемнело/померкло в глазах 105
 анютины глазки 70
 не моргнув глазом 222
 на голубом глазу 138
 ни гласа ни воздыхания 199
 заткнуть глотку/пасть 182, 184
 говно на постном масле 172
 как говорится 137
 не первый год замужем 106
 Новый год — он и в Африке Новый год → X — он и в Африке X 86
 годен до... 91
 Голим Голимыч 60, 61
 голова садовая 136
 не дружить с головой 107
 больной на всю голову 107
 ломать голову 65
 на свою голову 235
 не бери в голову 64
 понурить голову 10
 слаб на голову 148
 [бежать/нестись/носиться...] сломя голову 14, 128, 233

забубенная головушка 235
с головы до ног / с ног до головы 105, 206
с головы до пят 105
во весь голос 222
раздался голос из помойки 183
голубей гонять 153
не за горами 123
лепить горбатого 167
горе горевать 232
брать/взять за горло 18, 106, 182
по горло 106
город на Неве 167, 172
города и веси 179
стоять горой 195
{— Куда?} — На кудыкину гору. 72, 143
от горшка два вершка 122, 235
пить горькую 70
господь прибрал 120, 171
милостивый государь 185
{— Честное слово.} — Врать готово. 96
под градусом 101
ни грамма 203
филькина грамота 139, 140
положить границы 34
за гранью добра и зла 180
идти на гребле 34
искупать грех 76
от греха подальше 233
белый гриб 11, 12
в гробу видать [и в белых тапочках] 183
метать громы [и молнии] / громы-молнии 158, 159
ни гроша 110
принять на грудь 101
груз 200 54, 142, 167, 169, 171
назвался груздем — полезай в кузов 69
груши околачивать 106, 153
как грязи 106, 176, 177, 178, 183
не ударить в грязь лицом 64, 183, 190
обливать грязью 106
[и] пошла писать губерния 172

{— ...товарищ...} — Гусь свинье не товарищ. 143

Д

да и 84, 85, 190, 193

путать божий дар с яичницей 138

даром что 84

дать прикурить 97

ни дать ни взять 232

вот тебе и съездили на дачу → вот тебе и Р/Х 87

опять двадцать пять 37

ошибиться дверью 192

хлопнуть дверью 235

продажная девка империализма 169

Дед Мороз 60, 61

{— Кто?} — Дед Пихто. 143

дела идут — контора пишет 71

очень нужно было в это дело 87 влезать → очень/больно нужно/надо
Р/Х 87

денег куры не клюют 14, 110

денно и ночью 9

день-деньской 184

добрый день 91

бросать/кидать/швырять деньги на ветер 17, 18

на деревню дедушке 28, 98

за деревьями не видеть леса 30

задать дёру 97, 106

из дерьма конфетку сделать 173, 184

не робкого десятка 128

выпустить джинна из бутылки 58, 69

дистанция огромного размера 95

кончить/окончить свои дни 120

перевернуть вверх дном 48

на злобу дня 172

со дня на день 123

на днях 113

(кому-л.) не до (кого-л./чего-л.) 14, 90

дать добро 123, 129

получить добро 123, 129

проливной дождь 15, 73, 74, 75

долг велит 75

приказать долго жить 107, 117, 120, 171
отдать должное 97
Белый дом 70
дом полная чаша 110, 111
сумасшедший дом 187
дом как дом → X как X 25
не все дома (у кого-л.) 206
железная дорога 12
проселочная дорога 97
шёл бы ты своей дорогой 72
всю дорогу 186
себе дорожке 54
досада берет 13
до гробовой доски 178
ставить на одну доску 128
становиться на одну доску 128
дрожмя дрожать 100
дать дрозда 97, 124
закадычный друг 11, 75, 175
старый друг лучше новых двух 80
дать/врезать дуба / дуба дать 44
рухнуть/упасть с дуба 41, 107, 131
под дулом автомата 48
и думать забудь 72
дурак или родом так? 70, 72
дурак и уши холодные 71, 184
круглый дурак 203
не дурак выпить 203
валять дурака 106, 128, 153, 198
нашел дурака 72
где уж нам, дуракам, чай пить 70, 98
оставить в дураках 125
остаться в дураках 125
выглядеть дураком 195
со всей дури 75
надо же быть такой дурой → [и] надо же Р 87
гнать дуру 167
идти на дух 34
испустить дух 103, 107, 120, 217, 226
переводить духи 34

принимать душ 175
душа в пятки ушла 100
отдыхать душой 97
заячья душонка 100
плевать в душу 70
рвать душу [на части] 100
дым коромыслом 20, 41
в дым 75
черная дыра 65, 178
нужен как дырка в голове 143
{— Ну?} — Дышло гну. 143
не дышлом кроен 230
чертова дюжина 146
дядюшка Джо 65

Е

тоже мне Европа → тоже мне X 26, 87
где уж нам по европам ездить → где уж нам Р 26, 70, 87
едва ли не 10
едва не 69, 181
едва только/лишь 84
не делайте из еды культа 98
нужен как ежу моторная лодка 143
сюда я больше не ездок 95
ещё чего 180
ты у меня ещё поговоришь → ты у меня Р 90

Ж

грудная жаба 70
брать/взять за жабры 18, 19, 106, 182
задать/дать/поддать жару 124
желание сбывается 75
куй железо, пока горячо 37, 97
без меня меня женили 37
мышинный жеребчик 70
жертва аборта 98
налетай, торопись, покупай живопись 95
животики надорвать 100
слабеть животом 200
дать жизни 70, 124

жизнь наша — копейка, судьба — индейка 232
плакаться в **жилетку** 33
сравнил **жопу** с пальцем 173
жребий брошен 77, 93, 94, 97
не **жук** на палочке 65
жуть с ружьем 180, 183

З

умереть под **забором** 120
чего я там **забыл** 180, 181
хоть **завались** 106
высшее учебное **заведение** 67
нет [и] в **заводе** 173
до морковкиных **заговен** / на морковкино **заговенье** 46, 235
на **заворках** 163
сидеть не отрывая **задницы/зада** 142, 170
задом наперед 138
погнаться за двумя **зайцами** 70
нужен как **зайцу** стоп-сигнал/бубен/триппер/модная болезнь/коло-
кольчик/профсоюз... 109, 143
на **закате** дней 166
прийти к **заклучению** 74
закрома родины 186
строить воздушные **замки** 26
сидеть под **замком** 129
посадить под **замок** 129
где уж нам с тобой **замуж** выйти → где уж нам Р 26, 70, 87, 98
железный занавес 47, 48
{— Ну?} — [Не нукай,] не **запряг** [ещё]. 143
{— Ну?} — Когда **запряжешь**, тогда и будешь **нукать**. 143
на **заре** туманной юности 178
воздать по **заслугам** 124
получить по **заслугам** 124
вменить в **заслугу** 11
дышать в **затылок** 101, 102
путеводная **звезда** 27, 57, 97
не видно ни зги 56
львиный **зев** 11, 12, 70, 121
за тридцать **земель** 122, 230
Земля обетованная 27, 179, 181

зерно истины 69, 73, 76
зло берет 10, 13, 69, 73
змея подколотная 97, 230, 235
привести к общему/единому/одному знаменателю 126
прийти к общему/единому/одному знаменателю 126
запретная зона 137
зуб даю 72
ни в зуб ногой 19
зубы заговаривать/заговаривать зубы 223, 233
положить зубы на полку 110
скалить зубы 10, 100
с порога в зубы 182

И

иван-да-марья 60, 61, 121
во всю ивановскую 230
Ивану не до развлечений → X-у не до Y-а 90
иван-чай 122
сидеть как на иголках 206
из-за 84, 85
одетый с иголки 59, 206
вне игры 131
из-под 84, 85
метать икру 157, 158, 159, 165, 173, 183
именины сердца 100
из искры возгорится пламя / вы здесь из искры раздували пламя 94
важнейшее из искусств 173
истина в последней/конечной инстанции 167
исчадие ада 10
ищи-свищи 177, 232

Й

ни на йоту 65

К

быть под каблуком 123
держать под каблуком 123
в кавычках 138
взять за кадык 182
как будто 10

как бы 55, 134, 137, 138, 146
 как то 86
 тёртый **калач** 106, 154
калики перехожие 231
 старая **калоша** 65, 182
 посадить в **калошу** 129
 сесть в **калошу** 18, 129
 держать **камень** за пазухой 19, 20
камера хранения 175
камня на **камне** не оставить 20, 52, 125, 126
Железный канцлер 26
 на чужой **каравай** рот не разевай 78
 {— Где?} — В **Караганде**. 143
 всем **карасям** **карась** → всем X-ам X 87
 старая **карга** 122
карета скорой помощи 167
 держи **карман** шире 183
 в одном **кармане** — блоха на аркане, а в другом — мощи тараканьи 232
 стоять на **карте** 128
 поставить/бросить на **карту** 128, 129
 мимо **кассы** 128
 душисть всеми **катками** 200
 съехать с **катушек** 107
 на всю/полную **катушку** 105
тришкин кафтан 95
каша в голове 65
 заваривать/заварить **кашу** 15
 расхлебывать **кашу** 15
 в **квадрате** 75
кеды выставить / выставить **кеды** 103, 170
клин **клином** вышибают 97
 куда ни кинь, всюду — **клин** 59, 230
ключ(и) от квартиры, где деньги лежат 51
книга за семью печатями 70
 не пришей **кобыле** хвост 65, 195
 рвать **когти** 106
 лезть из **кожи** вон 216
 ни **кожи** ни **рожи** 232
 пускать **козла** в огород 45
 нужен как **козе** баян 143

козел отпущения 20
 брать под козырек 203
 коктейль Молотова 167
 ни кола ни двора 51, 52, 110, 111, 230
 катись колбаской [по Малой Спасской] 72, 177
 поставить на колени 128
 лысый как коленка/как бильярдный шар 201
 слаб в коленках 100
 стоять на коленях 100, 128
 нужен как пятое колесо в телеге 143
 быть под колпаком 123
 держать под колпаком 123
 с колыбели 178
 комар носа не подточит 20
 шел в комнату, попал в другую 50, 98
 поставить на кон 129
 кондрашкахватила / Кондратийхватил 61, 231
 Зеленый континент 179
 стоять на кону 129
 дойти до дальнего конца 201
 отдать концы 24, 104, 120
 {— Кто?} — Конь в пальто. 143
 отбросить/откинуть коньки 58, 170, 182
 авгиевы конюшни 180
 откинуть копыта 15
 стучать копытами 200
 копыта ломать 101
 корень зла 67
 уходить корнями 178
 король-то голый 20
 король умер — да здравствует король 97
 не корысти ради 72
 держи корягу 97
 поставить на корягу 171
 поставить на четыре кости 171
 перемывать косточки 28, 106, 173
 размять косточки 235
 косяк трески 76
 купить кота в мешке 58
 [стоять] на котурнах 127

ставить на **котурны** 127
становиться на **котурны** 127
кочан капусты 76
{— Почему?} — По **кочану**. 72, 143, 177
тренируйся на **кошках** 98
на свой **кошт** 26
край света 122
всем **красавицам** красавица → всем **Х-ам** **Х** 87
вот те/тебе **крест** 72
нести свой **крест** 227
поставить **крест** 123
креста нет (на ком-л.) 228
кривая вывезет 189
кризис — он и в Африке кризис → **Х** он и в Африке **Х** 86, 87, 88
хоть **криком** кричи 59
малой **кровью** 37
спиться с **круга** 101
дать **кругаля** 173
прошел все **круги** ада 108, 151
как ни **крути** 37
тыловая **крыса** 183
крыша поехала 63
быть на **крючке** 123
держать на **крючке** 123
хоть **куда** 179
не **кулак**, а кулачище → не **Х**, а **Х-ище** 87
стукнуть **кулаком** по столу 198
дать по **кумполу** 105
{— Говорят...} — **Кур** доят. 72, 143, 177
курица по зернышку клюет, да сыта бывает 97
следовать **курсом** 175

Л

по пьяной **лавочке** 10
дышать на **ладан** 226
сойти в **Харонову** ладью 202
наобум **Лазаря** 231
до **лампочки** 25
ходить на задних **лапках** 48
не лаптем щи хлебать / не лаптем щи хлебаем 69, 71, 231, 232, 235

давать в лапу 137
вешать лапшу на уши 45, 65, 183
склеить ласты 103, 120, 167, 170
лебедь, рак да щука 95
имя им легион 176, 177, 178
лед тронулся [, господа присяжные заседатели] 95
растопить лед 31
лежать в лёжку 100
где уж нам лекции читать → где уж нам Р 87
его ленивый не бьет 78
чем дальше в лес, тем больше дров 97
кануть в Лету 19
к лешему 230, 234
гнуть свою линию 33
Лиса Патрикеевна 60, 61
пристать/прилипнуть как банный лист [к заднице] 170
тоже мне литератор → тоже мне Х 26, 87
лицом к лицу 178
с человеческим лицом 101
хлопотать лицом 184
хватить лишку 101
дать в лоб 123
получить в лоб 123
лодыря гонять 153
хоть ложись да/и помирай 100
ни ложки на плоски 65
положить/уложить на [обе] лопатки 105, 114, 115, 148
улепётывать во все лопатки 106
хоть [ты] лопни 71
не гони лошадей 70
ничто не ново под луной 98
посадить в лужу 129
сесть в лужу 129
как нельзя лучше 181
наострить лыжи 65
отбросить/откинуть лыжи 120
лыка не вязать 58
не лыком шит 106, 234
гонять лысого 171
а я что — лысый? 72

любовь зла — полюбишь и козла 187
любовь прошла, завяли помидоры 182
[всё] как у людей 148
вывести в люди 97, 129
выйти/выбиться в люди 129
наши люди в булочную на такси не ездят 95
свои люди — сочтемся 80
висеть на люстрах 65
на кой ляд 186
иди ты к ляду 232
лямку тянуть 233
точить лясы 46, 57, 67, 231

М

куда **Макар** телят не гонял 235
каким **Макаром** 231
мал мала меньше 65, 235
от мала до велика 65
разлюли-малина 165, 179
как **Мамай** прошел 230
эдаким манером 186
[как] **манна** небесная 27, 180, 181
как по **мановению** руки 178
Манька Величкина 60, 66
мартышка и очки 95
подливать **масла** в огонь 67, 170
маслом по сердцу 100
у **матросов** нет вопросов 177
мать-и-мачеха 121
мать сыра земля 235
показать кузькину **мать** 140, 230
адская **машина** 49
Большая **Медведица** 70
Малая **Медведица** 70
сражаться с ветряными **мельницами** 28
высшая **мера** [наказания] 122
по **мере** того как 10, 84
по крайней **мере** 69, 85, 137, 181, 197, 198
по меньшей **мере** 69, 85, 137, 181, 197, 198
врать как сивый **мерин** 183

принимать **меры** 15, 67, 73
место у парашаи 174
засунуть [себе] в известное **место**/одно место 142
иметь **место** быть 47, 59, 97, 184
отхожее **место** 142
места не столь отдаленные 122, 142, 169, 172
мокрого **места** не останется / мокрое место останется
мокрого **места** не оставить 113, 128
провалиться мне на **месте** 218
свято **место** пусто не бывает 78
медовый **месяц** 178
гнать поганой **метлой** 235
это не наш **метод** 95
кремлевский **мечтатель** 65
божьей **милостью** 180
покинуть этот **мир** 120
уйти в лучший **мир** 171
уйти в **мир** иной 107
Митькой звали 232
Михайло Иваныч 61
ко мне 91
много будешь знать — скоро состаришься 72
выносить **мозг** 63
до **мозга** костей 75
дать по **мозгам** 106
шевелить **мозгами** 192
компостировать **мозги** 182
прочистить **мозги** 137
пудрить **мозги** 137
свихнуть себе **мозги** 183
сушить **мозги** 48
загнать за **можай** 65
молодой да ранний 122
попасть в **молоко** 110
пойти с **молотка** 125, 126
пустить с **молотка** 125, 126
между **молотом** и наковальней 41, 48
в чужой **монастырь** со своим уставом не ходят 82
мороз по коже 100
трескучий **мороз** 10, 73

моряк с печки бряк 233
мосты сожжены 77, 80
на всякого мудреца довольно простоты 77, 79, 80
муж объелся груш 184
танталовы муки 235
ловить / считать мух 106, 153
какая муха тебя укусила? 72
делать из мухи слона 207
и мухи не обидит 101
под мухой 101, 153
всем мухоморам мухомор → всем X-ам X 87
весь в мыле 182
выписывать/выделявать мыслете 46, 158, 200, 231
хорошая мысль приходит опосля 184, 186
не мытьем, так катаньем 69
Кровавая Мэри 61
мягко стелет [да жестко спать] 19

Н

джентльменский набор 37
заснуть навеки 104
возлагать надежды / полагать надежду 74, 124
как надо 149
куда надо 168
не надо ля-ля 180
что называется 137
вывернуть наизнанку 138
больно нужны нам эти нанотехнологии → очень/больно нужно/надо
Р/X 87
в натуре 173
броситься наутёк 106
где наша не пропадала 70, 82
на седьмом небе 100
показать небо в алмазах 49, 126
увидеть небо в алмазах 49, 126, 127
уйти в небытие 120
невесть сколько 106
плюнуть негде 182
и вся недолга 83, 231
соврет — недорого возьмет 136

незнамо когда 186
девать некуда 106
принесла нелёгкая 186
нить Ариадны 181
путеводная нить 57
ничтоже сумняшеся 40, 46, 56, 67, 83, 231
сбить с ног 111, 112
спать без задних ног 173
одна нога здесь, другая — там 37
еле на ногах стоять 235
крепко стоять на ногах 48
быть на равной/дружеской/короткой ... ноге 191
ноги выдернуть 182
встать не с той ноги 206
поставить на ноги 111, 112, 117, 118
протянуть ноги/ножки 58, 104, 120
сделать ноги 106
с/от младых/молодых ногтей 70, 168
жить на широкую ногу 128
подставить ногу 145
водить за нос 37, 113, 128, 214, 215, 217
сыт, пьян и нос в табаке 110
[— ...тепло] — Из носа потекло. 185
оставить с носом 125
остаться с носом 125
зарубите [себе] на носу 19
ковырять в носу 106
спокойной ночи 69, 91
глубокая ночь 11
прийтись по нраву 181
распустить нюни 232

О

испортить всю обедню 123
обещание связывает 76
витать/парить в облаках 19
Облом Обломыч 60, 66
вменить в обязанность 11
брать обязательство 75
всякому овощу свое время 77

паршивая **овца** 219
с паршивой **овцы** хоть шерсти клок 183
между двух **огней** 48
днем с **огнем**/фонарем не сыщешь 41, 232
играть с **огнем** 205
пройти **огонь** и воду [и медные трубы] 108, 154
огород городить 230, 232
не **огород**, а огорожище → не X, а X-ище 87
окно в Европу 179
опиум для народа / почем опиум для народа? 98, 168, 173
достаться на **орехи** 233, 235
под **освещением** 145
глубокая **осень** 11
от мертвого **осла** уши 182
остров свободы 179
от и до 44, 55
отара овец 76
сделать **отбивную** 119
возлагать **ответственность** 76
до **отказа** 70
круглый **отличник** 73
гнилой **отмаз** 175
встретить **отпор** 69
на **отшибе** 122
охота на ведьм 48, 70
охотнички тоже мне → тоже мне X 26, 87
охулки на руку не класть 44, 168, 200, 203, 234
смежить **очи** 11

П

держаться за **падло** 174
посадить на голодный **пак** 127
[сидеть] на голодном **пайке** 127
держаться на голодном **пайке** 127
палец/пальцем о палец не ударить 154
объяснить на **пальцах** 206
Северная **Пальмира** 49, 70
высосать из **пальца** 206
обвести вокруг **пальца** 214, 215, 217
пальцем не шевельнуть [не пошевелинуть, не пошевелить] 154

смотреть сквозь **пальцы** 12
 не на **помойке** найти 183
 куриная **память** 10
 сбить с **панталюку** 231
 выпустить **пар** 58
пасть порву 184
 разевать **пасть** 184
 раскрыть **пасть** 184
 с **пенной** у рта 101
пень колотить [да] день проводить 153
 вставить **перо** в бок 149, 150
 божий **перст** 185
 бросить **перчатку** 101
песок сыплется 122
 пустить красного **петуха** 175
 с **петухами** 235
 не было **печали**, так черти накачали 71
 лежать на **печи** / на **печке** 106, 153
печки-лавочки 65
 давать **пешака** 186
 подсластить **пилюлю** 138
 дать **пинка** 123
 получить **пинка** 123
пир на весь мир 235
пишите письма 98
 вывести на **передний план** 129
 выйти на **передний план** 129
 в **плане** 167
 сменить **пластинку** 37
 платье как платье → X как X 25
плечом к плечу 196
 не по **плечу** 235
 младое **племя** 178
плод безумного/больного/болезненного воображения 144
 запретный **плод** 133, 181
 куда ни **плюнь** 182
пляска святого Витта 70
 до **победного** 165, 173
 одержать **победу** 67, 124
мамаево **побойще** 230

тоже мне подарок → тоже мне X 87
 поджилки трясутся 100
 так поди же попляши 95
 не подмажешь — не поедешь 69
 вывести всю подноготную 231
 подобно тому как 84
 подумать только 55
 поезд ушел 37, 79, 80, 81, 125
 на всякий пожарный 65
 поживем — увидим 70
 дать показания 97
 оставить в покое 97
 с покону веков 231
 один в поле не воин 78
 страусиная политика 100
 по полной / по полной программе 55, 65, 75
 полночь за полночь 65
 заводиться с пол-оборота 100
 в положении 169
 с полпинка 166, 182
 на полусогнутых 65
 натянуть по самые помидоры 171
 [и] поминай как звали 232, 235
 по-над 84, 85
 словесный понос 182
 брать на понт 173
 ни за поноух/нух табаку 232
 каков поп, таков и приход 83
 нужен как попу гармонь 109, 143
 пользоваться популярностью 97
 попытка (—) не пытка 83
 идти на попятную 101
 до тех пор пока 84
 с тех пор как 84, 181
 порт пяти морей 179
 молчать в тряпку 182
 потерпеть поражение 75
 порыв ветра 76
 что посеешь, то и пожнешь 79
 наш пострел везде поспел 59, 97, 232

прыгать до **потолка** 100
 плевать в **потолок** 106, 153
потому что 69, 71, 88
 как **потопал**, так и **полопал** 184
почва уходит из-под ног 127
 выбить **почву** из-под ног 127
 лишиться **почвы** под ногами 127
 тоже мне **поэт** → тоже мне X 26, 87
правда хорошо, а счастье лучше 18, 80
 резать **правду**-матку 48
праздник не в праздник → X не в X 26
праздник праздником → X X-ом 13
 отправить к **праотцам** 185
 отправиться к **праотцам** 103, 104
 [разбить/рассыпаться] в **прах** 200
 жить в ином **пределе** 201
 без **прелюдий** 145
 закоренелый **преступник** 69, 75
 положить с **прибором** 169
 {— Привет!} — **Привет** от старых штиблет. 72, 177
 искать **приключения** на свою голову 235
 приводить **пример** 62
 у **природы** нет плохой погоды 95
 быть на **прицеле** 123
 держать на **прицеле** 123
 до второго **пришествия** 178
пробы ставить негде 183
 высокой/высшей **пробы** 180
прокукарекал, а там хоть не рассветаи 138
 божий **промысел** 185
 это тебе/вам не у **Пронькиных** [чай пить] 229
простота хуже воровства 97
 хоть **пруд** пруди 37
 застегнутый на все **пуговицы** 212, 213
 гнать **пургу** 173
 чтоб **пусто** было 72
 все **путем** 54
 пойти (каким-л.) **путем** 54
 стоять на **пути** 54
 проводить в последний **путь** 172

пыль веков 164, 178
пускать **пыль** в глаза 219, 223
по **пьяни** 70, 176
ахиллесова **пята** 64
наступать на **пятки** 102

Р

работа не волк — в лес не убежит 37, 79
работа — она и в Африке **работа** → X — он и в Африке X 86
топорная **работа** 73
от **работы** конидохнут 79
всё **равно** 80, 90, 104
радость обуяла 67, 73
раз плюнуть 37
как **раз** 84, 85
семь **раз** отмерь — один отрежь 37, 79
прийти к шапочному **разбору** 45
на **развязях** 153
в **разгар** 178
две большие **разницы** 166, 184
в таком **разрезе** 167
в **разу** 153
рано или поздно 123
пустить в **расход** 122
рвать и метать 70, 100
поставить **ребром** 192
рёва-корова 177
взять **реванш** 75
ревмя реветь 65, 232
с **резьбы** сорваться 100
где уж нам **рекорды** ставить → где уж нам Р 26, 70, 87, 98
чесать **репу** 134
принимать/принять **решение** 62, 69, 73, 74, 75, 152
сидеть/оказаться за **решеткой** 127
посадить за **решетку** 127, 149
угодить за **решетку** 127
Третий **Рим** 70
скрутить в бараний **рог** 182
рога обломать 182
поставить на **рога** 128

дать/врезать по **рогам** 128
 получить/схлопотать по **рогам** 128
 стоять на **рогах** 128
родина слонов 168, 172
 оставить **рожки** да ножки 128
 остались **рожки** да ножки 128
 переть на **рожон** 185
 во весь **рост** 203
 заткнуть **рот** 182
 на всякий **роток** не накинешь платок 77
 не сметь **рта** раскрыть 100
 не успеть и **рта** раскрыть 125
 перейти **Рубикон** 94, 181
 в **ружье** 175
 встать под **ружье** 127
 поставить под **ружье** 127
 под **ружьём** 127
 сбыть с **рук** 70
 закатав **рукава** 70
 [работать] спустя **рукава** 69, 128
 пойти по **рукам** 125
 пустить по **рукам** 125, 196
 чужими **руками** жар загребать 22
руки вверх 14, 69, 91
руки марать 196
 под белы **руки/рученьки** [взять/подхватить...] 70, 135
 сидеть сложа **руки** 153
 с легкой **руки** 38, 192
 чтоб **руки** отсохли 72
рукой подать 32, 122
 под **рукой** 32
 быть (чьей-л.) правой **рукой** 228
 иметь свою **руку** 228
 протянуть **руку** помощи 228
 я на **русалках** больше заработаю 98
 позолоти **ручку** 72
 биться как **рыба** об лед 22, 183
 молчать как **рыба** 183
 молчать как **рыба** об лед 183
 нужен как **рыбе** зонтик 37, 106, 109, 143

дать в **рыло** 203
не суй свое свиное **рыло** в наш огород 185
рылом не вышел 82
с суконным **рылом** в калашный ряд 232
рыльце в пушку 183
рыцарь без страха и упрёка 193
рыцарь печального образа 193

С

{— Как дела?} — Как **сажа** бела. 72
салом по сусалам 232
сани до Казани, язык до Киева 232
не в свои **сани** не садись 77, 78, 79, 80, 82
сапожник без сапог 138
пьян как **сапожник** 76
собачья **свадьба** 138
ни **сват** ни брат 51, 52, 59, 232
всяк **сверчок** знай свой шесток 77
в белый **свет** как в копеечку 230
дать зеленый **свет** 123
не ближний **свет** 122
ни **свет** ни заря 122, 265
Новый **Свет** 45, 265
отправить на тот **свет** 125, 265
отправиться на тот **свет** 120, 125
получить зеленый **свет** 265
чуть **свет** 122, 265
на том **свете** с фонарями ищут 122
ни **свету**, ни совету, ни толку нету 235
по белу **свету** 235
до **свидания** 91
подложить **свинью** 206
свинья грязь найдет 183
к **свиньям** [собачьим] 165, 173
художественный **свист** 138
стоять на своём 212, 213
хоть **святых** выноси 97
дать **сдачи** 119, 123
получить **сдачи** 123
сдвиг по фазе 149

не в себе 149
 [есть] как не в себя 63, 149
 седина в бороде, [а] бес в ребро 235
 бархатный сезон 178
 семо и овамо 56, 168, 199, 231
 не по сеньке шапка 97
 сердце ёкнуло 73
 сердце разрывается 100
 перестало биться (чѣ-л.) сердце 172
 разбить сердце 15
 на полном серьёзе 57, 186
 ни сесть ни встать 65
 сикось-накось 180, 232
 тараканы силенки 200
 сильные мира сего 172
 ни синь-пороху 232
 сирота-сиротой 90
 от сих до сих 65
 так сказать 138
 ни в сказке сказать, ни пером описать 235
 посадить на скамью подсудимых 129
 сесть на скамью подсудимых 129
 скатертью дорога/дорожка 72, 181, 235
 короче, Склифосовский 180
 до скончания века 178
 коль скоро 84, 85
 на славу 181
 слёзно просить/молить/умолять 11
 куриная слепота 122
 не бросать слов на ветер 17, 18, 216
 замолвить словечко/словцо 12, 105, 106
 слово связывает 76
 вернуть слово 76
 держать свое слово 33
 состоять на службе 175
 не в службу, а в дружбу 72
 от случая к случаю 178
 только за смертью посылать 65
 двум смертям не бывать, а одной не миновать 79
 и смех и грех 232

смешинка в рот попала 100
смирение паче гордости 185
в собственном смысле 137
как снег на голову 195
снова-здорово 138, 233, 234
заснуть непробудным сном 104
уснуть вечным сном 120, 172
собак гонять 153
как собак нерезаных 106, 183
нужен как собаке пятая нога 106, 109, 143
для бешеной собаки семь вёрст не крюк 183
принимать соболезнования 74
содом и гоморра 27
ставить под сомнение 73
розовые сопли 182
без сопливых разберемся 185
дать/надавать по соплям 123
получить по соплям 123
выносить сор из избы 64
родиться в сорочке 219
первый сорт 181
сосуд греха 185
Софья/Степанида Властьевна 60
спешу и падаю 72
сплошь и рядом 65
справедливость торжествует 75, 124
отдать справедливость 97
дай срок 72
стадо коров 76
во что бы то ни стало 69
старик Батурин 135
кто старое помянет, тому глаз вон 97
старость не радость 70, 82, 83
глубокая старость 11
старуха с косой 169
[и] на старуху бывает проруха 71, 83
поставить к стенке 100, 122
на все сто 54, 55, 65
стой, кто идет 91
каков стол, таков и стул 182

под **стол** пешком ходить 122
 превратиться в соляной **столб** 206
 обходить **стороной** 97
 Страна восходящего **солнца** 167, 179
страна дураков 168
страна чудес [и членов КПСС] 168
страха ради иудейска 185
 забить **стрелку** 175
строго говоря 137
 вывести из **строя** 125
 выйти из **строя** 125
 ни **стыда**, ни совести 144
 черная **суббота** 168, 172
 шемякин **суд** 230
 на нет и **суда** нет 69
 не **судьба** (кому-л. сделать что-л.) 39
сума переметная 231
 от **сумы** да от тюрьмы не зарекайся 78
 {— Потом.} — **Суп** с котом. 143
сцена у фонтана 101
счастливые часов не наблюдают 95
 попытать **счастья** / попробовать счастья 74
 для ровного **счета** 172
 по гамбургскому **счету** 172
сыр-бор разгорелся 194

Т

дать/оформить/двинуть в **табло** 119, 128
 получить/схлопотать в **табло** 128
 как бы не так 67, 180, 181
 и надо же было выдумать такое → [и] надо же Р 87
 с таким 231
 переть как **танк** 184
 не **талант**, а **талантище** → не X, а X-ище 87
 кто первый встал, того и тапки 97
 [чувствовать себя] не в своей тарелке 26, 195
тары-бары 232
 как **тать** 231
яко/как тать в ночи 185
 каждой/всякой **твари** по паре 28

между тем как 84
с тем чтобы 84
терпение лопнуло 48, 57
терпение и труд все перетрут 79
плыть по течению 12
выйти в тираж 70
тити-мити 232
Матросская Тишина 70
тишь да гладь [да божья благодать] 230, 232
то есть 87
и то 85
вследствие того, что 69
из-за того, что 69, 89
после того как 55, 84
рядиться в тогу 167
как только (—) так сразу 44, 55, 70, 97, 184
не только..., но и... 124, 181
где тонко — там и рвется 82
ля-ля(-ля) тополя 177
спустить на тормозах 101
тоска берет 13
попасть в точку 48
очень надо в тошнилровку вашу ходить → очень/больно нужно/надо
Р/Х 87
трали-вали 184
я не такая, я жду трамвая 136
хоть [ты] тресни [, но/а] 69, 71
Бермудский треугольник 70, 161, 162
иерихонская труба 28
закурить трубку мира 101
мартышкин труд 105
сизифов труд 105
без труда не вытащишь и рыбку из пруда 37, 69, 79, 81, 82
ни туда и ни сюда / ни туды и ни сюды 231
туз — он и Африке туз → Х — он и в Африке Х 86
ехать в Тулу со своим самоваром 167
поставить в тупик 123
турусы на колесах 193, 230
туча-тучей 89, 90
тьма-тьмушая 106

черный тюльпан 142, 171, 172
тюрьма плачет 183
дать тягу 106
пуститься во все тяжкие 54
тяп-ляп / тяп да ляп 232

У

{— Почему?} — [Потому что «почему»] кончается на «у». 143
ни убавить, ни прибавить 138
хоть [ты] убей 71
кормить [как] на убой 133, 138
пользоваться уважением 97
сматывать удочки 106
тихий ужас 175
извиваться ужом 195
держаться в узде 33
разрубить гордиев узел 181
все уже украдено до нас 98
улита едет, когда-то будет 97
дать/открыть зеленую улицу 123
{— Куда?} — На улицу Труда. 143
получить зеленую улицу 123
ум хорошо, а два — лучше 78
ум, честь и совесть нашей эпохи 49
свести с ума 162
сойти с ума 58, 69, 107, 149, 162, 194, 197
спрыгнуть с ума 107
повредиться в уме 107
жить своим умом 33
с умом 181
в унисон 115, 116
на уровне 181
по усам текло, а в рот не попало 167
сами с усами 230
трудовые успехи 67
с утра до ночи 178
по утрянке/утряку 57, 58
демянова уха 95
уходить в себя 33
принимать участие 74, 75, 76

тяжело в **у**чении — легко в бою 97
на **у**чете 121
дать/надавать по **у**шам 119
ездить по **у**шам 138
чесать за **у**шами 201
стоять на **у**шах 127
от **у**шей до пяток 105
встать на **у**ши 127
ослиные **у**ши торчат 186
поставить на **у**ши 127
притягивать за **у**ши 138
за **у**шко да/и на солнышко 177

Ф

под **ф**анеру 137
Федот, да не тот 231, 232
до едрёной **ф**ени 165, 169
волшебный **ф**онарь 168
от **ф**онаря 38, 141

Х

на **х**аляву 128
характер нордический 98
моя **х**ата с краю 230
поджечь **х**вост 100
живем — **х**леб жуем 233
зарабатывать себе на **х**леб 233
посадить на **х**леб и воду 129
сидеть на **х**лебе и воде 129
хоть бы **х**ны 232
ходуном ходить 24
а **х**озяин держится индифферентно — перед рожей руками крутит 98
не по хорошу мил, а по милу хорош 97
хоть бы 69
что **х**очу, то и ворочу 177, 184
хрен редьки не слаще 67, 68
на **х**рена 169
за каким **х**реном 169
нет **х**уда без добра 191
не **х**ухры-мухры 184

Ц

при **царе** Горохе 225, 235
в некотором **царстве**, в некотором государстве 235
в тридевятом/тридесятом **царстве**/ государстве 235
цацки-пецки 65, 184
во **цвете** лет 178
в **целости** и сохранности 181
торговый **центр** 15
знать себе **цену** 165, 172
цыплят по осени считают 69, 77
на **цырлах/цирлах** 173

Ч

чаи гонять 186
час между собакой и волком 178
час от часу 197
час от часу не легче 67, 69, 197
пробил (чей-л.) последний **час** 172
кто ни шасть — все на мою **часть** 78
как **часы** 145
[да] минует/минет **чаша** сия 164, 172
человек — это звучит гордо 67, 68
маленький **человек** 49
самый человечный **человек** 49
матерый **человечище** 49
бить **челом** 230
червь сомнения 76, 187
черным по белому 216
не так страшен **черт** как его малюют 20
чёрта лысого 184
до **черта/чёрта** 106
у **чёрта** на куличках 122
честь имею [кланяться] 185
всё **чики-пики** 179, 184
чин-чинарём 184
всыпать по первое **число** 119, 129
получить по первое **число** 129
всё **чих-пых** 180, 184
на всякий **чих** не наздравствуешься 77
что за 84

не то чтобы не... а 10
чувство локтя 37
чуть лишь 84
чуть что 84, 85
чушь на постном масле 172

Ш

шаг за шагом 178
в двух шагах 122
на каждом шагу 165, 172, 179
не сделать [лишнего] шагу/шага 154
шалашовка разливная 201
дать по шапке 119, 123
получить по шапке 123
золотой шар 121, 122
ни шатко ни валко 65, 232
шахер-махер 184
дать по шее 123
получить по шее 123
сидеть/висеть на шее 127
гнать в три шеи 203
шерочка с машерочкой 11, 65
на шермака 231
знать свой шесток 77, 167, 173
посадить [к] себе на шею 127
сесть на шею 127
шишка на ровном месте 69
школа коммунизма 169, 173
спасать [свою] шкуру 100
шнурки в стакане 54
да... только шнурки поглажу 184
дать шороху 124
оставить без штанов 125
остаться без штанов 125, 126
бежать задрав штаны 182
в штаны наложил 100
штучки-дрючки 184, 232
принимать в штыки 70
пилите, Шура, пилите, они золотые 96
шуры-муры 9, 232
шутка сказать 71

Щ

дать по **щам** 119
тех же **щей**, да побольше влей 137

Э

голубой **э**кран 168, 186

Ю

держаться за бабью **ю**бку 133
прятаться за мамину **ю**бку 100

Я

адамово **я**блоко 34
попасть в **я**блочко 110, 138
яблоку негде упасть 20
явился не запылится 184, 232
язык до Киева доведет 97, 232
вертится на **я**зыке 112
слава **я**йцам/тебе **я**йца 172
дорого **я**ичко к христову дню 97
на меня, что в **я**му: все валится 78
ярмарка тщеславия 172
двуликий **Я**нус 167, 172
сыграть в **я**щик 24, 58, 62, 104, 107, 120, 170

РУССКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ЛАТИНСКИМИ БУКВАМИ

Р

вот тебе и Р/Х: вот тебе и **выходной** ...; вот тебе съездили на дачу ... 87
где уж нам Р: где уж нам по европам ездить ...; где уж нам с тобой
замуж выйти ...; где уж нам лекции читать ...; где уж нам рекорды
ставить ... 26, 70, 87, 98
[и] надо же Р: надо же быть такой дурой ...; и надо же было выдумать
такое ... 87
очень/больно нужно/надо Р/Х: очень нужно было в это дело влезать
...; больно нужны нам эти нанотехнологии ...; очень надо в тошни-
ловку вашу ходить ... 87
ты у меня Р: ты у меня будешь **взрослых** уважать ...; ты у меня еще
поговоришь ... 90

Х

Х Х-ом [, а Р]: **праздник** праздником ... 13, 90, 98

Х как Х: **дом** как **дом** ...; **платье** как **платье** ...; 25

Х не в Х: **праздник** не в **праздник** ... 26

Х — он и в Африке Х: **блондинка** — она и в Африке **блондинка** ...;

Новый год — он и в Африке **Новый год** ...; **кризис** — он и в Африке **кризис** ...; **работа** — она и в Африке **работа** ...; **туз** — он и в Африке **туз** ... 69, 86, 87, 88, 90

всем Х-ам Х: всем **карасям** **карась** ...; всем **красавицам** **красавица** ...;

всем **мухоморам** **мухомор** ... 69, 87, 88, 90

вот тебе и Х → вот тебе и Р 87, 88

не Х, а Х-ище: не **борода**, а **бородища** ...; не **глаза**, а **глазищи** ...; не **кулак**, а **кулачище** ...; не **огород**, а **огородище** ...; не **талант**, а **талантище** ... 69, 87, 88, 90

очень/больно нужно/надо Х → очень/больно нужно/надо Р 87, 88

тоже мне Х: тоже мне **Европа** ...; тоже мне **литератор** ...; **охотнички** тоже мне ...; тоже мне **подарок**; тоже мне **поэт** ... 26, 87

Х-у не до Y-а: **Ивану** не до **развлечений** 90

КИТАЙСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

S

wai sheng da denglong — zhao jiu 56

T

san ting yi shi 56

АНГЛИЙСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

A

to keep (sb.) at **arm's** length 32

B

to spill the **beans** 30

to get out of **bed** on the wrong side 206

best before... 91

to kick the **bucket** 15

to take the **bull** by the horns 27

to beat about the **bush** 216

C

to be like a **cat** on hot bricks 206
to let the **cat** out of the bag 30
shopping **center** 15

D

to make/to take a **decision** 152
dribs and **drabs** 56
to throw **dust** in/into (sb.'s) eyes 219, 223

F

far from 16
to have cold **feet** 48
to play with **fire** 205
to send away with a **flea** in his/her ear 49

H

head over heels 233

I

to break the **ice** 31

L

by and **large** 16

M

Black **Maria**/Mariah 255
to take **measures** 73

P

hot **potato** 206, 207
prunes and **prism(s)** 220

R

[to be caught] between a **rock** and a hard place 48

S

safe and **sound** 59
black **sheep** 219

to cut off with a **shilling** 207
spic and **span** 59, 206
to throw in the towel/**sponge** 48
to be born with a silver **spoon** in one's mouth 219
to pull [the] **strings** (for sb.) 16

T

a **tempest** in a teapot 207
to throw in the **towel**/**sponge** 48
to play a dirty **trick** 206
tweedledum and **tweedledee** 56

W

by the **way** 224
in a **way** 224
out of the **way** 224
the other **way** round/around 224
this **way**, please 224
in some **ways** 224

ИВРИТ

beheseg yad 32

ИСПАНСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

C

el **chino** de la esquina 229

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

da consumarsi preferibilmente entro il... 92

ЛАТИНСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

A

alea jacta est 93

R

Rubiconem transeo 94

HEMEЦКИЕ ВЬРАЖЕИИЯ

A

am **Arsch** lecken 51

B

lügen, dass sich die **Balken** biegen 49

einen **Bären** aufbinden 49

Bauklötze staunen 49

die **Beine** in die Hand nehmen 49

auf eigenen **Beinen** stehen 48

ich fress(e) einen **Besen** / will einen 218

Besen fressen 218

in **Bezug** auf 14

[sich] kein **Blatt** vor den Mund nehmen 48

im gleichen / in einem **Boot** sitzen 213

schwarzes **Brett** 14

auf den **Busch** klopfen 216

D

eins aufs **Dach** geben 105

eins auf den **Deckel** geben 105

den **Drehwurm** haben 57

der lachende **Dritte** 58

E

man lebt ja nur **einmal** 14

heiβes **Eisen** 206, 207

eine **Entscheidung** treffen 152

F

blindes **Fenster** 13

ins **Fettnäpchen** treten 57

sich aus den **Fingern** saugen 206

G

(jmdm.) reißt der **Geduldsfaden** 57

den/seinen **Geist** aufgeben 217

Götz von Berlichingen 51

H

Haare auf den Zähnen haben 49
sich in die **Haare** geraten 48
sich die **Haare** raufen 216, 217
Hals über Kopf 233
mindestens **haltbar** bis... 91
aus der **Haut** fahren 216
nicht übers **Herz** bringen können 207
auf **hundert** sein 54
eins auf den **Hut** geben 105

K

der Eiserne **Kanzler** 26
die **Kehrseite** der Medaille 213
das **Kind** mit dem Bade ausschütten 213
mit **Kind** und Kegel 59
wie auf glühenden **Kohlen** sitzen 206
von **Kopf** bis Fuß 206
auf eigene **Kosten** 26
(jmdm.) platzt der **Kragen** 48
Krethi und **Plethi** 56
aufs **Kreuz** legen 48

L

Land und **Leute** 59
die **Leviten** lesen 57
hinters **Licht** führen 48
mit einem silbernen **Löffel** im Mund geboren sein 219, 220

M

Maßnahmen treffen/ergreifen 73
grüne **Minna** 225
Morgenstund hat Gold im Mund 14
aus einer **Mücke** einen Elefanten machen 207

N

den **Nagel** auf den Kopf treffen 48
an der **Nase** herumführen 214, 215, 217

O

übers **Ohr** hauen 14

R

einen **Rochus** haben 57

S

zur **Salzsäule** erstarren 206

in **Saus** und **Braus** 56

schwarzes **Schaf** 219

sein **Scherflein** beitragen 57

ins **Schlepptau** nehmen 146

schwarz auf weiß 216

sowohl... als auch... 14

den **Stier** bei den Hörnern packen 27

sich zwischen zwei **Stühle** setzen 213

ein **Sturm** im Wasserglas 205, 207

T

Tante-Emma-Laden 229

blinde **Tasche** 13

nicht alle **Tassen** im Schrank haben 206

(jmds.) **Thron** wackelt 14

in der **Tinte** sitzen 127

in die **Tinte** geraten 127

in die **Tinte** reiten 127

blinde **Tür** 13

U

sich ins **Unrecht** setzen 213

W

Wind machen 213

in den **Wind** reden/sprechen 216

X

X hin **X** her 13

НИЖНЕНЕМЕЦКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ (ВЕСТМЮНСТЕРЛАНДСКИЙ ДИАЛЕКТ)

M

he kick et leste **Maol** döör't Balkenschlopp 227

N

he steck de **Nösse** nao't Balkenschlopp 227

S

de **Seele** geht nao de Fabrick hen 226, 227

НИДЕРЛАНДСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

H

tegen **heug** en meug 56

tenminste **houdbar** tot... 92

met **hutje** en mutje 56

ФРАНЦУЗСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

C

être né(e) avec une **cuiller** d'argent 219

dans la **bouche** 219

E

Ed l'**Epicier** 229

F

être **frère** du côté d'Adame 40

M

revenons à nos **moutons** 26

P

à consommer de **préférence** avant le.. 92

T

prendre le **taureau** par les cornes 27

Учебное издание

**Баранов Анатолий Николаевич
Добровольский Дмитрий Олегович**

ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИИ

Учебное пособие

Подписано в печать 10.02.2014.

Электронное издание для распространения через
Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б,
комн. 324. Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.